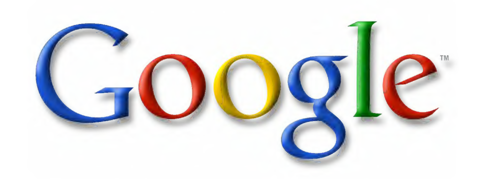

Google

VE RI TAS

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакціею Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

Секретаря Отдѣленія **Ѳ. И. Щербатскаго** и

члена-сотрудника **Н. Н. Виноградова**

Выпускъ I **Годъ XVI**

1907

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

1907.

ОТДѢЛЪ I.

Сибирскія пѣсенныя старины [1]).

Автору этой статьи пришлось пробыть одиннадцать лѣтъ въ административной ссылкѣ въ Енисейской губерніи, исключительно въ селеніяхъ—первоначально въ Ачинскомъ, потомъ въ Енисейскомъ уѣздахъ, проѣздомъ посѣщать селенія Красноярскаго уѣзда той же губерніи, а въ концѣ-концовъ, уже какъ свободно живущему, довелось побывать и на Ангарѣ. Въ первоначальномъ мѣстѣ моей ссылки—въ с. Ужурѣ, Ачинскаго уѣзда группою „политическихъ" ссыльныхъ, въ томъ числѣ и мною, была устроена „земледѣльческая община", возлагавшая на ея членовъ личное участіе во всѣхъ сельско-хозяйственныхъ работахъ—и дома, и на полѣ, это позволяло „общинникамъ" приходить въ самыя тѣсныя соприкосновенія съ мѣстными крестьянами-сибиряками; „община" функціонировала съ 1888 по 1893 годъ включительно; въ 1894 г. меня выслали въ Енисейскій уѣздъ; тамъ, живя въ с. Казачинскомъ, я продолжалъ заниматься сельскими работами, но уже нанимаясь, какъ поденщикъ, то къ одному, то къ другому крестьянину. Эта справка нами приведена постольку, поскольку она свидѣтельствуетъ о томъ, насколько тѣсно приходилось намъ жить съ сибирскими крестьянами и сколь было близко поле нашихъ наблюденій надъ ихъ общей жизнью.

Такимъ путемъ „общинники", въ томъ числѣ и я, пріобрѣтали массу самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній о мѣстной жизни; эти свѣдѣнія, къ сожалѣнію, не систематизировались, имъ не велась запись—то и другое не составляло цѣли жизни, хотя бы и подневольной, ни для кого изъ насъ. Въ концѣ уже ссылки, когда насильно меня оторвали отъ насиженнаго мѣста (с. Ужура), гдѣ за девятилѣтнее пребываніе успѣли завязаться и окрѣпнуть дружескія отношенія, въ частности, между мною и ужурскими крестьянами (товарищи мои уже разъѣхались),

[1]) Читано въ засѣданіи Имп. Русскаго Географическаго Общества 5 мая 1906 г.

я, чтобы скоротать дни одиночества на новомъ мѣстѣ (с. Казачинское), попробовалъ написать кое-что изъ того, что̀ зналъ о сибирскихъ крестьянахъ. Попытка болѣе или менѣе удалась. Написанные „Матеріалы по народной медицинѣ“, Ужурской вол., Ачин. у., были благосклонно приняты, благодаря сочувственному отзыву Владиміра Ивановича *Ламанскаго*, Имп. Рус. Географич. Обществомъ (въ 1896 г.).

Такимъ образомъ ссылка, по преимуществу же собственная склонность къ изученію устоевъ нашего народа и интересъ къ его судьбамъ— направили меня на путь сибирскаго бытописателя. Это не стоитъ и посейчасъ цѣлью моей жизни. Поэтому я не такъ часто отзываюсь на сибирскіе вопросы.

Познакомившись съ произведеніемъ А. Щапова, въ которомъ онъ касается пѣсенной поэзіи сибиряковъ, и замѣткой С. В. Максимова: „О сибирскихъ великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ“ [1]), мнѣ показалось, что въ отзывахъ обоихъ авторовъ по данному вопросу были допущены не совсѣмъ вѣрныя толкованія и обнаруживаются нѣкоторые существенные пробѣлы.

Мнѣ показалось, что въ интересахъ науки и сибиряковъ слѣдуетъ знакомымъ съ пѣсеннымъ вопросомъ въ Сибири попытаться внести къ приговорамъ упомянутыхъ авторовъ требуемыя поправки и постараться установить болѣе или менѣе правильную точку зрѣнія на свойства сибирской пѣсенной поэзіи и отношеніе къ ней самихъ сибиряковъ.

Это соображеніе вызвало предлагаемую ниже замѣтку.

Она, для краткости, нарочито ограничена „сибирскими пѣсенными старинами“, какъ наименѣе изслѣдованными. Сохранились ли онѣ среди коренного русскаго населенія Сибири или нѣтъ—до сихъ поръ большой вопросъ.

Ниже печатаемые подлинные тексты небольшого собранія сибирской пѣсенной старины служатъ лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

То, на какія категоріи подраздѣляютъ сибиряки свой пѣсенный репертуаръ и какъ онъ выполняется „на голоса“, показываетъ, съ другой стороны, и на извѣстную глубину сознательнаго отношенія къ пѣснямъ и устанавливаетъ извѣстную степень ихъ слуховой и голосовой музыкальности.

Съ этими основными положеніями тѣсно связаны и другія не менѣе важныя черты сибиряковъ, какъ пѣсенниковъ. Выясненіе тѣхъ и другихъ и составитъ предметъ дальнѣйшаго разговора.

---

[1]) „Жив. Стар.“. 1898 г., вып. I, отд. I, стр. 75—79.

„Ужъ вы, старыя старушки, вы послушайте,
Молодые вы, робятушки, вы подумайте,—
Стáрину я вамъ скажу стародавную“...
(*Изъ сибир. пѣсни*).

Знакомясь въ долгіе годы своей ссылки съ бытомъ и нравами сельскаго коренного населенія Ачинскаго, Енисейскаго и Красноярскаго уѣздовъ Енисейской губерніи, нами было обращено вниманіе, правда чисто любительское, и на его пѣсенную поэзію. Какъ оказалось на дѣлѣ, эту сторону духовной жизни сибирскихъ крестьянъ нельзя было миновать, нельзя было не изучать ее наравнѣ съ ихъ другими бытовыми особенностями: ибо пѣсня глубоко вкоренилась въ самыя нѣдра души населенія; она наипрочными узами сплелась съ его праздничными увеселеніями, обрядами, игрищами и даже съ работой.

Какъ собственныя записи пѣсенъ, такъ и пѣсенный матеріалъ (до 300 текстовъ, если не ошибаюсь), переданный собирателями — покойнымъ В. С. Арефьевымъ и г-жой Розенблюмъ—Восточно-Сибирскому Отдѣлу Географическаго Общества, позволяютъ сказать утвердительно о томъ: 1) что пѣсенный репертуаръ енисейскихъ крестьянъ, не предрѣшая пока вопроса мѣстный ли онъ или заносный, — очень богатъ и разнообразенъ, и 2) что самыя пѣсни населеніемъ подраздѣляются на нѣсколько категорій.

Самое большое количество пѣсенъ, вѣроятно, отчислится на категорію, такъ называемыхъ:

1. Проголóсныхъ или протяжныхъ [1]) пѣсенъ, т. е. такихъ пѣсенъ, какія, за небольшими исключеніями, не связаны съ какимъ либо обрядомъ, игрищемъ и т. п., а поются при всякомъ удобномъ случаѣ: во время уличныхъ сборищъ, въ „гулянкѣ“, или „на столованьѣ“ (званый пиръ) и пр.

2-ую категорію составляютъ пѣсни „игровы“, а именно: a) „короводны“ (хороводныя); b) „вечóрошны“—поющіяся во время вечернихъ увеселеній молодежи въ крытыхъ помѣщеніяхъ; c) „плясовы“, сопровождающіяся ускореннымъ темпомъ и игривымъ задорнымъ напѣвомъ [2]), d) „избушошны“ или „банны“— пѣсни смѣшаннаго характера, поющіяся во время осеннихъ и

[1]) Терминъ „протяжна“ въ примѣненіи къ пѣснѣ употребляется, м. пр., въ Щигровскомъ у., Курской губ., судя по записи г. Халанскаго, которая приводится у проф. Соболевскаго („Великорус. народн. пѣсни, т. VI, стр. 103).

[2]) По словамъ П. Воронова (изъ с. Кежмы) „плясовы поютъ во всяко время и круто“.

зимнихъ „дѣвьихъ“ работъ, по избушкамъ, банямъ или нанятымъ избамъ.

Къ 3-й категоріи относятся пѣсни „свадебны“, весьма разнообразныя по сюжетамъ и отчасти по напѣвамъ; ими сопровождается отъ начала до конца свадебный ритуалъ, строго соблюдаемый помѣстными крестьянами.

Въ Пинчужской волости (на Ангарѣ), Енисейскаго у., поются передъ новогодней ворожбой 4) пѣсни подблюдныя.

Встрѣчаются 5) пѣсни обрядовы: a) виноградье и колядки, поющіяся во время хожденія со звѣздой и безъ нея въ Рождественскія святки; b) поющіяся во время уличнаго представленія на масленицѣ или c) въ Семикъ, когда „обнаряжаютъ“ березку и пр.

Въ большомъ употребленіи среди сибирской молодежи 6) припѣвки или присказки (на Ангарѣ): однѣ изъ нихъ „соромски“—съ непечатнымъ или двусмысленнымъ содержаніемъ, „просмѣшны“ или „шутошны“ съ тенденціей осмѣять чье-либо поведеніе или отмѣтить какія-либо отличительныя черты отдѣльныхъ лицъ, группъ и цѣлыхъ мѣстностей [1]).

Существуютъ также 7) пѣсни, правда въ ограниченномъ количествѣ, поющіяся на проводи́нахъ отъѣзжающихъ на сторону членовъ семьи и другихъ близкихъ лицъ.

Сибирячками поются 8) плачевны или похоронныя причитанья; а въ деревнѣ Усольцевой, Кежемской вол. (Енис. у), какъ намъ передавали за достовѣрное, поются похоронныя пѣсни всѣми провожающими покойника на „могильникъ“ (кладбище).

Имѣются также 9) дѣтскія байки, напѣваемыя при усыпленіи младенцевъ; кромѣ того, сама сибирская дѣтвора знаетъ разные напѣвки и байки, которыми сопровождаются многія дѣтскія забавы.

При дѣленіи сибирскихъ народныхъ пѣсенъ по указаннымъ категоріямъ, мы не столько старались исчерпать всѣ ихъ оттѣнки, ихъ распаденія на цѣлый рядъ пѣсенъ подъ другими наиме-

---

[1]) Напр.: „Богучаны (село) при угорѣ,
Красны дѣвки при уборѣ;
Груди выставятъ впередъ,
На нихъ зарится народъ.
Ярки (деревня) стоятъ въ ямѣ—
Изукрашены бл...ми.
Пинчуга (дер.) стоитъ въ горѣ—
По три б..ди во дворѣ“.

нованіями (напр.: въ „вечёрошныхъ“ есть пѣсни—„походячи“, „посидячи“ и т. д.), сколько имѣли въ виду установленіе принципа, котораго сибиряки вполнѣ опредѣленно придерживаются при исполненіи своихъ пѣсенъ.

Уже бѣглый перечень категорій, которыми опредѣляется значеніе и указываются моменты употребленія тѣхъ или иныхъ сибирскихъ пѣсенъ, можетъ служить доказательствомъ того, что старожилое крестьянство на значительной площади Енисейской губерніи обладаетъ довольно разнотипными пѣснями и ими освящаетъ многія стороны своей жизни. Такъ, напримѣръ, въ хороводахъ, играхъ и танцахъ проходитъ вся недѣля Пасхи; вечорками съ играми и пѣснями сопровождаются Рождественскія святки; громогласнымъ пѣніемъ оглашаются сибирскія деревни во время масляничныхъ катаній съ ледяныхъ горъ („катушекъ“) и ѣзды въ экипажахъ по улицамъ въ послѣдніе дни масляницы, въ дни храмовыхъ („съѣзжихъ“) праздниковъ; пѣніемъ возвѣщаютъ „помочане“ о своемъ возвращеніи съ поля, гдѣ они, по приглашенію, косили или жали въ какой-либо изъ праздничныхъ дней; поютъ иногда поденщики, возвращаясь съ полевыхъ работъ; поются пѣсни, когда „помочане“ или „свадебный поѣздъ“ послѣ вѣнца отводятъ „столы“ и на другихъ „бесѣдахъ“, „гулянки“ (пирушки) подъ открытымъ небомъ съ пѣніемъ пѣсенъ устраиваютъ взрослые крестьяне, а молодежь, къ тому же, съ играми и танцами, во время осенняго лова рыбы на Ангарѣ и т. д., безъ конца, можно набрать обстоятельствъ, которыя сами вызываютъ или сопровождаются пѣснями сибиряковъ.

Однимъ словомъ сторожилое крестьянство Енисейской губерніи имѣетъ сильное тяготѣніе къ пѣнію и интересъ къ пѣснямъ. Это сказывается наглядно въ томъ, во-первыхъ, что среди него рѣдко встрѣчаются безголосые и не умѣющіе пѣть и, во-вторыхъ, въ ревностномъ стремленіи перенять и заучить „нову“ пѣсню, чѣмъ особенно отличается, разумѣется, деревенская молодежь; но отъ нея не отстаютъ крестьяне и крестьянки средняго возраста, и лишь старики сторонятся отъ „модныхъ“, придерживаясь „дѣдовскихъ“, старинныхъ или „досельныхъ“ пѣсенъ.

Наряду съ этимъ, важно отмѣтить *любовь* сибирскихъ крестьянъ къ тѣмъ или инымъ пѣснямъ. Старики поютъ преимущественно, повторяемъ, излюбленныя старинныя пѣсни. Эта излюбленность покоится у нихъ не на одной только слабости къ „досельщинѣ“, но въ достаточной степени на созна-

ніи, что въ ихъ пѣсенной „стáринѣ“ есть много заманчиваго. Въ однѣхъ описанія природы и ея явленій, при всей стилистической сжатости, часто восходятъ до поэтическихъ красотъ, какъ можно судить, напр., по нижеслѣдующему образцу прелюдіи къ извѣстной старинной пѣснѣ:

„Изъ-за лѣсу-то былó тёмнова,
Изъ-за гóръ-то былó высокихъ,
Не бѣлá заря занималася,
Не краснó сонцó выкаталося“.

(*Изъ моихъ записей по Сибири*).

Другія переполнены эпическими образами могучихъ богатырей или, по мѣстному, „осилковъ“, обладавшихъ широкимъ размахомъ молодецкой удали (Илья „Муровецъ“, Добрынюшка и др.). Въ „стáринѣ“ нашли отраженіе горемычное житье-бытье нашего народа, его нравы, чувства и понятія; въ нихъ запечатлѣлись историческія событія и охарактеризованы главнѣйшіе участники той или иной эпохи въ исторіи русскаго народа (Иванъ Грозный, Петръ I, Стенька Разинъ и др.); пѣсни стараго времени, наконецъ, богаты нерѣдко неувядающимъ афоризмомъ, глубокое жизненное значеніе коего сохранилось въ полной силѣ, намъ думается, и въ наши дни (см. текстъ пѣсенъ ниже).

Отъ такихъ-то именно стародавнихъ пѣсенъ такъ и вѣетъ чарующей простотой, ясностью мысли и жизненной правдой. Поются ли онѣ въ равнинахъ „матушки Расеи“, подъ южнымъ ли солнцемъ Малороссіи или въ пространныхъ непривѣтливыхъ дебряхъ суровой Сибири, про нихъ всегда почти можно сказать:

„Пѣсня—быль, сказка—врачь“.

(*Изъ сибир. поговорокъ*).

Можетъ быть не ко всѣмъ современнымъ пѣснямъ Сибири подойдетъ эта поговорка, но деревенская молодежь Енисейской губерніи, по понятнымъ для нея мотивамъ, отдаетъ болѣе предпочтенія „моднымъ“ пѣснямъ, изъ числа „проголосныхъ“ или „протяжныхъ“; тѣмъ не менѣе, изъ нихъ—однѣ поютъ чаще и охотнѣе, другія рѣже, послѣ того, какъ бываютъ перепѣты лучшія или недавно заученныя „новеньки“.

Остается отмѣтить еще одну характерную для сибирскаго крестьянства особенность,—это ихъ о х о т у къ пѣнію пѣсенъ. Такимъ качествомъ болѣе надѣлена, конечно, подвижная и экспансивная молодежь (обоего пола) сибирскихъ деревень; къ

тому же у ней находится какъ-то больше поводовъ для пѣнія; съ нея меньше „взыску“, если она запоетъ не во время или не къ мѣсту: „молодо-зелено“—что возьмешь?—Но надо сказать правду, что и взрослое населеніе сибирскихъ деревень весьма охотно переходитъ къ пѣнію пѣсенъ, особливо если было выпито „винишка“—на семейномъ ли торжествѣ сосѣда, у свата ли, въ кругу „кумпаніи“ (компаніи) изъ своей „ровни“.— Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ довольно легко удается, даже „проѣзжему молодцу“ при деньгахъ, созвать въ деревнѣ „вечӧрку“ съ играми, пѣснями и пляской—этому помогутъ охотники-парни да и сами дѣвушки охотно идутъ на нее, потому что весьма бываютъ рады случаю повеселиться. Легко, сравнительно, добиться отъ сибиряка и сибирячки сообщенія, словеснаго или съ пѣніемъ, для записи той или иной пѣсни. Все дѣло въ томъ, какъ сумѣешь подойти къ нимъ.

Лично намъ, живя на квартирѣ крестьянина, содержащаго заѣзжій дворъ (с. Казачинское), доводилось слышать „доброхотное“ пѣніе даже сибирскихъ ямщиковъ (изъ подъ Красноярска). И потому насъ заставило сильно удивиться при чтеніи голословнаго отзыва С. В. Максимова, который буквально говоритъ слѣдующее: „Сибирскій ямщикъ, напр., не поетъ ни доброхотно, ни по заказу [1]).

Гораздо серьезнѣе грѣшитъ противъ истины тотъ же г. Максимовъ, утверждая, что:

„Судя по первымъ нагляднымъ впечатлѣніямъ, русская пѣсня у замкнутаго, сосредоточеннаго въ самомъ себѣ, сытаго сибиряка совсѣмъ *не въ почетѣ*(курсивъ нашъ) и, какъ праздное бездѣлье, въ виду серьезныхъ задачъ природы, даже какъ-бы въ *загонѣ*“ (нашъ курсивъ). [1])

Изъ ближайшаго ознакомленія съ русско-сибирскимъ населеніемъ, съ его нравами, со всѣмъ его крестьянскимъ строемъ жизни и общимъ объемомъ его пѣсенной поэзіи никакъ нельзя прійти къ такому выводу. Но г. Максимовъ допустилъ его и тѣмъ самымъ опрометчиво нарушилъ истину.

Въ одномъ правъ г. Максимовъ, когда говоритъ, что: „главнымъ образомъ Сибирь довольствуется пѣснями, привезенными изъ Россіи старожилами“. Это совершенно вѣрно. Однако, не нужно забывать и того, что пѣсенный фундаментъ, внесенный съ собою въ Сибирь первоселами, надстраивался, увеличивался и разнообразился все время, пока производилась

---

[1]) „Жив. Стар.“ 1898 г., вып. I. отд. I, стр. 76.

ссылка въ Сибирь штрафованныхъ элементовъ Европейской Россіи и ея окраинъ. Сотни тысячъ ссылаемыхъ, изъ разныхъ народностей и сословій, неодинаковой культурности и профессій, погибли въ сибирскихъ дебряхъ, какъ „бродяжки", или въ каторжныхъ тюрьмахъ и рудникахъ или въ безотвѣтной роли батраковъ, не успѣвъ пустить осѣдлыхъ корней въ Сибири; но многіе изъ тѣхъ погибшихъ оставляли въ наслѣдство мѣстному населенію ту или иную пѣсню, преданіе или сказку, до которыхъ также падки сибиряки. Намъ самимъ довелось научиться отъ молодого „поселенца" напѣву извѣстной всѣмъ пѣсни Некрасова: „Что ты жадно глядишь на дорогу"; она, какъ „новинка", разучивалась ревностно и мѣстной деревенской молодежью. О другомъ аналогичномъ случаѣ мы слышали на Ангарѣ (въ 1904 г.) отъ пожилого крестьянина, который, въ объясненіе причины, почему онъ не знаетъ окончанія былины о „Дѣтствѣ Добрыни и его боѣ съ змѣемъ", разсказалъ, что онъ —

„малолѣткомъ перенялъ эту пѣсню отъ *поселенца*. Везли ево въ локтѣ, отецъ въ лямкѣ шелъ, я кормой правилъ; поселенецъ поетъ—я слушаю; натолкнись же лотка на камень, поселенецъ остановился пѣть на этомъ мѣстѣ... И я болѣ не знаю".

Оказывается, такимъ образомъ, россійская былина, благодаря остротѣ слуха и памяти сибирскаго мальчугана, стала достояніемъ старожилаго населенія Ангары; о самомъ же „пѣвцѣ" сохранилось одно воспоминаніе, что это былъ „поселенецъ"—имя имъ легіонъ—и больше ничего. О Гр. Вас. Сизыхъ (изъ д. Кежемская Заимка) говорятъ, что свои знанія пѣсенной старины, позаимствованныя имъ отъ отца—пѣсенника Вас. Ив. Сизыхъ (см. ниже), онъ пополнилъ, будучи „мальчонкомъ", пѣснями отъ „старыхъ солдатъ", жившихъ въ деревнѣ и у его отца въ работникахъ.

Подобныхъ примѣровъ, при желаніи, можно было бы нанизать сколько угодно. Всѣ они будутъ иллюстрировать давно установившееся мнѣніе, что главный контингентъ пѣсеннаго репертуара въ Сибири образовался и пополнялся долгое время заносными изъ Россіи пѣснями.

Это обстоятельство въ нѣкоторой степени, пожалуй, можетъ пролить свѣтъ на другой, не менѣе важный фактъ, а именно: среди русскаго коренного населенія Сибири, въ томъ числѣ и Енисейской губерніи, нѣтъ пѣсенъ собственнаго творчества, или ихъ такое ничтожное количество, что они составляютъ исключеніе, рѣзче подчеркивающее убогость пѣсен-

наго творчества сибиряковъ. Объясненіе этому поразительному явленію обыкновенно ищутъ въ суровыхъ условіяхъ сибирской природы, въ чрезмѣрно-тяжеломъ трудѣ сибирскаго крестьянства, въ излишней черствости его чувствъ, убивающей въ немъ поэтическія дарованія и т. д. Это одна напраслина на сибиряковъ. Мы на себѣ испытали доброту, состраданіе горю и узы крѣпкой дружбы, которыми платили крестьяне-сибиряки намъ, „политичецкимъ", за то „разумное доброе", какое последніе сѣяли среди нихъ [1]); поэтому всѣ подчеркиванія особенной черствости чувствъ или чрезмѣрности эгоизма у сибиряка считаемъ плодомъ излишней фантазіи писавшихъ о немъ. Затѣмъ, суровая природа и упорная борьба съ нею не помѣшали появленію въ свѣтъ исландскихъ и скандинавскихъ сáгъ и финской Калевалы.

Сослаться на оба указанные фактора, основательность коихъ во всякомъ случаѣ спорная, еще не значитъ окончательно выяснить коренную причину наблюдаемаго пустоцвѣта сибирскаго пѣсеннаго творчества. По нашему разумѣнію, она кроется въ нихъ лишь въ минимальной степени. Но, главнымъ образомъ, на путь чисто сибирскаго вдохновенія пѣсенной музѣ сибиряковъ мѣшали стать слишкомъ медленно, въ силу расовой особенности и обще-государственныхъ условій, совершавшійся процессъ „осибиряченья", т. е. перерожденія ихъ въ особый антропологическій и духовный типъ, съ одной стороны; съ другой—массовой наплывъ въ Сибирь ссыльныхъ, приносившихъ съ собою готовый пѣсенный и сказочный репертуаръ, ежегодно восполнявшійся все новыми и новыми пѣснями вплоть до отмѣны ссылки (по закону 10 іюня 1900 г.). Сибирякамъ оставалось лишь заучивать готовые пѣсни и напѣвы, чтó ими добросовѣстно выполнялось до послѣдняго времени.

Чѣмъ проявятъ себя сибиряки-крестьяне, предоставленные, послѣ отмѣны ссылки, самимъ себѣ, въ отношеніи пѣсеннаго творчества—это пока вопросъ будущаго, не такого уже неяснаго, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Я имѣю на это реальныя доказательства.

Не забѣгая, однако, впередъ, скажемъ еще нѣсколько словъ объ „извращеніяхъ" текстовъ и напѣвовъ сибирскихъ

---

[1]) Когда, по распоряженію быв. г.-губ. Вост. Сибири Горемыкина, меня увозили изъ с. Ужура (въ Енис. уѣздѣ), то ужурцы устроили трогательные проводы дома, а затѣмъ съ пѣніемъ пѣсенъ проводили меня за селеніе.. Можно бы многое прибавить къ сказанному—да не мѣсто.

пѣсенъ, о характерѣ самихъ напѣвовъ и о способахъ исполненія сибирскимъ населеніемъ обращающихся среди него пѣсенъ.

Во-первыхъ, сравнивая тексты и вспоминая напѣвы нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ, сибирскихъ „проголосныхъ“ или „протяжныхъ“ пѣсенъ съ тожественными „рассейскими“, у меня лично не остается основаній для повторенія банальнаго утвержденія, высказываемаго г.г. Щаповымъ, Максимовымъ и др. [1]), будто сибиряки допускаютъ какъ бы нарочно „искаженія“ текстовъ и напѣвовъ въ заимствованныхъ ими великорусскихъ пѣсняхъ. Напримѣръ, въ 1885 году, сидя въ Полтавской тюрьмѣ, я перенялъ текстъ и напѣвъ извѣстной пѣсни потюремщика: „Что не вѣтку вѣтеръ клонитъ“. Эту пѣсню впослѣдствіи я слышалъ въ разныхъ углахъ Енисейской губерніи: она поется сибирскими крестьянами съ полнымъ сохраненіемъ великорусскаго текста и напѣва; то же самое нужно сказать о пѣснѣ: „Скажи, скажи красавица, какъ съ милымъ ты разсталася?“ и др. Напротивъ, съ сильно измѣненнымъ текстомъ намъ встрѣтилась въ Енисейской губерніи всего одна пѣсня—это „Близко городу Славянту“, въ которой, по первымъ 3—4 строфамъ и болѣе или менѣе сохранившемуся подлинному напѣву, съ трудомъ можно узнать арію изъ оперы „Аскольдова могила“. При чемъ, документальныхъ данныхъ не имѣется, чтобы установить, гдѣ и когда эта арія стала столь обтрепанной—въ Сибири или еще въ самой Россіи? Въ такомъ же смыслѣ является вопросомъ происхожденіе пѣсни о „Карналюгѣ“ съ подозрительнымъ текстомъ [2]) и всѣхъ прочихъ, если таковыя отыщутся.

Во-вторыхъ, слушая однотипныя „проголосны“ пѣсни, заученныя нами уже на мѣстѣ,—въ Енисейской губерніи,—какъ онѣ поются въ отмѣченныхъ выше уѣздахъ, я находилъ, въ одномъ случаѣ, полное сохраненіе цѣльности текста и напѣва, въ другомъ—ничтожныя вставки въ тексты, не нарушающія въ общемъ содержанія пѣсни (сравни варіанты — „Куликъ кули-

---

[1]) Максимовъ — „О сибирск. великор. нар. пѣсняхъ“. („Жив. Стар.“, вып. I, отд. I, стр. 76, 1898 г.).

[2]) См. текстъ: „За Сибирью сонцо свѣтитъ“. Напѣвъ этой пѣсни нѣсколько приближается, м. пр., къ поющейся въ Кременчужскомъ у., Полтав. г. пѣснѣ: „Славный хлопецъ Карналюга“; слова ея полузабылъ, но мотивъ отлично помню, хотя ее заучилъ въ 1882—83 г.г. отъ работавшихъ со мной на жел. дорогѣ парней мѣстнаго казачества (на ст. Кременчугъ).

каетъ, по морю гуляетъ"), или нѣкоторыя отступленія отъ обычнаго напѣва. Встрѣчаются и такія пѣсни, которыя при удержаніи одинаковаго текста, поются на иной совершенно „ладъ"— напѣвъ (напр.—„При долинушкѣ калинушка стоитъ"), но съ болѣе красивыми вибраціями голоса запѣвалы и большей благозвучностью модуляцій хора (Енисейскій у.).

Очевидно, требуется напряженный трудъ соотвѣтственныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, которыя занялись бы энергично изученіемъ спеціально *сибирскихъ* пѣсенъ. И когда трудами тѣхъ и другихъ соберется сибирскій пѣсенный матеріалъ, будутъ произведены сравненія и анализы ихъ со стороны содержанія, стилистическаго построенія и музыкальности, тогда можно будетъ достаточно авторитетно говорить о томъ, въ какой степени сибиряки распоряжались по своему усмотрѣнію съ доставлявшейся имъ извнѣ пѣсенной поэзіей. А до тѣхъ поръ наши приговоры о ихъ пристрастіи къ „извращеніямъ" пѣсенъ будутъ носить разнорѣчивый болѣе или менѣе субъективный характеръ. Въ настоящемъ же мы можемъ говорить о частичныхъ разложеніяхъ въ Сибири великорусскихъ пѣсенъ, чему можетъ быть даже сами сибиряки способствовали менѣе, чѣмъ бывшіе главными разносителями по Сибири пѣсенъ—ссыльно-поселенцы и всенивелирующее время; по крайней мѣрѣ за девятилѣтнее пребываніе наше на одномъ мѣстѣ — въ с. Ужурѣ — я не наблюдалъ ни одного случая, гдѣ бы поющіяся тамъ пѣсни подверглись хотя бы малѣйшему видоизмѣненію со стороны текста или напѣва. Стало быть, на естественное, такъ сказать, разложеніе пѣсенной поэзіи въ Сибири, подмѣченное другими наблюдателями, требуются довольно продолжительные періоды времени. А это значитъ говорить объ *общемъ* явленіи, которое присуще въ одинаковой можетъ быть мѣрѣ и Азіатской и Европейской Руси.

Остается сдѣлать маленькое поясненіе относительно *напѣвовъ* и *исполненія* сибирскихъ пѣсенъ. Изучить напѣвы всѣхъ поющихся въ Енисейской губерніи пѣсенъ, конечно, мнѣ не удалось, поэтому я даю отзывъ о напѣвахъ пѣсенъ, которыя я изучилъ самъ или слышалъ самолично въ трехъ ея уѣздахъ. Одни — характера речитативнаго (былинныя) или монотонно-гнусаваго (въ исполненіи преимущественно стариковъ), другіе— минорно-грустнаго (лирическія, тюремныя, нѣкоторыя изъ игровыхъ и многія свадебныя) или игриво-задорнаго (нѣк. игровыя, плясовыя, шутошныя и др.) и развесело-удалаго темпа (нѣк. игровыя и проголосныя).—Не будучи музыкантомъ, я не могу

охарактеризовать болѣе основательно музыкальныя черты поющихся въ Енисейской губерніи великорусскихъ пѣсенъ, изъ которыхъ наберется, вѣроятно, громадное большинство однотипнаго напѣва съ „рассейскими"; но я знаю нѣкоторыя тамошнія пѣсни, исполненіе коихъ даетъ истинное музыкальное наслажденіе (см. ноты: „На родиму на сторонку" или „Ты куда жо, мой соколичекъ, отлетаешь?" и др.).

Самый употребительный способъ исполненія пѣсенъ среди сибирскихъ крестьянъ—*хоровой;* исключеніемъ изъ общаго правила являются единичныя причитанія невѣсты и похоронныя причеты. Иногда пѣніе пѣсенъ сопровождается игрой на музыкальномъ инструментѣ (балалайкѣ, бандурѣ), какъ, напримѣръ, плясовыя: „Не моя ли махонька идетъ", „Чижикъ" или игровая — „Вдоль да по бережку, вдоль да по крутому"; распространившаяся въ Сибири гармоника позволяетъ гораздо успѣшнѣе „подыгривать" къ проголоснымъ и др. пѣснямъ [1]). Обычная же форма исполненія сибирскихъ пѣсенъ голосовая, хоральная. Въ хорахъ сибирскихъ, какъ и „рассейскихъ", первое мѣсто всегда отводится пѣсельнику, короводнику или короводницѣ (запѣвалѣ), голосъ которыхъ чище, выше и выказываетъ способность красиво модулировать на общемъ фонѣ хоровыхъ *подголосковъ*. Запѣвалой бываютъ лица мужского и женскаго пола; они же обыкновенно лучшіе знатоки мѣстныхъ и др. пѣсенъ, отличаются остротой и музыкальностью слуха, способностью быстро схватить и усвоить какъ содержаніе, такъ и напѣвъ новой пѣсни и выказываютъ особенную склонность къ пѣснямъ и ихъ пѣнію. Роль „пѣсельника", „короводницы" сводится еще къ тому, что онъ или единажды „зачинатъ" (запѣваетъ) пѣсню, или многократно, сообразно требованію той или иной пѣсни, чтó впрочемъ выполняетъ иногда и второй голосъ.

Отъ этихъ общихъ замѣчаній о пѣсенной поэзіи сибирскихъ коренныхъ крестьянъ (Енисейской губер.) перейдемъ теперь къ изложенію фактической части нашего сообщенія.

---

[1]) Послѣднее обстоятельство нами подчеркнуто намѣренно, въ виду того что г. Рыбниковъ держится въ отношеніи русской пѣсни противоположнаго мнѣнія; онъ говоритъ, что: Русская пѣсня исполняется въ русскомъ народѣ одиночно или хоромъ, обыкновенно безъ сопровожденія музыкальныхъ инструментовъ (Брокгауза „Словарь", 311).

Изъ всей совокупности имѣющихся у насъ сибирскихъ пѣсенъ—свадебныхъ, вечерочныхъ, хороводныхъ и др. я приготовилъ для печати [1]) пока пѣсни „проголосны" или „протяжны"; а изъ послѣднихъ выбралъ для иллюстраціи вышеизложеннаго болѣе или менѣе интересныя „стáрины" или „досéльщины", какъ говорятъ сибиряки, выражаясь о старинномъ. Для удобства я разбилъ ихъ по группамъ:

Къ 1-й отнесены былины, числомъ 4 — съ различными сюжетами:

1) „Здунай-то, Здунай сынъ Ивановичъ"—съ новымъ (неоконченнымъ) сюжетомъ; 2) „Суханко Тумановичъ" — кажется, рѣдко встрѣчающееся имя эпическаго богатыря; два извѣстныхъ варіанта—3) „Дѣтство и бой Добрынюшки съ змѣемъ" и 4) „Неудавшаяся свадьба Олёши Поповича". Въ видѣ добавленія къ означеннымъ былинамъ присоединено 3 эпическихъ пересказа: 5) „Бой Добрыни съ бабой Горынищемъ"; 6) „Неудавшаяся свадьба Олёши Поповича"; 7) „Олёша Поповичъ, Якимша слуга-парубокъ и Тугаринъ змѣёвище".

Во 2-ю группу — низшія эпическія — вошла всего 1 пѣсня, а именно: „По мóрю, морéчку, морю синёму", 8) съ сюжетомъ о томъ, какъ дѣвушка выиграла въ карты три корабля; варіанты этой пѣсни помѣщены у гг. Ончукова и акад. Соболевскаго (см. тексты).

3-ю группу составляютъ историческія, имѣющія связь съ историческимъ лицомъ или мѣстностью (числомъ 16), среди нихъ слѣдуетъ отмѣтить: „Ужъ вы, старыя старушки, вы послушайте", 10. (съ сюжетомъ—взятіе Казани Грознымъ); „Во городѣ во Кря́ковѣ, во горни́цѣ" ...; 12 (съ сюжетомъ — какъ дочь разгадываетъ сонъ своего отца—шведскаго короля); „У нашева у царя у свѣта батюшка"; 9) „Во славномъ во городѣ и во Астраганѣ", 22; „Середи торгу-базару, середи ярмонки 11; (жалоба солдатъ на кн. Долгорукова); „Про Платóва казака, не бритая борода"; 13 „Изъ Тазу изъ городу шли два татарчина", 23—съ сюжетомъ о томъ, какъ племянникъ Сеньки Разина, замѣнивъ голову Петра Алексѣевича „животомъ своимъ", побѣдилъ двухъ татарчиновъ-богатырей и за это попросилъ царя, вмѣсто предлагавшихся въ награду селъ съ деревнями и городовъ съ пригородами, вывести дядю его

[1]) Другіе виды пѣсенъ будутъ сообщены впослѣдствіи вмѣстѣ съ описаніями свадебнаго ритуала сибиряковъ, ихъ вечерокъ, хороводовъ и т. п. игрищъ и обычаевъ.

„Сенькю Разина изъ проклятища“. Это добавленіе, какъ и другое — о самомъ Сенькѣ Разинѣ, сообщателемъ, В. Сизыхъ, сдѣлано было въ видѣ простого пересказа по причинѣ, о которой скажемъ ниже; отъ него же мы узнали и другое преданіе о Сенькѣ Разинѣ; оно введено нами въ группу историческихъ пѣсенъ, чтобы не нарушать цѣльности столь рѣдкихъ, можетъ быть, въ Сибири преданій объ исторической личности народнаго атамана, съ одной стороны, и въ цѣляхъ, съ другой стороны, сохраненія по возможности своеобразнаго обычая, свойственнаго и сибирскимъ пѣсенникамъ досельщины, которые тѣ былины или досельныя пѣсни, стихотворный складъ коихъ подвергся разложенію или утеряна какая-нибудь часть его, пополняютъ прозаическимъ пересказомъ собственнаго вымысла или готовымъ уже, циркулирующимъ по данному мѣсту преданіемъ, повѣрьемъ.

4-ю группу составляютъ пѣсни *солдатскія*, всего 6 штукъ, съ различными сюжетами на тему изъ солдатской жизни („Подъ славномъ то было городомъ подъ Орѣшкомъ“ и др.).

Въ 5-ю вошли рекрутскія,—всего 2 пѣсни (№№ 32, 33), съ описаніями горечи разлуки матери съ сыномъ рекрутомъ.

Въ 6-й—казачьи: „Эхъ ты старинушка, да ты старинушка“ [1]) начало съ оригинальнымъ повѣствованіемъ о донскомъ казакѣ, и два варіанта „Куликъ куликаетъ по морю гуляетъ“ (34 и 35), съ сюжетомъ о поѣздкѣ донскихъ казаковъ въ Москву на службу;

въ 7-ю группу вошли разбойничьи и тюремныя, 9, какъ-то: „Не шуми-ко, матушка, зелена дубравушка“, 36 (допросъ „дѣтины“, съ кѣмъ онъ разбой держалъ); „За Сибирью сонцо свѣтитъ“, 37 (передѣлка съ малорос. о Карналюгѣ-разбойникѣ); „Пропилася моя буйна головушка“, 41 (прощаніе „потюремщика“ съ жизнью); „Межу горъ Енисею роздаетца тунный гласъ“, 40 (жалоба „бродяжки“ на горькую судьбу) и др.

8-я и послѣдняя группа состоитъ изъ пѣсенъ лирическихъ, числомъ 26—на темы: любовь, тоска, убійство и т. п.; къ нимъ мы причислили одну пѣсню, поющуюся на „проводинахъ“ (проводы). „Ты куда же, мой соколичекъ, отлетаёшь“, 46 (проводы дружка), на томъ основаніи, что она, будучи въ то время „излюбленной“, поется населеніемъ Ужурской волости

---

[1]) Арестована полиціей въ числѣ др. сибирскихъ пѣсенъ при обыскѣ 10 марта 1906 г.

(Ачинск. у.) помимо такихъ экстроординарныхъ обстоятельствъ; къ числу излюбленныхъ пѣсенъ относилась: „На рòдиму на сторонку ясной соколъ прилеталъ“, 47 (по Ачинск. у.) и „При долинушкѣ калинушка стоитъ“ 48; послѣдняя поется на разные голоса (напѣвы)—въ Ачинскомъ уѣздѣ такъ, какъ показываетъ приложенный къ ней нотный перекладъ, а въ Енисейскомъ уѣздѣ — иначе (этотъ напѣвъ я также знаю). Еще важнѣе указать на пѣсню: „Пудко по сѣно поѣхалъ“, 45 (тоска по зазнобѣ), которую сообщатель Аѳ. К. Кокоринъ отнесъ къ числу типичныхъ пѣсенъ мѣстнаго происхожденія. Съ другими рекомендуемъ ознакомиться по нижеприложеннымъ текстамъ.

Вошедшія въ нашъ сборникъ „сибирскія пѣсенныя стàрины“ — совершенно свѣжій матеріалъ, за исключеніемъ былины „Здунай-то, Здунай сынъ Ивановичъ“; она перепечатывается заново вслѣдствіе того, что, будучи напечатанной въ „Живой Старинѣ“, XI, кн. 1, сама по себѣ, какъ оригинальный образецъ, какъ-то затерялась въ обстоятельныхъ примѣчаніяхъ Г. Н. Потанина и, вдобавокъ, текстъ ея былъ искаженъ опечатками (напр., вмѣсто „чару зелена вина“ напечатано: „гору зелена вина“ и т. п.). По времени записи, эта былина относится къ 1893 году; записи остальныхъ пѣсенъ были произведены разновременно: иныя зарегистрированы, вѣрнѣе сказать заучены (по Ачинскому у.), въ промежуткахъ 1886—1893 годовъ, другія (по Краснoярскому и Енисейскому уѣздамъ) между 1894—1898 г.г., а нѣкоторыя въ 1904; есть нѣсколько пѣсенъ, записанныхъ и присланныхъ мнѣ П. Т. Вороновымъ въ 1905—1906 г.г.

Въ мои планы, долженъ оговориться, никогда не входилъ спеціальный сборъ пѣсенъ; находясь въ ссылкѣ, я заучивалъ содержанія и напѣвы пѣсенъ исключительно для себя, и изъ числа тѣхъ, которыя болѣе были употребительны или болѣе нравились по мотивамъ. Лишь въ 1904 году, будучи командированнымъ Имп. Рус. Географическимъ обществомъ въ Енисейскую губернію, я записалъ попутно 3 былины, 3—4 пересказа ихъ и около 30 текстовъ оригинальныхъ пѣсенъ. Случилось это такъ.

Мнѣ пришлось проплыть по Ангарѣ отъ села Братскій Острогъ (Нижнеудин. у., Иркутской губ.) и до впаденія ея въ Енисей, съ цѣлью этнографическаго обозрѣнія лежащихъ на этомъ пути волостей: Братской и Карапчанской (Иркут. г), Кежемской и Пинчужской (Енисейской губ.). И вотъ въ Ке-

жемской волости меня познакомили съ крестьяниномъ-старожиломъ д. Кежемская Заимка. Онъ изъ числа зажиточныхъ, имѣетъ трехъ женатыхъ сыновей, живущихъ съ своими семьями у отца. Самъ В. И. высокъ ростомъ, плечистъ, съ выбритыми усами и подбородкомъ; не смотря на 60 лѣтъ, густые кудри на его могучей головѣ чуть заиндевѣли сѣдиной; онъ гораздъ еще на всякую работу. Дѣйствительно, В. И. и рыбу ловитъ, то и другое исправляетъ по домашности и никогда не сидитъ безъ дѣла, хотя по достатку могъ, кажется, и не утруждать себя. Таковъ уже обычай въ крестьянствѣ, чтобы старики, „домовничая", были бы чѣмъ-либо полезны своимъ домашнимъ.

Василій Ивановичъ былъ на славѣ, какъ „пѣсельникъ" многихъ старинныхъ пѣсенъ; онъ и былъ таковымъ на самомъ дѣлѣ. Къ сожалѣнію изъ его сокровищницы мнѣ удалось почерпнуть немногое. „Незадача вышла", какъ выражаются сибиряки.

Были Петровки—для старины казалось зазорнымъ постомъ пѣть или разсказывать пѣсни. Это была одна причина. Второй помѣхой служило то обстоятельство, что Василій Ивановичъ постоянно отвлекался по хозяйственнымъ дѣламъ (приводилъ въ исправность рыболовныя снасти, ставилъ самоловы и т. п.); мѣшали намъ сговориться недавнее знакомство и необычная для В. И. необходимость вдругъ ни съ того ни съ сего начать говорить, а тѣмъ болѣе пѣть пѣсню да еще въ одиночку, безъ привычной обстановки и хорошо извѣстной компаніи. „Ужо поживи до Петрова́ дня, говорилъ онъ, какъ бы извиняясь за дѣло, которое видимо не клеилось, о празникѣ соберется „кумпанія" насъ стариковъ—мы споёмъ тебѣ разныхъ пѣсенёкъ".— Я послѣдовалъ совѣту... Посулы не оправдались. Какъ разъ въ эти праздники у В. И. состоялись проводы старшаго сына, отправившагося съ лодкой въ г. Енисейскъ за частнымъ грузомъ, было ему не до меня. Когда 1-го іюля я долженъ былъ ѣхать дальше, В. И. на прощаніи, хотя и чувствовалъ себя немного невдоровымъ, сообщилъ торопливо то, что̀ читатель найдетъ въ соотвѣтственномъ мѣстѣ.

Знанія В. И. по части былинъ и пѣсенъ перенялъ полностью его старшій сынъ Григорій Васильевичъ, о чемъ, кромѣ однодеревенскихъ, свидѣтельствуютъ его же братья, имена которыхъ встрѣчаются подъ нѣкоторыми пѣснями. Въ концѣ лѣта я ѣхалъ съ Гр. Вас. на одной и той же лодкѣ, но записать отъ него ничего не удалось: остановокъ у насъ почти не было, а въ пути слѣдованія лодочники подъ вліяніемъ суевѣрнаго страха не рѣшаются пѣть — Григорій Васильевичъ только и могъ, какъ онъ завѣрялъ, передать пѣсню голосомъ.

Въ той же деревнѣ нашелся другой старикъ, Евграфъ Поповъ, 66 лѣтъ, бывшій тоже заправскимъ „пѣсельникомъ", а теперь, какъ онъ говорилъ, мѣшаться сталъ въ пѣсняхъ": въ Петровъ день мнѣ удалось позаписать отъ него нѣсколько пѣсенъ, да отъ сыновей В. И., отъ молодыхъ братьевъ Пудовыхъ и дѣвицы Натальи Заборцевой. Имѣются пѣсни сообщенныя Аѳ. Кес. Кокоринымъ, Ф. Т. Кокоринымъ — крестьянами с. Кежемскаго; нѣкоторые изъ сообщателей не записаны, такъ какъ это было ихъ желаніе. Въ д. Дворецъ (Кежем. в.) былъ даже случай, что я почти не встрѣтилъ желающихъ говорить мнѣ для записи пѣсни по той причинѣ, что какой-то шутникъ пустилъ „враницу", будто за это „будутъ брать въ солдаты всѣхъ, кто скажетъ пѣсню — будетъ ли это мужикъ, парень, дѣвка, баба ли". Нашелся все же одинъ крестьянинъ, который сказалъ былину о Добрынѣ; отъ другого записалъ 3 — 4 „пріискательскихъ" пѣсни, съ изображеніемъ порядковъ и положенія рабочихъ золотыхъ промысловъ. Въ другихъ селеніяхъ Кежемской волости записи пѣсенъ не производилось за недостаткомъ времени и наступившей порой сѣнокоса, выведшей главную часть населенія на острова и др. мѣста покосовъ. По тѣмъ же причинамъ я почти не касался пѣсенной поэзіи крестьянъ Пинчужской волости (за исключеніемъ с. Богучанскаго). Но изъ показаній служащаго сельскимъ писаремъ въ д. Каменкѣ (Пинч. в.) Аѳ. Кес. Кокорина (изъ с. Кежемскаго) и словесныхъ разспросовъ мѣстныхъ крестьянъ-ангарцевъ, выяснилось, что записанныя въ д. Кежем. Заимка былины и значительная часть др. пѣсенъ извѣстны населенію Кежемской и Пинчужской волостей [1]).

Такимъ образомъ, въ нашъ сборникъ вошла самая ничтожная часть русскихъ пѣсенныхъ старинъ, распространенныхъ среди коренного крестьянства Енисейской губерніи. Намъ думается, ихъ можно набрать на цѣлые томы. Пусть спеціалисты этимъ дѣломъ и займутся — „имъ и книги въ руки", какъ говорится. Я же своей посильной замѣткой, помимо установленія факта существованія этихъ старинъ и выясненія отношеній самихъ енисейскихъ крестьянъ какъ къ нимъ, такъ и къ другимъ образцамъ пѣсенной поэзіи, имѣлъ косвенное намѣреніе

---

[1]) Между прочимъ, въ с. Рыбномъ (на Ангарѣ) Пинчужской волости еще въ 1893 г. А. Александровъ записалъ отъ мѣстныхъ старожиловъ былину объ Ильѣ Муромцѣ и нѣск. др. пѣсенъ („Жив. Ст.", 1897 г., вып. I, отд. 2, стр. 101—105).

побудить спеціалистовъ къ дальнѣйшему изученію сибирско-русской народной пѣсенной поэзіи. Это изученіе должно внести весьма существенныя поправки въ прежнія кривотолки о пѣсенной поэзіи сибиряковъ. Не говоря уже о г. Максимовѣ, поющемъ, намъ думается, съ чужого голоса, отъ неправильнаго сужденія о ней не былъ свободенъ даже извѣстный ученый сибирякъ г. Щаповъ, оставившій послѣ себя довольно малообоснованный приговоръ, будто „сибиряки большею частью забыли всю древнерусскую старину, всѣ эпическія сказанія или былины и т. д.“

Такое категорическое обобщеніе г. Щапова едва ли могло имѣть мѣсто, если бы ему предшествовало болѣе тщательное, обнимающее значительную площадь Сибири изученіе памятниковъ старинной сибирско-русской пѣсенной поэзіи; но таковаго, насколько извѣстно, Щаповымъ не было сдѣлано, и потому къ его обобщенію слѣдуетъ отнестись какъ къ апріорному умозаключенію, требующему еще своего документальнаго подтвержденія. Частично я готовъ признать справедливость указаній г. Щапова на упадокъ русской пѣсенной старины въ Сибири (и то съ оговоркой для многихъ, быть можетъ, мѣстъ). Я самъ могъ убѣдиться въ томъ, что знаніе пѣсенной старины присуще главнымъ образомъ старшему поколѣнію сибирскихъ деревень; молодежь же не стремится заучивать старинныя пѣсни, находя ихъ мало интересными и неблагозвучными (за исключеніемъ нѣкоторыхъ). Но въ этомъ явленіи нѣтъ ничего специфически сибирскаго, повторяемъ, оно обще и русскому населенію многихъ мѣстностей Европ. Россіи; разложеніе и упадокъ пѣсенной старины коснулись, какъ удостовѣряютъ г.г. Ончуковъ и Григорьевъ [1]), даже Архангельской губерніи—этого мѣста хранилища былинныхъ сказаній, историческихъ и др. народныхъ пѣсенъ.

„Все йде, все минае“—писалъ когда-то Т. Г. Шевченко. Такъ было и должно быть. Въ этомъ виденъ естественный процессъ эволюціи русскаго народа по стезѣ матеріальной и духовной культуры. Не смотря на тьму невѣжества, понависшую надъ нимъ вслѣдствіе самовластнаго хозяйничества на Руси бюрократіи, онъ выйдетъ, благодаря здоровой и талантливой на-

---

¹) См. Н. Ончуковъ, „Былинная поэзія на Печерѣ“, стр. XXXIII: „...былинная поэзія на Печерѣ падаетъ и падать будетъ“. А. Григорьевъ: „ ..знаніе ихъ (старинъ) все-таки падаетъ и будетъ падать“ (предисловіе къ I тому, стр. XXIV).—„Архангельскія былины и историческія пѣсни“, 1904 г.

турѣ своей, изъ этой тьмы обновленнымъ, могучимъ и сильнымъ.

Къ тому же стремятся и сибиряки; въ ихъ средѣ замѣчаются уже симптомы пробуждающагося духовнаго обновленія; оно проглядываетъ отчасти и въ попыткахъ самостоятельнаго поэтическаго творчества. Въ самой крестьянской средѣ Енисейской губерніи появляются свои поэты и творцы пѣсенъ.

Такъ, изъ с. Казачинскаго (Енисейск. у.) мой другъ Александръ Никифоровичъ Казанцевъ, молодой крестьянинъ, прислалъ недавно тетрадку своихъ стихотвореній; два изъ нихъ: „Въ ожиданіи наводненія“ и „Весна въ деревнѣ“ были напечатаны, между прочимъ, въ мѣстной газетѣ „Енисей“. Его юному поэтическому дарованію, къ сожалѣнію, помѣшали развиться чисто житейскія обстоятельства. Онъ одинъ сынъ у отца, извѣстнаго на всю округу своимъ честнымъ служеніемъ дѣламъ своего общества, своею самобытною образованностью и необыкновенной трудоспособностью; но, кромѣ сына „Александрушка“, у Н. И. на рукахъ еще цѣлая семья, семьи бѣдныхъ родственниковъ, которымъ онъ оказываетъ всегда посильную помощь,—все это вмѣстѣ взятое побуждаетъ старика усиленно работать дома и на полѣ; ему во всемъ помогаетъ вся семья, въ томъ числѣ и нашъ поэтъ, изъ котораго выработался, подъ руководствомъ отца, опытный пахарь и хозяинъ. Крестьянство А. Н. любитъ и съ легкой ироніей подсмѣивается надъ неудавшейся судьбой стать поэтомъ [1]). Окончилъ онъ всего 2-хъ кл. сельское училище.

---

[1]) „Всѣ говорятъ: „съ твоей способностью
„Надо учиться еще продолжать!“
И начинаютъ съ большою подробностью
Пользу ученія мнѣ рисовать.
„Такъ ты не будешь трудиться и маяться,
И отъ работы не будешь горбатъ;
Можетъ быть (все въ мірѣ случается)
Будешь ты знатенъ, счастливъ, богатъ,—
Доля довольства, богатства и счастія
Больше ученымъ дается людямъ.
Что въ нашей жизни? Одни лишь несчастія,
Горе, лишенія... Знаешь ты самъ,
Сколько тревоги, нужды и страданія
Терпитъ несчастный и бѣдный народъ:
Бѣдно и скудно его достояніе,
Сколько горячаго пота ни льетъ“.
Я же какъ будто не слышу, не чувствую
Этихъ совѣтовъ людскихъ и рѣчей,

Другой мой пріятель, уроженецъ села Кежемскаго (Енис. у.), Павелъ Трефильевичъ Вороновъ, уже въ возрастѣ около 30 лѣтъ, сочинилъ „пѣсню", не имѣя никакого представленія о томъ, какъ это дѣлается. Читатель не обезсудитъ, если для ознакомленія съ этимъ оригинальнымъ произведеніемъ самоучки-барда приведу ее точностью, въ томъ видѣ какъ она была написана. Пѣсня посвящена злободневному на Ангарѣ вопросу о торговлѣ съ тунгузами [1]:

Ангарскіе жители,
Рѣки Катанги обители,
Тунгусовъ грабители.

Ежегодно по ней
На лодкахъ проплываютъ,
Тунгусовъ обираютъ;
Жисть русака,
Занимающагося съ тунгусомъ,
Привольна и легка,
Жисть тунгуса—
Друга русака—
Тяжела и трудна.

Тунгусъ цѣлый
Годъ трудится,
Пышнину [2]) добываетъ.
Придетъ та минута—
Зъ друзьями за рюмкой вина
Пропадетъ пышнина, но не одна:
Придётъ та минута—
Пышнина обрана,
И рюмка уйдётъ со стола,—

Тунгусъ съ похмелья пропадаетъ,
А отъ друга ему на похмелье
Кулакъ въ морду попадаетъ!

Это, такъ сказать, первыя ласточки сибирской самобытной народной поэзіи. Ростки однако пущены. Господство народа, властно идущее на смѣну отжившему свой вѣкъ бюрократическому режиму, создастъ этимъ росткамъ тучную почву, — среди тундръ и таежныхъ трущобъ Сибири они расцвѣтутъ, я увѣренъ, пышнымъ цвѣтомъ.

Алексѣй Макаренко.

Только уныло и тихо про себя думаю:
„Самъ-то я васъ не дурнѣй:
Да не позволяютъ мнѣ обстоятельства
Горькую участь превзмочь,
Ваши же всѣ благожелательства
Въ этомъ нисколько не могутъ помочь".

А. Казанцевъ.

[1]) См. *А. Макаренко.* „Эксплоатація тунгузовъ на р. Катангѣ". „Разсвѣтъ", № 107, 1905 г. и „Торговая вакханалія на р. Катангѣ" (№ 178).

[2]) Пушнину.

„Пречиста“ въ Москалівці [1]).

Въ углу, окруженная съ двухъ сторонъ правымъ нагорнымъ берегомъ р. Сулы, сама на лѣвомъ низкомъ, едва не на луговомъ ровномъ пространствѣ, ютится Москалівка, небольшое сравнительно, по населенности, село, растянувшееся длинной лентой по лѣвому берегу р. Сулы.

Съ горныхъ возвышенностей противоположнаго, очень высокаго, для здѣшнихъ мѣстъ, берега, особенно съ „Лысой Горы“, доминирующей надъ всей окрестностью, Москалівка представляется намъ едва замѣтной полосой съ утолщеніемъ къ Западу, ни дать ни взять—форма головастика. Она кажется едва замѣтной, удаленной отъ крупныхъ окружающихъ ее селъ съ ихъ „казёнками“, ярмарками, базарами, волостными и иными правленіями, начальствами и прочей многолюдной сутолокой и шумомъ сельской культуры. Москалівка какъ бы спитъ, она мало посвящена въ современность, ей какъ будто мало дѣла до „нововведеній“. И только въ послѣднія минуты, когда уже со всѣхъ сторонъ „выдумки“ охватили ее кольцомъ,—она какъ бы безсознательно перенимаетъ извѣстное теченіе, извѣстное внѣшнее явленіе, покоряясь духу времени. Впрочемъ и эти явленія пока не идутъ дальше самаго чуткаго сельскаго элемента—молодежи... Старики живутъ старымъ... Молодежь, въ послѣднее время, познакомилась съ чуждой ей одеждой—пиджаками, сапогами съ блестящими голенищами; имъ не чужда чисто „кацапська“ пѣсня и особенно частушка, только на дняхъ пробравшаяся сюда „изъ заробітківъ“, а съ ними вмѣстѣ и значительное количество чуждыхъ Москалівці словъ, а иногда и цѣлыхъ выраженій. Но всѣ эти явленія, вся эта накипь ничто, въ сравненіи съ тѣмъ же въ окружающихъ Москалівку

[1]) С. Москалівка—Роменскаго уѣзда Полтавской губ., въ 12 верст. отъ уѣзднаго гор. Роменъ, на р. Сулѣ.

селахъ: Перекопівці, Бобрику, Глиньску и др. Тамъ подобныя явленія обычны, здѣсь—пока новинка. Вотъ почему Москалівка представляется какъ бы сонной, не такъ воспріимчивой къ „новшествамъ“. Она ихъ воспринимаетъ тогда, когда уже является невозможностью отреченіе отъ нихъ.

Москалівка жила и значительной частью живетъ и теперь своими старыми, завѣщанными дѣдами и прадѣдами традиціями. Каждое отдѣльное явленіе оцѣнивается съ своей особой точки зрѣнія, имѣетъ свой, особо освѣщенный характеръ, передаваемые изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ.

Такимъ образомъ въ Москалівці сохранился еще нѣсколько иной укладъ жизни, въ сравненіи съ окружающими селами, сохранились старые взгляды на всѣ явленія, старыя примѣты, обряды, обычаи, надъ которыми въ сосѣднихъ селахъ уже, если и не позволяютъ смѣяться, то во всякомъ случаѣ не считаются съ ними. Нѣкоторые изъ нихъ представляются въ глазахъ москалівця, какъ бы освященными церковью, религіей: не поступить такъ, какъ принято, не сдѣлать того или другого, какъ полагается по прадѣдовски, по стариннымъ обрядамъ и обычаямъ—„гріхъ“. Одинъ изъ сохранившихся обычаевъ, происхожденіе котораго кроется въ глубинѣ „язычества“, когда природу почитали, красоту ея цѣнили, возведенный въ праздникъ, и нынѣ совершается — это празднованіе „Пречистоі“, праздникъ исключительно молодежи, передаваемый изъ рода въ родъ и сохранившійся до нашихъ дней, правда, потерявъ свою идею. Первоначальное значеніе его не передастъ ни одинъ человѣкъ, намековъ даже не сохранилось. Трудно сказать, видоизмѣненъ ли онъ временемъ и насколько. Празднованіе пріурочено къ 15 августа, дню празднованія Успенія Пресвятыя Богородицы у христіанъ. Названіе „Пречиста“—тоже мѣстное малороссійское названіе христіанскаго праздника, и въ глазахъ москалівцівъ устроенный ими нижеописываемый шестъ, какъ бы освященъ церковью. Отношеніе москалівцівъ и молодежи въ томъ числѣ къ ней какое-то странное, они не сумѣютъ сказать, зачѣмъ они устраиваютъ ее, что ихъ побуждаетъ къ этому. Не безъ удивленія смотришь на желаніе молодежи заниматься приготовленіемъ и устройствомъ „Пречистоі“: занимаясь цѣлыми днями самыми трудными полевыми работами, они работаютъ еще до 1—2 ч. ночи надъ устройствомъ ея.

Съ вечера начинаются приготовленія по устройству „Пречистоі“ къ слѣдующему дню ея празднованія—15-му августа.

часовъ съ 10 веч., времени, когда весь трудящійся сельскій людъ, исключая „хлопців" и „дівчатъ", покончивъ съ работами, особенно трудными въ это время, ложится спать, начинается усиленная, торопливая бѣготня на мѣстѣ устройства „Пречистої", „на піску", и по огородамъ за „квітками". Каждая „дівчина" какъ бы считаетъ себя обязанной принести со своего огорода часть цвѣтовъ, какіе имѣются у нея, годныхъ для украшенія „Пречистої". Обычно не хватаетъ „квітокъ", собранныхъ изъ такихъ добровольныхъ приношеній, а существуютъ еще огороды тѣхъ семействъ, гдѣ нѣтъ „дівчатъ" или они еще не въ возрастѣ, огороды еще не тронутые; партіи „дівчатъ" и направляются въ такіе огороды, переходя изъ одного въ другой, тутъ ужъ въ потьмахъ не разбираютъ, „якої дівчини огородъ, аби квітки були". Особенное стараніе прилагаютъ къ тому, чтобы отыскать возможно большихъ размѣровъ „гарбузъ". Послѣдній почему-то обязательно берется изъ рода сѣрыхъ сплюснутыхъ, а не длинныхъ пестрыхъ и черныхъ. Обычно такого рода присвоеніе огородныхъ продуктовъ не считается владѣльцами огородовъ за воровство. Смотрятъ на это какъ на необходимость, иногда какъ на шалость. Правда, пріятнаго немного: въ попыхахъ не столько унесутъ, сколько истопчутъ. Часто можно услышать на утро слѣдующаго дня добродушную брань какой-нибудь „молодиці" или „бабусі", у которой, кромѣ унесенныхъ „квітокъ", еще потоптана капуста, „хвасоля" и „ріпа", и прочія огородныя овощи, черезъ-чуръ усердными искателями „гвоздиків, маїорцівъ та чорнобривців", имѣющихъ исключительное право на украшеніе „Пречистої".

Огороды съ „квітками" да „гарбузами" намѣчаются заранѣе болѣе шустрыми любительницами праздника, которыхъ, кстати сказать, изъ года въ годъ все меньше и меньше. Насколько помнится, въ Москалівці два предпослѣднихъ года „Пречиста" уже не устраивалась—инициаторы дівчата отсутствовали. Въ окружающихъ Москалівку селахъ праздникъ этотъ не имѣетъ мѣста. Въ Москалівці „Пречиста" устраивалась чаще одна, а иногда бывало нѣсколько: „на селі", „на зацерквівці" [1]) и изрѣдка въ другихъ мѣстахъ.

[1]) „Село"—густо заселенная, скученная часть Москалівки. „Зацерквівка"—вытянувшаяся въ ленту часть съ песчанымъ выгономъ у церкви; здѣсь большею частію и устраивается „Пречиста".

Ночь теплая, звѣздная... Тихо въ воздухѣ... На обширной песчаной площади, освѣщаемой косыми лучами подымающейся отъ горизонта луны, „на піску", мелькаютъ тѣни, движутся темныя пятна. Тишина нарушается тихимъ и быстрымъ разговоромъ, сдержаннымъ смѣхомъ; въ разговорахъ чувствуется торопливость, слышится бѣготня. „Пречисту" устраиваютъ... „Дівчата квітокъ" принесли, а „хлопці" длинный шестъ 10—12 метровъ длины, другая партія—старое негодное въ хозяйствѣ колесо, обычно изъ подъ „колішні" [1]). Послѣднее укрѣпляютъ на верхушкѣ шеста. Эта предварительная работа выполняется иногда исключительно хлопцями, въ то время когда „дівчата" бѣгаютъ за „квітками". Далѣе приступаютъ и „дівчата" съ „квітками и гарбузомъ". Гарбузъ, шуточный символъ хозяина [2]), усаживается на верхушкѣ шеста на колесѣ. Затѣмъ все колесо тщательно украшается „квітками", они втыкаются часто въ самый „гарбузъ". Сюда идетъ очень ограниченное количество цвѣтовъ: въ „гарбузъ" втыкается чаще „щириця", окрашенная въ густо карминный тонъ, а къ колесу прикрѣпляютъ „гвоздики" иногда такъ, чтобы онѣ шли какъ бы лучами отъ периферіи колеса, чѣмъ увеличиваются его размѣры. Самый шестъ обильно украшается вокругъ, отъ 2-хъ арш. высоты отъ земли до колеса, слѣдующими цвѣтами: „гвоздиками та чорнобривцями" [3]), „маіорцями" и изрѣдка „щирицею". Другихъ цвѣтовъ намъ почти не приходилось встрѣчать на шестѣ. Всѣ цвѣты берутъ со стеблями и листьями, а съ огорода уносятся часто съ корнями, которые обламываются уже на мѣстѣ устройства. Общій тонъ такимъ образомъ изу-

---

[1]) Особенность мѣстнаго пахаря: новое колесо одѣвается къ телѣгѣ когда оно окончитъ свою службу здѣсь, когда обломается, расшатается—его переносятъ на „колішню" у плуга, гдѣ оно и доживаетъ свой вѣкъ.

Колесо, повидимому нынѣ уже забытый, символъ солнца. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ солнце изображается колесомъ: „Колесомъ, колесомъ въ гору сонце йде". „Крапивное колесо по надъ лисомъ котится". См. Костомаровъ. Собр. соч., кн. VIII, стр. 450, изд. 1906 г.

[2]) Шуточная пѣсня: «Ходитъ гарбузъ по городу... пытается свого роду» и проч. см. Костомаровъ, указан. изданіе, кн. VIII. стр. 538.

[3]) «Гвоздики»—«чорнобривці»—Tagetes patula. Въ одной пѣснѣ:

„Перше було літечко, а теперь нема.
Посіяла чорнобривці, та вже не пора:
Поки моі чорнобривці розцвітутъ,
А вже жъ мою русу косу розплетутъ".

Костом., цитир. изд., кн. VIII, стр. 531.

«Пречиста» в Москалівці.

(къ ст. Николая Макаренко).

крашеннаго шеста—зеленый съ желтыми пятнами, изрѣдка проглядывающими темными пятнами „щирицї“ и свѣтлыми „маiорцiвъ“. Приготовленный шестъ подымаютъ „гуртомъ“ хлопцї и дiвчата, иногда съ усилiями, и всаживаютъ въ заранѣе выкопанную въ землѣ яму, засыпаютъ и затаптываютъ ногами для большей прочности.

Время устройства „Пречистої“, прикрѣпленiя колеса, украшенiя цвѣтами, иногда сопровождается пѣснями, шутками. Пѣсни слышатся, когда работа уже не требуетъ большого числа рукъ, т. е. когда она заканчивается и дiвчата безъ дѣла. Къ 1 ч. ночи устроители расходятся по домамъ съ тѣмъ, чтобы утромъ слѣдующаго дня, послѣ службы въ церкви, выйти къ „Пречистї“ посидѣть, спѣть пѣсню.

Около 10 ч. утра можно видѣть толпу „дiвчатъ“ и „хлопцiвъ“, сидящихъ гдѣ нибудь близь „Пречистої“ съ пѣснями. Не думайте, что вы найдете въ ихъ пѣсняхъ какой-либо намекъ, какое-либо отношенiе къ празднику и къ устроенной такимъ образомъ „Пречистої“. Пѣсни ихъ обычны, услышать ихъ возможно въ продолженiе всего лѣта и никакого намека, ни въ одной строфѣ изъ пѣсни, къ удивленiю и къ сожалѣнiю не услышите. Первоначальная идея современной „Пречистої“ растворилась во тьмѣ вѣковъ. „Пречиста“, какъ я уже упомянулъ—мѣстное малороссiйское названiе христiанскаго праздника 15 августа. Перенесенiе этого христiанскаго названiя на украшенный цвѣтами шестъ, указываетъ на совершенное забвенiе идеи языческаго праздника, сопровождаемаго такимъ символомъ его, какъ украшенный шестъ.

Къ вечеру шестъ валится, либо однимъ изъ участниковъ устройства, либо даже мальчишками; цвѣты, колесо и гарбузъ снимаются и разрываются. Этимъ праздникъ заканчивается. Ни пѣсенъ, ни игръ, имѣющихъ отношенiе къ нему, не совершается.

Ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ трудовъ по этнографiи и быту Малороссiи намъ не встрѣчалось описанiя праздника, соотвѣтствовавшаго изложенному. Лишь въ описанiи праздника Купалы въ трудахъ Пассека и Чубинскаго[1]) встрѣчаемъ шестъ убранный лентами и цвѣтами, подъ названiемъ „марены“.

---

[1]) В. Пассекъ. Оч. Россiи, кн. I, стр. 96—97. СПБ. 1838 г.

Чубинскiй. Тр. Этнограф.-Стат. Экспедицiи въ Западно-Русскомъ краѣ т. III, стр. 193—195.

Трудно, конечно, допустить, чтобы наша „Пречиста" была измѣненной „мареной", тѣмъ болѣе, что праздникъ Купалы москалівцями не забытъ и нынѣ совершается, хотя нѣсколько иначе, чѣмъ описываютъ его упомянутые авторы. Доказательствомъ высказанной мысли, что празднованіе „Пречистоі" не встрѣчается въ другихъ мѣстахъ, извѣстнаго намъ района Малороссіи, отчасти могутъ служить слѣдующія слова во второмъ изъ упомянутыхъ трудовъ: день 15 августа „Перва Пречиста": „въ празднованіи этого дня нѣтъ никакихъ особенностей" [1]). Особенность этого дня, отмѣченная нами въ Москалівці, повидимому вовсе не наблюдается въ другихъ мѣстахъ.

Н. Макаренко.

[1]) Чубинскій, указ. соч., стр. 253.

Взгляды крестьянъ Кадниковскаго уѣзда на земельную собственность.

„Собственность священна“ — говоритъ нашъ основной законъ и не дѣлаетъ почти никакого исключенія изъ этого правила и для земельной собственности; исключеніемъ изъ положенія можетъ служить лишь отчужденіе участковъ земли ради государственной необходимости, напр., подъ постройку желѣзныхъ дорогъ.

Не то говоритъ народъ. По изстари сложившемуся воззрѣнію крестьянъ, земля — „ничья“, „даръ Божій“, и ни крѣпостное право, ни всякія пертурбаціи нашего правительства не могли искоренить этого взляда крестьянъ на земельную собственность. „Право каждаго на пожизненное владѣніе землею до того вросло въ понятіе народа русскаго, говоритъ г. Герценъ,— что, переживая личную свободу крестьянина, закабаленнаго въ крѣпость, оно выразились, повидимому, безсмысленной поговоркой: „мы господскіе, а земля наша“ [1]). Современный изслѣдователь зырянской общины говоритъ, что, по воззрѣнію зырянъ, „каждый имѣетъ право трудиться на свободной и незанятой трудомъ другого землѣ“. [2])

Но въ то же время цитируемый мною авторъ поясняетъ, что хотя каждый имѣетъ право разработать свободный участокъ земли, но пользоваться имъ можетъ только до тѣхъ поръ, „пока не окупятся расходы по обработкѣ, послѣ же этого община имѣетъ право отобрать излишнюю противъ другихъ общинниковъ часть и передать ее тѣмъ, у кого земли меньше“. Такой принципъ пользованія землею почти равняется пожизненному владѣнію, такъ-какъ сроки по окупкѣ труда на обработку земельнаго участка назначаются зырянами довольно продолжительные, напр.

[1]) Соч. Герцена, т. VI, стр. 284.

[2]) Большаковъ. „Община у зырянъ“, „Жив. Ст.“, 1906 г., вып. II.

20, 40 и даже 60 лѣтъ, смотря по количеству затраченнаго труда и качеству самого участка.

Всѣ эти воззрѣнія на владѣніе землею вполнѣ раздѣляются и крестьянами Кадниковскаго уѣзда, но лишь по отношенію къ общиннымъ землямъ. Здѣсь также каждый общинникъ имѣетъ право разработать, гдѣ ему угодно, въ предѣлахъ общиннаго владѣнія, участокъ земли и пользоваться имъ, но съ тою лишь разницею, что опредѣленныхъ сроковъ на такое пользованіе не назначается, а они совпадаютъ всегда съ мірскими передѣлами, обыкновенно случающимися черезъ 20—30 лѣтъ. Распахалъ или расчистилъ подъ сѣнокосъ участокъ земли какой-либо крестьянинъ 20—30 лѣтъ тому назадъ, или же только 2—3 года всего, но разъ міръ порѣшилъ передѣлить землю, то и этотъ участокъ поступаетъ въ общую массу передѣляемой земли. Никакого исключенія, хотя бы въ видахъ поощренія разработавшему участокъ, не дѣлается при этомъ.

Такимъ образомъ, хотя признается земля Божіею, но съ оговоркою, что распорядиться и пользоваться ею можетъ только община, „міръ“, а не единичные его члены. Исключеніемъ изъ обычнаго права служатъ земли усадебной осѣдлости и то занятыя строеніями, каковыя ни передѣлу, ни отчужденію не подлежатъ. Но огороды, хотя и входятъ въ составъ усадебной осѣдлости и передѣлу не подлежатъ, но отъ права застройки ихъ сосѣдями не ограждены: каждый членъ общины можетъ занять вашъ лучшій огородъ для необходимой ему постройки, если своей земли по близости у того нѣтъ. Взамѣнъ того строитель отдастъ вамъ изъ своего огорода то количество квадр. саженъ, какое онъ занялъ постройкою.

Что касается купленныхъ, крѣпостныхъ земель, то взгляды крестьянъ на пользованіе ими за послѣднее время нѣсколько измѣнились и погнулись въ сторону личнаго индивидуальнаго землевладѣнія. Но, при сохраненіи прежняго воззрѣнія на землю, что она „ничья“, и при введеніи въ жизнь новаго положенія, что она же можетъ быть куплена „въ вѣчное и потомственное владѣніе“, взгляды крестьянъ на дѣйствительное и справедливое пользованіе ею такъ разнообразны, что прослѣдить ихъ всѣ и описать въ краткой статьѣ нѣтъ возможности. Въ данномъ случаѣ царитъ полная путаница въ понятіяхъ о томъ, что справедливо и что нѣтъ, очевидно народъ, не отрекаясь отъ стараго воззрѣнія на землевладѣніе и принявъ новое („личная собственность неприкосновенна“), не оріентировался еще въ этомъ и находится, такъ сказать, въ хаотическомъ положеніи, на распутьи двухъ міровъ.

Представимъ себѣ, что деревня N такого-то общества купила въ личную собственность отъ помѣщика по-занадѣльный участокъ земли и раздѣлила его между собою по количеству, т. е. по суммѣ денегъ, затраченной каждымъ на эту покупку. Здѣсь каждый крестьянинъ будетъ дорожить всякимъ вершкомъ своей полосы и дрожать за каждый самовольно срубленный, хотя бы его сосѣдомъ, сукъ дерева и за каждую охапку сѣна. Въ данномъ случаѣ взгляды крестьянъ на крѣпостную землю будутъ рѣзко противопоставлены ихъ же сложившемуся взгляду на землю надѣльную, общинную, и такимъ образомъ принципъ личной собственности въ деревнѣ N будетъ существовать рядомъ со старымъ взглядомъ, что земля „Божья". Очень естественно, что такая двойственность будетъ вызывать разные конфликты съ господами, чтó и замѣчается нерѣдко.

Деревня же X того же общества и того же бывшаго помѣщика, но владѣвшая при крѣпостномъ правѣ отдѣльнымъ отъ деревни N участкомъ земли, при освобожденіи и послѣ отвода надѣловъ не купила по-занадѣльную землю, которая перешла по купчей какому-нибудь купцу. Здѣсь крестьяне уже всецѣло держатся стараго воззрѣнія на землю, что она „ничья" и при всякой возможности рубятъ лѣсъ самовольно не только ради своей надобности, но и для продажи, и не считаютъ это грѣхомъ, оправдываясь тѣмъ, что не помирать же имъ съ голоду изъ-за того, что толстосумы скупили ихъ землю. Какъ видно, крестьяне твердо держатся того взгляда, что исключительное владѣніе одного лица такимъ количествомъ земли, которое обезпечило бы жизнь цѣлой деревни—владѣніе несправедливое и его рано или поздно, должно правительство уничтожить, и за послѣднее время питаютъ глубокую надежду, что Государственная Дума издастъ такой законъ, что отъ купца земли можно отобрать (за плату на счетъ казны или крестьянъ—кто и какъ мечтаетъ).

Далѣе. Представимъ себѣ, что лишь часть такой-то деревни купила по-занадѣльный участокъ земли, въ этомъ случаѣ некупившіе, хотя съ болью въ сердцѣ, но признаютъ право на владѣніе участкомъ за своими сосѣдями, и хотя не преминутъ при случаѣ срубить деревцо, но все-таки считаютъ это незаконнымъ и противнымъ своей совѣсти. Здѣсь какъ бы руководитъ крестьянами принципъ труда. Не купившіе сознаютъ, что купили землю ихъ сосѣди не для эксплоатаціи ихъ, не для барыша, а для своей надобности, и сами ее обработываютъ, что, въ свою очередь, не является противорѣчіемъ ихъ убѣжденію, что право на владѣніе землею можетъ принадлежать только трудящимся

людямъ. Но какъ согласовать вмѣстѣ съ этимъ то, что на первый взглядъ кажется противорѣчивымъ, напр., въ числѣ купившихъ землю односельчанъ найдется одинъ или два человѣка ремесленники или торговцы, вообще люди не обработывающіе землю трудами своихъ рукъ, а сдающіе ихъ въ аренду другимъ, а между тѣмъ они пользуются равноправіемъ съ трудящимися, что̀ считается и по совѣсти правильнымъ? Мнѣ кажется, главную роль играетъ тутъ въ понятіи крестьянъ видимость, что купившій землю, ихъ сосѣдъ, тоже трудится и не меньше другихъ, но лишь въ другой отрасли, и лишить его права на владѣніе землею нельзя, потому что ремесло можетъ стать невыгоднымъ, а торговля можетъ привести къ банкротству, чѣмъ же имъ жить, не имѣя земли? Земля, въ понятіи крестьянъ, служитъ фондомъ обезпеченія отъ голодной смерти, и не даромъ существуетъ такая пословица, „держись за землю,—трава обманетъ“. Подъ именемъ травы здѣсь понимаются всѣ стороннія отъ земледѣлія заработки и проч. „наживы“.

Въ какой бы уголокъ Кадниковскаго уѣзда мы ни обратили свой взоръ, всюду замѣчается одно и то же явленіе: тамъ, гдѣ по-занадѣльная земля куплена самими крестьянами, въ деревняхъ этихъ старый взглядъ на земельную собственность отлично уживается съ новымъ воззрѣніемъ личной собственности; гдѣ же она куплена не всѣми домохозяевами, а лишь небольшою группою, тамъ замѣчается и рознь во взглядахъ и, какъ послѣдствія этого, неизбѣжныя ссоры и тяжбы изъ-за порубокъ. Нечего уже говорить о томъ, что гдѣ такая земля скуплена „пришлыми“ людьми, а мѣстные жители принуждены арендовать не только покосы, но даже и лѣсъ на постройку — тутъ понятно, что крестьяне держатся стараго взгляда, по которому земля „ничья“, и производятся массовыя порубки лѣса. Мало того, въ послѣднее время учащаются и самовольные скосы травы во владѣльческихъ дачахъ не только единичными лицами, но и цѣлыми деревнями совокупно. Никакія убѣжденія, что такъ дѣлать незаконно, не помогаютъ, никакія начальства не дѣйствуютъ на крестьянъ, которые твердо стоятъ на томъ, что безъ земли быть нельзя, а на угрозы отвѣчаютъ, что „дальше солнышка не сошлешь“.

Въ заключеніе не лишнимъ считаю привести здѣсь одинъ характерный фактъ. Крестьяне деревни К. по освобожденіи своемъ изъ крѣпостной зависимости тотчасъ купили у своего помѣщика всю оставшуюся за надѣломъ землю, въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ десятинъ—и что-то за ничтожную цѣну. Пока живы были старики-покупщики—деревня эта процвѣтала,

хотя жили въ ней не очень богато, но за то „хлѣбно“, такъ сказать. Имѣя огромное количество купленной земли, крестьяне завели смоло- и дегте-куренные заводики, на которыхъ въ зимнее время выкуривали эти продукты, чѣмъ и заработывали нужныя средства на уплату повинностей и на домашнія надобности, въ лѣтнее же время занимались хозяйствомъ и, имѣя въ своемъ распоряженіи по 15—20 гол. рогатаго скота на домъ, хозяйствовали отлично, и поля давали хорошій урожай хлѣбовъ. Но вотъ мало по малу старики одинъ по одному убрались въ мѣста праотцевъ, остались въ живыхъ болѣе молодые хозяева. На бѣду молодыхъ обратили вниманіе на Кадниковскіе лѣса Петербургскія и иныя крупныя лѣсопромышленныя фирмы и выстроили на устьѣ р. Кубены лѣсопильные заводы. Началась усиленная скупка лѣсовъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Лѣсу же у крестьянъ деревни К. было много и стали имъ возить скупщики лѣса на домъ деньги—только рубите. Такому случаю К. обрадовались и не только сами начали истреблять лѣса, но даже нанимали со стороны рубщиковъ и наживали отъ этой операціи по 300—500 р. въ зиму на каждый домъ, чего лучше? „Масленица, не жизнь настала для К.“, говорили сосѣди, жители другихъ деревень.

И дѣйствительно „масленица“: самовары у К. не сходили со стола по цѣлымъ суткамъ, а къ чаю, конечно, закуска и водка, сами они все менѣе и менѣе занимались работою, производя ее наймомъ. Но лѣса не такъ быстро растутъ, какъ истребляли ихъ К., и черезъ 12—15 лѣтъ крупныхъ сортовъ у нихъ уже не стало, а мелкіе сорта на лѣсопильни не покупаютъ, крестьяне же между тѣмъ привыкли къ роскоши и пьянству, отъ тяжелой работы отвыкли. Насталъ и для нихъ Великій постъ. Не долго думая, крестьяне эти, чтобы пополнить свой бюджетъ, начали продавать въ собственность сначала лѣсныя полосы, потомъ и сѣнокосныя—и въ настоящее время у большинства изъ нихъ остался лишь одинъ небольшой полевой кругъ, и оказались они одними изъ самыхъ бѣднѣйшихъ въ волости. Изъ всѣхъ 25-ти домохозяевъ остались 5—6 семей, которыя не только сохранили „отцовское добро“, но еще прибавили къ нему немалую толику отъ себя, скупивши у „охочихъ до водочки“ лѣсные и сѣнокосные участки.

Теперь оказывается, что и эти обезземелившіеся по своей нерасчетливости крестьяне ждутъ не дождутся такого закона, когда можно будетъ отобрать проданную ими землю обратно, такъ какъ безъ земли жить нельзя. На вопросъ, какъ это сдѣ-

лать и кто же виноватъ, что они промотали свою землю, они отвѣчаютъ: „конечно, мы виноваты, и съ нами казна (правительство), что хочетъ, то и дѣлай, хоть на каторгу посылай, но дѣти то наши чѣмъ виноваты, а вѣдь имъ придется жить-то?...“

Замѣчательно, что и тѣ лица, которыя скупили у этихъ крестьянъ земельные участки, тоже сознаютъ, что жить имъ безъ этой земли невозможно и стараются теперь какъ можно скорѣе дорубить эти участки, чтобы хоть свои-то деньги выручить, а тамъ „что Богъ дастъ“, говорятъ они.

Вотъ какіе разнообразные взгляды господствуютъ въ настоящее время среди крестьянъ Кадниковскаго уѣзда на земельную собственность и какъ урегулировать земельное дѣло — вопросъ весьма сложный, надъ рѣшеніемъ котораго придется поработать много и не спѣша членамъ Государственной Думы и другимъ устроителямъ земли русской.

А. Шустиковъ.

3 декабря 1906 г.

О завиткахъ въ Бѣлоруссіи.

(Очеркъ изъ жизни крестьянъ южной полѣсской части Слуцкаго уѣзда, Минской губ.).

Еще до послѣдняго времени въ глухихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи повѣрія и предразсудки цѣликомъ охватываютъ всю жизнь простолюдина. Начиная съ утробной жизни и момента рожденія и вплоть до самой смерти бѣлорусса, по его воззрѣніямъ, преслѣдуетъ злая „нечйстая“ сила, а чтобы ее предотвратить или заставить работать въ пользу человѣка, нужно строго соблюдать выработанныя народной мудростью „прймхи“ или „забабоны“, т. е. правила, какъ надлежитъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ. „Прймхи“—это нѣчто въ родѣ правилъ гигіены съ тою лишь разницею, что гигіена указываетъ разумныя предосторожности для сохраненія здоровья, тогда какъ „прймхи“, для достиженія той или иной цѣли, рекомендуютъ такія дѣйствія, которыя тутъ не имѣютъ никакой причинной связи. Такъ, чтобы не хворать весь годъ, надо, когда въ первый разъ услышите громъ, потрясти дубовое дерево. Или такая „прймха“: при отправленіи въ путь надо закрыть заслонкой устье печи и къ припечку приставить ухватъ и кочергу,—тогда поѣздка будетъ счастлива. Впрочемъ, нѣкоторыя „прймхи“ имѣютъ разумное основаніе. Изъ нихъ можно указать на запрещеніе смѣяться и говорить въ то время, когда пища во рту; запрещеніе пристально смотрѣть на солнце; не чесать руками глазъ; не ласкать и не гладить по головѣ собаки и т. п. Изъ безчисленнаго множества повѣрій и предразсудковъ въ крестьянскомъ быту огромную роль играютъ такъ называемя „зàломки“, „зàвитки“ или „кýклы“. Зàломки дѣлаются на нивѣ „лихими“ людьми, причемъ, во время завиванія произносится заклинаніе или проклятіе. По народному повѣрію, если не найти такого свѣдущаго колдуна, который снялъ бы проклятіе, то „зàломка“ можетъ принести величайшее несчастье. „Зàломки“ имѣютъ нѣсколько видовъ. Опытный „вѣдзьмàръ“ или „вѣдзьмàкъ“ по внѣшнему виду „зàвитки“ узнаетъ, какое отъ нея можетъ быть несчастье. Обыкновенно „зàломки“ завиваются такъ: собираютъ

въ пучекъ растущіе въ полѣ стебли ржи, пшеницы или другихъ хлѣбныхъ злаковъ, перевязываютъ этотъ пучекъ волосами, ниточкой или красной ленточкой и стебли ломаютъ въ ту или другую сторону, а иногда сплетаютъ колосья въ видѣ вѣнка. Когда „зàломка“ связана волосами, то „вѣдьмары́“ полагаютъ, что заклинаніе касается жизни людей или скота. Сломанные или скрученные стебли хлѣбныхъ злаковъ точно также указываютъ на проклятіе, направленное противъ здоровья или жизни. „Зàломки“ завиваютъ въ концѣ мая или началѣ іюня, когда рожь отцвѣтаетъ. Завиваютъ ночью предъ разсвѣтомъ тѣ лихіе люди, которые „знàются“ съ „нечѝстою“ силою. Они раздѣваются до нага и пробираются тихохонько и не оглядываясь въ поле; тамъ ихъ встрѣчаетъ всякая „нѐчись“ (нечистая сила), но не трогаетъ и не пугаетъ своихъ друзей. Въ д. Чудинѣ, Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи, одинъ извѣстный въ цѣлой округѣ крестьянинъ Иванъ Санюкъ, по прозванію Порца, при завиваніи „зàломакъ“ произноситъ слѣдующіе заговоры или заклинанія.

Заговоръ или заклинаніе на голову хозяина нивы:

Зъ сухо̀го бо̀ру нѐтры, гущэ́чы;
Зъ бàгны, тхлàни, балòта;
Зъ цѐмнаго алсà, зъ лысыхъ гудръ;
Зъ ракѝ, зъ вѝру глубòкаго;
Зъ òзера, зъ плёса ширòкаго;
Зъ вѝхру, зъ вѣ̀тру вуòлнаго—
Атусю́ль збирàйса сѝла лихàя, нечѝстая, сатры̀, зламѝ (имя) косци жòўтые, разлѝ кроў гарàчую, зсушѝ егò цѣло; якъ засхнýць и запя̀траюць гэтые кàлива, кабъ ёнъ такъ засòхъ и запя̀трау̌ (три раза).

Лихѝ, кýцы, безхвòсты и вы ўсѣ̀ кахàты прыступѐце й мнѣ̀ памажэ́це майгò вòрага змамàць, зкрупѝць, зцѐрци, кабъ ёнъ сбнейка я̀снаго не бàчыў, грòму не чуў, сцѐжки не таптàў, смàку не маў. Якъ каласкѝ схнýць, кабъ ёнъ такъ зсохъ прапàў и загѝнуў (три раза).

Заговоръ на домашній скотъ.

Тру, мну, даръ Божы завивàю на (имя) статàкъ— худòбу. Какъ его худòба
Рагàтая, сѝвая, стракàтая,
Бѣланóгая, безхвóстая, безрóгая,
Чòрная, ры̀жая, падлàсая,

Перѐстая, лы́сая, бѣлапаясая сцѐрласа, змя́ласа, какъ се й наща̀такъ звѐуса (три раза).

Усѣ̀ лихіе прыступѐце й на (имя) худо̀бу нашлѐце ваўко̀ў—ваўкалако̀ў, медзвѐдзя, ры́ся, расама̀ху, кабъ его гаўя́до домо̀ў не цягло̀, прыбы́тку не ма̀ло, спо̀ру не зна̀ло. Усѣ̀ лихіе прыступѐце й на его худо̀бу нашлѐце ўселя́кую хваро̀бу, кабъ его̀ пўшыло, ко̀рчыло, круцѝло, якъ скрўчана гэстая за̀витка (три раза).

Заговоръ или заклинаніе того, кто тронетъ „за̀витку“.

Берў чы́стые каласкѝ, ў кубску заплета̀ю. Якъ ка̀ліўца пагнўлиса-палама̀лиса, кабъ такъ таго̀ нѐмачь сагнула, злама̀ла рўки й но̀ги, хто гэстую за̀витку зачэпиць. Якъ каласкѝ схнўць-пя́траюць, кабъ такъ ёнъ зсохъ-зпя́траў. Якъ земля́ й нѐбо не мина̀ютца, кабъ такъ маѐ сло̀во не минўласо (три раза).

Иванъ Порца знаетъ еще много другихъ заговоровъ на всякіе случаи жизни, но записать ихъ мнѣ не удалось, такъ какъ во время моего пребыванія въ д. Чудинѣ Ивана Порцу увезли въ сосѣдній Мозырскій уѣздъ для лѣченія больныхъ.

Когда такимъ образомъ „за̀ломка“ завита, колдунъ не оглядываясь возвращается домой. При этомъ онъ старается пробраться домой ни кѣмъ не замѣченнымъ. Бывали случаи, что „вѣдзьма̀ръ“ или „вѣдзьма“, возвращаясь съ поля нагими, попадались на глаза своимъ односельчанамъ. Тогда народъ, при наступленіи какого-нибудь общественнаго бѣдствія, жестоко расправлялся съ такими „вѣдзьмара̀ми“ или „вѣдзьмами“. Много существуетъ разсказовъ, что ихъ убивали и трупы протыкали осиновымъ коломъ. Вообще, осиновое дерево, по повѣрію бѣлоруссовъ, обладаетъ огромной силой, служащей противодѣйствіемъ нечистой силѣ. Если въ ночь на Купало, т. е. съ 23 на 24 іюня, въ горшкѣ варить осиновые прутики, то „вѣдзьмары́“ и „вѣдзьмы“, которые причинили вредъ, придутъ просить о прекращеніи этой операціи, такъ какъ она причиняетъ имъ страшныя муки. Настойка осиновой коры употребляется, какъ лѣкарство, при перемежающей лихорадкѣ. Существуетъ повѣрье, что такъ какъ на осинѣ повѣсился Іуда, который чрезъ продажу Христа на смерть причинилъ чертямъ и вообще нечистой силѣ весьма много непріятностей, то „нѐчись“ отступила отъ осины и боится ея, какъ креста.

„За̀ломки“ завиваютъ на краю нивы, возлѣ межи, дороги или „сцѐжки“ (тропы) и вообще въ такомъ мѣстѣ, чтобы хо-

зяинъ могъ ее легко замѣтить. „Вѣдзьмакй“ дѣлаютъ это съ той цѣлью, чтобы хозяинъ нивы, замѣтивши на своемъ полѣ „зàломку“, въ возможной скорости за помощью и совѣтомъ обратился къ тому же „вѣдзьмакỳ“, который ее и завилъ. Нѣкоторые „вѣдзьмакй“, въ томъ числѣ и упомянутый мною Порца, чтобы имѣть доходъ отъ своего промысла, завиваютъ „зàломки“ безъ заговоровъ или заклинаній на нивѣ того хозяина, у котораго приключилось какое-нибудь несчастье. А такихъ хозяевъ въ каждой деревнѣ найдется достаточное количество: вѣдь нѣтъ такого хозяйства, въ которомъ не было бы того или иного несчастнаго случая. Не даромъ говорятъ, что „хтó мàе стàтакъ, той мỳсиць маць и прыпàдокъ“. Всякое несчастье бѣлоруссъ приписываетъ злой волѣ „лихйхъ людзѣй“ и говоритъ, что „гэто прырòблено“ или „удзѣяно“. Само собою разумѣется, что при всякомъ несчастіи первая забота о томъ, чтобы найти подходящаго „вѣдзьмакà“, который могъ бы „атрабйць“, т. е. послать тяготѣющее заклятіе на голову того, кто его произнесъ. И вотъ суевѣрный бѣлоруссъ, при всякомъ несчастіи, идетъ къ „вѣдзьмакỳ“ за совѣтомъ и помощью. Тотъ ломается и, только послѣ усиленной просьбы, наливаетъ изъ бутылки въ стаканъ воды, взятой изъ семи колодцевъ, и пристально смотритъ въ нее, какъ бы желая въ стаканѣ воды увидѣть разгадку несчастья этого человѣка. Долго разсматриваетъ, ворочаетъ стаканъ, качаетъ головой для пущей важности и, наконецъ, объявляетъ, что „вѐльми мудòно ỳдзѣяно“ и что, дескать, въ полѣ завита „зàломка“. Смотритъ еще въ стаканъ и говоритъ, въ скольких шагахъ отстоитъ „зàломка“ отъ той или иной дороги или межи. Хозяинъ, конечно, въ указанномъ мѣстѣ находитъ „зàломку“ и не догадывается, что виновникъ ея—благодѣтель его, „вѣдзьмàкъ“. Иные „вѣдзьмарй“ ведутъ просителя ночью въ лѣсъ, разводятъ тамъ костеръ, произнося соотвѣтственныя заклинанія и смотрятъ то въ огонь, то на звѣзды, стараясь разгадать судьбу этого человѣка. Тотъ или иной пріемъ одурачиванія довѣрчивыхъ простолюдиновъ зависитъ отъ смѣтливости самого „вѣдзьмакà“. Во всякомъ случаѣ, найдя „зàломку“ на указанномъ мѣстѣ, несчастный хозяинъ воочію убѣждается въ прозорливости „вѣдзьмакà“ и вѣритъ каждому его слову. Тутъ онъ уже приглашаетъ „вѣдзьмарà“ къ себѣ въ домъ и угощаетъ его, чѣмъ только можетъ угостить гостепріимный бѣлоруссъ. На столѣ появляются водка, яичница, колбаса, медъ и т. п. „Вѣдзьмàръ“ не сразу усаживается за столъ; онъ предварительно глубокомысленно заглядываетъ во всѣ углы „хàты“ и, какъ говорятъ,

„вынюхбўвае“ (вынюхиваетъ) нечистую силу. Свое изслѣдованіе „вѣдзьмàръ“ сопровождаетъ соотвѣтственными замѣчаніями и ужимками. Эта сцена производитъ на хозяевъ огромное впечатлѣніе: они съ трепетомъ ожидаютъ, чтò скажетъ колдунъ. А онъ нерѣдко говоритъ чудовищныя вещи. То онъ находитъ, что подъ избой зарыты кости и что это „залбжано“, т. е. сдѣлано проклятіе на голову хозяина или хозяйки, а то домашняго скота, а потому совѣтуетъ перенести избу въ другое мѣсто, то рекомендуетъ разрушить печку, до основанія, такъ какъ, молъ, все несчастье оттого, что подъ ней лежитъ тотъ или иной камень, который слѣдуетъ выбросить за околицу; то замѣтитъ, что нѣкоторыя бревна въ избѣ „пакрупи́лиса прбціў сбнца“ [1]) и совѣтуетъ замѣнить ихъ новыми. Однимъ словомъ „вѣдзьмàръ“, для устраненія причины несчастья, даетъ такіе совѣты, исполненіе которыхъ сопряжено съ огромными затратами. „Вѣдзьмàръ“ понимаетъ, что чѣмъ больше онъ сдѣлаетъ указаній, тѣмъ больше шансовъ на то, что эти указанія меньше будутъ исполнены, а, слѣдовательно, при новомъ несчастномъ случаѣ хозяева будутъ винить себя, свою халатность, а не прозорливость „вѣдзьмарà“.

Никто изъ бѣлоруссовъ, если онъ не „вѣдзьмàкъ“, не осмѣлится трогать „зàломку“. Въ поддержаніи этого суевѣрнаго страха, кромѣ колдуновъ, много способствовали мѣстные невѣжественные священники. Многіе изъ нихъ сами занимаются колдовствомъ. Въ церковныхъ библіотекахъ еще сохранились древніе уніятскіе „трèбники“, въ которыхъ изложены молитвы на всякіе случаи жизни. Имѣя такой требникъ, священникъ, по просьбѣ прихожанина, надѣваетъ эпитрахиль, беретъ крестъ и идетъ въ поле, гдѣ имѣется „зàвитка“. Тутъ онъ читаетъ положенныя молитвы, окропляетъ завитку св. водой и, обернувъ свою руку эпитрахилью, при помощи креста вырываетъ заломку; потомъ онъ опять читаетъ молитвы и тутъ же сжигаетъ ее. Само собою разумѣется, что такое отношеніе священника къ заломкѣ усиливаетъ народное суевѣріе. Я знавалъ многихъ священниковъ, которые при болѣзни или другихъ несчастіяхъ сами прибѣгали къ помощи колдуновъ.

Во время жатвы вокругъ заломки оставляютъ нетронутымъ клокъ хлѣбныхъ злаковъ аршина 2 въ діаметрѣ. Иногда

---

[1]) Подъ вліяніемъ видимаго движенія солнца съ востока на западъ стволы деревьевъ скручиваются въ томъ же направленіи, но изрѣдка попадаются и такія деревья, стволы которыхъ скручиваются въ обратномъ направленіи, т. е. противъ солнца.

до поздней осени въ полѣ виднѣются такіе клочки несжатаго хлѣба. Это указываетъ на то обстоятельство, что еще не нашли „мубцнаго вѣдзьмака“, который могъ бы вырвать „завитку“. Но вотъ нашелся знающій „вѣдзьмакъ“; онъ медленной поступью, важно, словно великій жрецъ, шествуетъ въ поле, окруженный цѣлой толпой домочадцевъ хозяина нивы и любопытныхъ сосѣдей. Присутствующіе не смѣютъ подойти близко къ заломкѣ, только „вѣдзьмакъ“ осторожно шагъ за шагомъ приближается къ ней. Но и онъ останавливается въ трехъ шагахъ, произноситъ заклинанія и разные символическіе жесты и очерчиваетъ вокругъ заломки большой кругъ. Заключивъ, такимъ образомъ, нечистую силу въ замкнутый кругъ, вѣдзьмакъ осторожно на четвереренькахъ старается подползти къ самой заломкѣ. Вотъ онъ подвинется впередъ, но тутъ его опять невидимая сила отброситъ назадъ. Долго бьется колдунъ, подползаетъ то съ одной, то съ другой стороны—заломка никакъ не дается. Тутъ колдунъ опять произноситъ заклинанія, иногда раздѣвается до нага и вырываетъ заломку. Тутъ уже ясно, что „вѣдзьмакъ“ побѣдилъ нечистую силу. Но теперь начинается еще второй моментъ: надо „атрабіцъ“, т. е. надо всѣ бѣды, тяготѣющія на „заломкѣ“, направить на того, кто ее завилъ. Для этого „вѣдзьмакъ“ торжественно приноситъ заломку въ домъ хозяина, кладетъ ее въ новый глиняный горшокъ, наливаетъ въ него воды, взятой изъ семи колодцевъ, и начинаетъ варить, помѣшивая въ горшкѣ осиновыми прутиками. Долго варитъ онъ „заломку“, произнося при этомъ различныя заклинанія, потомъ привязываетъ ее внутри трубы. Отъ такой операціи завившій „заломку“ прежде будетъ „гарэць якъ у вагни, а потымъ схнуць, якъ завитка ў комипѣ“,—говоритъ „вѣдзьмакъ“. Только тогда хозяинъ успокаивается, благодаритъ и угощаетъ благодѣтеля-вѣдзьмака.

Въ послѣднее время подъ вліяніемъ просвѣщенія, распространяющагося при помощи народныхъ училищъ, во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи исчезаютъ „завитки“, а если и появляются, то на нихъ меньше обращаютъ вниманіе. Нѣкоторые крестьяне привязываютъ „заломку“ собакѣ къ хвосту, и та вырываетъ ее и уноситъ съ собою въ поле или въ лѣсъ. Другіе обкладываютъ „заломку“ сухою соломою и сжигаютъ ее на мѣстѣ въ полѣ. Даже случается, что молодые грамотные крестьяне тихонько и и тайно, скрывая отъ стариковъ, сами уничтожаютъ замѣченныя въ полѣ „заломки“ или „куклы“.

А. Сержпутовскій.

Изъ русской діалектологіи.

I. Великорусское *корогодъ* „хороводъ".

Наиболѣе обычно объясненіе этого загадочнаго слова (произносится *карahóдъ, караuóдъ*) изъ русск. *хороводъ*. Выразителемъ этого мнѣнія является, между прочимъ, Миклошичъ, который въ своемъ „Этимологическомъ словарѣ славянскихъ языковъ" отнесъ наше слово подъ рубрику *chorъ*, сопоставляемое имъ совершенно правильно съ греч. χορός.

Къ сожалѣнію, эта этимологія крайне неправдоподобна уже по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) Въ словѣ *хороводъ* ни въ одномъ изъ говоровъ южновеликорусскаго или бѣлорусскаго нарѣчія *х* не могло перейти фонетически въ *к*, а *в* въ *г*.

2) Ни самъ Миклошичъ, ни никто другой не указалъ еще сходнаго по звукамъ и значенію съ *хороводъ* слова, съ которымъ оно могло бы быть сближено народно-этимологическимъ путемъ.

3) Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что юклр. и блр. *корогодъ*, кромѣ значенія извѣстной пляски, имѣетъ иногда еще значеніе „цѣлаго ряда", „порядка чего-либо, напр., ряда свай". Если бы *корогодъ* было искажено изъ *хороводъ*, то совершенно непонятно, какимъ образомъ изъ понятія пляски (да еще заимствованнаго) могло развиться понятіе *ряда вообще*. Напротивъ, въ виду того, что *хороводъ* и *короводъ* обозначаютъ такъ называемую „рядовую пляску" (нѣм. Reigen, Reihentanz), гораздо естественнѣе полагать, что первоначальнымъ значеніемъ *корогодъ* и *короводъ* былъ именно „рядъ", изъ котораго развилось впослѣдствіи и значеніе извѣстнаго танца, можетъ быть, не безъ вліянія имени *хоръ*. Намекъ на такое объясненіе находимъ уже у Брандта въ Дополнит. зам. 71.

Итакъ, ни звуковая форма слова *корогодъ*, ни его значеніе не даютъ намъ никакого права объяснять его изъ *хороводъ*. Но это объясненіе не только *невозможно*, но и *не нужно*, такъ какъ въ самомъ русскомъ языкѣ есть образованія, которыя и по звукамъ, и по формамъ, и по значенію гораздо ближе къ нашему слову, чѣмъ *хороводъ*.

Сюда я отношу прежде всего малорусск. *черег* „рядъ, очередь“ (напр., въ выраженіи *в свій черег* „въ свою очередь“). Это слово, конечно, нельзя отдѣлять отъ малорусск. *черга* и влр. *черга* того же значенія. Правда, въ наукѣ было высказано мнѣніе (Matzenauer LF VII, 31, Miklosich Etwb. 33), что это слово заимствовано изъ турецкаго (ср. *čarcha*, *čarka* „авангардъ“) или татарскаго (ср. *čerig*, *čerik* „войско“) языка, но уже Зубатый (Archiv für slav. Ph. XVI, 388) указалъ на неправдоподобность этого предположенія, вполнѣ резонно спрашивая: „Wäre *čerga* ein Lehnwort, so würde man wohl doch eine Specialisirung als Mitärtermin warten?“ Къ тому же, пражскій профессоръ констатируетъ, что и въ литовскомъ языкѣ имѣются параллели славянскимъ словамъ въ видѣ *kergti*, *kerglinti* „связывать, соединять“; вокализмъ этихъ глаголовь вполнѣ совпадаетъ съ вокализмомъ млр. *черегъ* (изъ прасл. **čergъ*, **kergъ*), отъ котораго влр. и млр. *черга* (изъ прасл. **čьrga*) отличается только такъ, какъ низшая ступень отличается отъ средней. Высшая ступень того же корня сохранилась по Зубатому въ лит. *kargiti*, *karginti*. Въ русск. яз. праслав. **korgъ* должно было бы дать **корогъ* (ср. млр. *черегъ*). По аналогіи близкихъ къ этому корню по звукамъ и значенію именъ *череда* и *чередъ* (ср. отношеніе: *чередъ*: *черегъ*=*череда*: *черга*), **корогъ* получило ихъ суффиксъ *-do-*, и въ результатѣ возникла форма *корогодъ* съ первоначальнымъ значеніемъ: „то, что связано или соединено въ опредѣленномъ порядкѣ“. Изъ этого значенія одинаково легко могло развиться значеніе и „порядка чего-либо, напр., ряда свай“ и извѣстной хороводной пляски. Послѣднее значеніе сдѣлало *корогодъ* синонимомъ *хоровода*, и неудивительно, что вслѣдствіе этого оба слова могли вступить въ контаминацію между собой, результатомъ которой и явилась третья форма *короводъ* [1]). Предполагать фонетическій переходъ *г* въ *в* въ *короводъ* мы не имѣемъ, такимъ образомъ, никакихъ основаній (ср. наши Сложныя мѣстоименія [2], стр. 5), какъ и выводить его изъ финскихъ словъ, фонетически неблизкихъ и никогда не имѣющихъ значенія „ряда“ (ср. Зеленинъ. Изв. X_2 454).

[1]) Впрочемъ, если бы можно было быть увѣреннымъ, что въ основахъ *черед-* и *черег-* *д* и *г* представляютъ детерминативы одного и того же корня *ker-*, то слово *короводъ* можно было бы объяснить и иначе: оно можетъ представлять также соединеніе основы *коро-* (съ корнемъ на высшей ступени) съ *-водъ*, какъ и, напр. *коно-* въ *коно-водъ*. Слово *хороводъ* было бы въ такомъ случаѣ позднѣйшимъ осмысленіемъ *короводъ*. Это предположеніе до извѣстной степени подтверждается тѣмъ, что, по словамъ Будде (Отчетъ о поѣздкѣ въ 1902 г., стр. 124), „слово *хороводъ* нигдѣ не понимаютъ: ни въ Нов. у. Тул. губ., ни въ Орл., Мц., Карачев., Брянскомъ уу. Орл. губ.“

II. Русское пѣсенное „*во лузяхъ*".

Уже съ давнихъ поръ русское пѣсенное „*во лузяхъ*" („Во лузяхъ, во зеленыихъ лузяхъ") разсматривается въ наукѣ какъ своего рода фонетическій архаизмъ: праславянскій и прарусскій мѣстный падежъ множ. ч. *lązěchъ въ русскомъ языкѣ подвергся, какъ и другія имена основы на *-о*, вліянію именъ на *-а* женскаго рода, при чемъ, вслѣдствіе мягкости *з*, новое окончаніе *асһъ* стало звучать какъ *-'асһъ*. Въ такомъ видѣ изображаетъ исторію нашего слова, напр., А. И. Соболевскій въ своихъ „Лекціяхъ по исторіи русскаго языка" [3], стр. 176.

Однако, ни академикъ Соболевскій, ни другіе изслѣдователи не обратили вниманія на то, что, кромѣ *лугъ*, въ русскихъ говорахъ встрѣчается *въ томъ же значеніи* имя *лузь* (род. пад. *лузи*, ж. р.). Это слово указываютъ, напр., составители „Опыта областного великорусскаго словаря" въ губерніяхъ Владимірской и Рязанской (въ послѣдней, впрочемъ, оно имѣетъ значеніе *мужи*); въ формѣ именительнаго множеств. ч. *лузи* (род. п. *музей*) оно употребляется, по показаніямъ того же „Опыта", также въ Воронежской губерніи въ значеніи „низкаго мѣста, покрытаго лѣсомъ". Изъ того же, повидимому, источника извлекъ свои данныя для слова *лузь* и Даль въ „Толковомъ словарѣ", но упустилъ изъ виду *лузь* въ значеніи „замерзшей лужи" и „обледенѣвшей дороги", извѣстное въ Псковской и Тверской губерніяхъ и приведенное въ „Дополненіяхъ къ Опыту областного великорусскаго словаря". Такъ какъ слово *лузь* склоняется какъ имя съ основой на *-і*, то въ мѣстномъ падежѣ множ. ч. современнаго русскаго языка оно должно было получить видъ *лузяхъ*, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно эту форму мы и имѣемъ въ пѣсенномъ *во лузяхъ*.

Но если, такимъ образомъ, послѣдняя форма не имѣетъ ничего общаго съ др.-русскимъ мѣстнымъ пад. *лузѣхъ*, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что она вообще не родственна съ именемъ **lągъ* „лугъ". Дѣло въ томъ, что въ сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ хорошо извѣстно чередованіе или, лучше сказать, *параллельное употребленіе* палатальныхъ и веларныхъ детерминативовъ у однихъ и тѣхъ же корней. Такъ, для того, чтобы не ходить далеко за примѣрами, напомнимъ здѣсь срб. и блг. *брго, брѣго* при дцсл. *бръзъ*, блг. *бързъ*, срб. *брз*, слв. *brz*, чш. *brzý*, влж. *borzy*, пл. *barzy*, русс. *борзый*; или блг. *измъвамъ* „вылѣзаю", срб. *изљеђи* id., чш.

liha, *ližina* „спуски“ при дцсл. лѣвѫ, блг. лѣвѫ, слв. *lezem*, чш. *lezu*, влж. *lězu*, пл. *lezę* и русс. *лѣзу*; или прасл. **bergъ* (дцсл. *брѣгъ*, блг. *брѣгъ*, срб. *бријег*, слв. *brêg*, чш. *břeh*, влж. *rjóh* , пл. *brzeg*, русс. *берегъ*) при нѣм. *berg* „гора“ и др.—инд. *bṛhati* „укрѣпляетъ“, гдѣ *g* и *h* восходятъ къ *ĝh*; или русс. діал. *борозно* „осторожно“ при дцсл. *брѣшти* изъ прасл. **berg-ti*, русс. *берегу* (ср. гот. *bairgan*). И т. д. Весьма возможно, что и *з* въ русс. *лузъ* представляетъ детерминативъ, параллельный *g* въ прасл. *lągъ*, что̀ тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ словенскомъ языкѣ слышится слово *lóza* „Niederwald“. Это значеніе вполнѣ совпадаетъ съ значеніемъ „низкаго мѣста, покрытаго лѣсомъ“, которое, какъ мы видѣли выше, имѣетъ русс. *лузи*, и которое по Плетершнику раздѣляетъ и словенское *log* = русс. *лугъ*.

Предлагаемое обьясненіе русскаго *лузъ* вполнѣ подтверждается и этимологіей прасл. **lągъ* (дцсл. лѫгъ, блг. *лъгъ*, срб. *луг*, слв. *log*, чш. *luh*, влж. *łuh*, пл. *ląg*, русс. *лугъ*). Такія русскія слова, какъ *логъ* „долина“ и *ложбина*, *лощина*, а также приводимое ниже лит. *at-lagai*, даютъ основаніе полагать, что прасл. **ląg-* восходитъ къ извѣстному индо-европейскому корню **legh* „лежать“. Ср. Fick I[4] 536, Brugmann, Grudriss I[2] § 141, 156, 475, Prellwitz Etym. Wörterbuch d. griech. Spr.[2] 266—267, Walde Lat. Etym. Wörterb. 330, Zupitza Germ. Gutt. 178—179. И въ высшей степени интересно, что индоевропейскіе рефлексы этого корня имѣютъ конечной согласной не только *gh*, какъ лт. *at-lagaî* „lange brach gelegener Acker“, гот. *ligan*, но и *ĝh*, какъ прусс. *lasinna* „legte“, *listis* „военный лагерь“, *lasto* „постель“, гр. λέχος „ложе“ и др. Слѣдовательно, чередованіе *g* и *z* въ нашемъ корнѣ въ славянскихъ языкахъ вполнѣ отражаетъ подобное чередованіе звуковъ *gh* и *ĝh* *въ томъ же корнѣ* въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ.

Г. Ильинскій.

Этюды по исторіи поэтическаго стиля и формъ *).

2. Начала пастурели.

При болѣе внимательномъ знакомствѣ съ тѣми частями сборника Bartsch'a [1]), которыя содержатъ въ себѣ пастурели (II, III), всякаго поразитъ пестрота мотивовъ, пѣсенныхъ темъ, объединяемыхъ упомянутымъ терминомъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсенъ рисуются настолько общія ситуаціи, что мы a priori вправѣ ожидать ихъ и помимо пастушеской обстановки. Такъ, въ первомъ отдѣлѣ книги среди пьесъ, охарактеризованныхъ Gröber'омъ какъ sons d'amour (chansons à personnages), мы встрѣтимъ нѣсколько пѣсенъ, изображающихъ препирательства и пререканія между мужемъ и женой—malmariée (I: 35, 42, 45), которыя можно сблизить съ пастурелью II 27, аналогичной по существу. Подобныя же сопоставленія возможны иногда и въ болѣе широкой перспективѣ. Въ II 24 и II 26 поэтъ сообщаетъ намъ подслушанный имъ діалогъ двухъ дѣвушекъ-пастушекъ, діалогъ, навѣянный весеннимъ настроеніемъ, яркой картиной обновленія природы послѣ скучной зимы. Одна изъ совопросницъ, болѣе рѣшительная и смѣлая, идетъ сама навстрѣчу любви:

(II 24, v. 11) Par deu, belle conpaignete,
voi le tans renoveler
et espanir la rosete,
ke nos semont de juer.
deus, com or seriens garies
se chacune avait son per.

---

*) См. Журн. Мин. Нар. Просв., 1901, № 12, часть CCCXXXVIII, отд. 2, стр. 250 и слѣд.: Припѣвъ и аналитическій параллелизмъ.

[1]) Altfranzösische Romanzen und Pasturellen, Lz 1870.

de deu soit elle honie
ke plus se tanra d'amer.
por coi sui belle ne gente,
se ne fas ke m'atalante?
por son bon doit on foler.

Другая колеблется и возражаетъ своей подругѣ робко, съ грустью:

(II 24, v. 23) Par deu, belle conpaignete,
j'amasse, mais je nen os;
ainz ne soi riens d'amoretes,
por itant se m'en repos.
an ma grise cotelete
gart mes bestes lonc le bos.
tant com serai jovenete
vodrai accueillir bon los.
en sour ke tout s'ai je mere,
s'an voloie faire here
tost me bateroit mon dos.

Но, въ концѣ концовъ, зараженная ея настроеніемъ не выдерживаетъ и сообщаетъ ей свои завѣтныя мечты: возвращается къ недавнему прошлому, разсказываетъ о такихъ обстоятельствахъ, о которыхъ не рѣшилась бы передать нѣсколькими минутами раньше. Мы встрѣчаемъ аналогичные мотивы у Нитгарта, въ его „лѣтнихъ" пѣсняхъ [2]), правда въ обстановкѣ не пастушеской, а просто деревенской.

Большинство старо-французскихъ и провансальскихъ пастурелей—пьесы любовнаго седержанія. Поэтъ разсказываетъ намъ о своемъ приключеніи съ пастушкой:

L'autrier me chevalchoie... (II 9, v. 1)

такъ обыкновенно зачинается пьеса: на-дняхъ онъ встрѣтилъ пастушку [3]) (въ полѣ, возлѣ дороги или рощи, на лугу или въ долинѣ). Дѣвушка пасла свое стадо [4]), плела вѣнокъ [5]) и

[2]) Bielschowski, Gesch. der höfischen Dorfpoesie im XIII Jh. I: Neidhart, Berlin, 1890.

[3]) Напр.: II: 18, 28, 69, 17, 72, 1, 48; III: 25, 45, 17, 3, 32, 19, 43; Gui d'Uisel, L'autrier cavalcava, M. Ged. II p. 178; Gavaudas, Dezamparats ses companho y Crescini, Manualetto', p. 84.

[4]) II: 18, 9, 15; III: 10, 19, 6 и др. Gir. d'Espanha, Per amor soi gai, у M. Ged. II, p. 171 и др.

[5]) III: 45, 25, 18; II 37. Gui d'Uisel, L'autrier cavalcava y M. Ged. II, p. 178 и др.

пѣла пѣсню [6]). Изображеніе душевнаго настроенія поэта въ началѣ разсказа [7]), описаніе оживающей подъ теплымъ дыханіемъ весны природы [8]) подготовляетъ насъ къ дальнѣйшему и объясняетъ быстрый темпъ въ смѣнѣ послѣдующихъ моментовъ сценки.

[(II 8, v. 1) L'autrier a doulz mois de mai,
ke nest la verdure,
ke cil oixelet sont gai,
plain d'envoixeure,
sors mon cheval l'ambleure
m'alai chevalchant...

(II 62, v. 1) En mai la rosee que nest la flor,
que la rose est bele au point du jor,
par mi cele arbroie
cil oisellon s'envoisent
et mainent grant baudor,
quant j'oi la lor joie,
por riens ne m'i tendroie
d'amer bien par amors.

Или:

(II 67, v. 1) Quant voi la flor nouvele
paroir en la praele,
et j'oi la fontenele
bruire seur la gravele
lors me tient amors novele..

(III 52, v. 1) Quant j'oi chanter l'aluete
et ces menus oisillons
et je sent de violetes
odorer tous ces buissons,
lors est bien drois et raisons
ke de chanter m'entremete
por la belle Amelinete...]

Правда, образы ликующей природы не всегда будятъ ра-

---

[6]) II: 69, 72, 3, 52; II 42. Guilh d'Autpol, L'autrier a l'intrada d'abril, y Appel, Prov. Ined., 122 и др.

[7]) II 78; Joyos de Tolosa, L'autrier el dous temps de pascor y Appel, Prov. Ined.; Gavaudas, Dezamparats, y Crescini, Manualetto p. 84 и др.

[8]) II· 62, 67 и др.

дость въ душѣ поэта; онъ часто грустить на этомъ свѣтломъ праздникѣ обновленія.

[(III 4, v. 1) J'aloie l'autrier errant...
sor mon palefroi pensant
a faire une chancon...

Или:

(II 78, v. 1) C'est en mai quant reverdie
l'erbe que voi baloier,
et florissent li vergier
et li resignox s'escrie,
lors mi semont et mestrie
bone amor par druerie
mi vient souvent conseillier
que face novele amie.

Рядомъ съ этимъ, однако:

(III 7, v. 1) Pensis chief enclin
un matin erroie...

(II 4, v. 1) Chevachai mon chief enclin
plux pensis ke ne souloie;
per desous une abe espin
truis pastoure ki s'ombroie.]

Но пастушка необычайно красива и настроеніе поэта мгновенно измѣняется. Онъ сходитъ съ коня и предлагаетъ дѣвушкѣ въ той или иной формѣ свою любовь или проситъ любви у нея. На эту тему завязывается разговоръ, заполняющій центральную часть пастурели.

(III 11, v 3). Descendi a terre
les li m'assis,
et ses amoretes
je li requis.]

Пастушка отвѣчаетъ обыкновенно категорическимъ отказомъ;

(III 11, v 5) ...biau sire, par Saint Denis,
j'aim plus biau de vos et mult meus apris.
ja tant conme il soit ne sains ne vis,
autre n'amerai, jel vos plevis,
car il est et biaus et cortois et senes.

Такъ же находчива и смѣла и vilayna Marcabrun'a (Appel., Chr. [1], p. 101 сл.):

v. 22. Don... qui que'm sia,
ben conosc sen o folhia.
la vostra parelhairia,
senher, so dis la vilayna,
lay on se tanh si s'estia,
que tals la cui' en bailia
tener, ho'n a mas l'ufayna.]

упрекаетъ иногда поэта въ праздной болтовнѣ.

[(III 40, v. 20) j'ai oi maint Flamenghel
ki trop ont favele
et sout de vanter isnel
dusk'a grant querele.]

Сердце ея принадлежитъ другому, Robin'y или Perrin'y, которому она считаетъ позоромъ измѣнить. Рыцарь пытается успокоить ее или затронуть ея самолюбіе увѣреніемъ въ томъ, что простой виланъ не стоитъ ея любви.

[(III 5, v 26) ...l'amors d'un bergeron
certes ne vaut un boton

(III 18, v. 23) queus est amors d'un bregier
qui ne set fors que mengier
et garder pors et aigniaus?..]

Видя, однако, что и это не помогаетъ, онъ старается повліять на кокетство упрямицы: обѣщаетъ ей подарки. Такой пріемъ, въ самомъ дѣлѣ, оказывается часто дѣйствительнымъ и robe d'escarlate, anel d'or, cainturete de fin argent, chapiau d'or froiz производятъ гораздо больше впечатлѣнія, нежели самыя пламенныя рѣчи и увѣренія въ любви. Кстати подарки оказываются иногда при рыцарѣ, и онъ тутъ же убѣждается въ успѣхѣ своей дипломатіи.

[(II 3, v. 49) Les juauls li ai monstreis,
dix „teneis!"
lors se fist un pouc moins fiere,
se nes ait pais renfuseis,
ains dist „sires, reveneis,
je vos doing m'amor entiere".]

Въ подобныхъ случаяхъ вопросъ исчерпанъ, но далеко не всегда пастушка сдается такъ скоро. У нея въ запасѣ другіе аргументы, къ которымъ она и прибѣгаетъ, когда всѣ прямыя возраженія исчерпаны. Они звучатъ значительно слабѣе.

[(II 3, v. 31) Sire, je n'os faire ami
por ma meire Perenelle,
ke sovent me bat le dos.

Или:

(II 68, v. 13) gardez que ne m'i faciez mal,
car mes peres est en l'aree
ou il esploite son jornal.]

Она почти готова согласиться на предложеніе поэта, но въ эту минуту ей внезапно приходитъ въ голову мысль о томъ, что рыцарь играетъ съ ней, что она ему, въ сущности, не можетъ быть нужна.

[(II 17, v. 27) je n'ai de vostre amor cure,
car je seux toute seure
et bien fie
ke se vos m'avies honnie
et si tolue m'onor,
bien tost m'averies guerpie
et j'en remainroie en plor.]

„Развѣ, если вы женитесь на мнѣ?“

[(II 69, v. 18) ... se vous m'espousez,
lors ferez voz volentez;
et se querez autre chose,
ce seroit desloiautez.]

Но рыцарь поспѣшно устраняетъ такое предложеніе: „къ чему жениться; будемъ любить другъ друга пока любится. Боязнь измѣны лишена всякаго основанія. Разница въ общественномъ положеніи здѣсь не при чемъ: передъ такой пастушкой не устоялъ бы и королевскій сынъ“.

[(II 9, v. 11) ki de toi fist bergiere,
li cors deu le maldie.
s'or ne fuissiez a tel mestier
ou je vos voi si mise,
li fils lou roi en fust molt lies,
s'il eust teille amie.]

Онъ предлагаетъ ей отправиться къ нему въ замокъ, гдѣ все будетъ къ ея услугамъ;

[(III 1, v. 25) Pastourele, si t'est bele,
dame seras d'un chastel.
desfuble chape grisete.
s'afuble cest vair mantel;
si sembleras la rosete
ki s'espanist de novel]

или пускается, наконецъ, на послѣднюю, очень неудачную, уловку: онъ готовъ обратиться въ пастуха, лишь бы только не разлучаться съ ней:

[(II 68, v. 20) Pour vous que tant par ai chiere
voudrai je devenir pastor...]

Послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго діалога наступаетъ развязка.

Далеко не всегда у пастушки хватаетъ силы и умѣнья бороться съ рыцаремъ и настоять на своемъ отказѣ. Очень часто видя, что всѣ доводы исчерпаны, или зараженная страстью своего собесѣдника она уступаетъ.

[(III 47, v. 49) ... amis,
en vos dons m'aveis conquis,
m'amor vos otrie.
ne veul plux gairder berbis,
ains irons per lo paix,
menant bone vie,
moi et vos dorenavant,
et g'irai toz jors chantant
mon dorenlot...]

Даже и такія энергичныя дѣвушки, какъ пастушка Gavaudan'a теряютъ голову, когда съ трудомъ сдерживаемая рыцаремъ страсть наконецъ прорывается наружу и овладѣваетъ его рѣчью, до этого момента драпировавшейся въ привычныя для нея куртуазныя формы.

[(Crescini, Manualetto, p. 86): si m'etz amicx, amigaus so...
tot aissi cum vos deziratz,
er mos joys al vostre privatz,
que ses joy no valh un arenc.]

Но иногда, и очень часто, дѣло принимаетъ иной оборотъ. Пьесы этого рода крайне характерны по своей наивной простотѣ и откровенности. Красота пастушки и благоухающая кругомъ весна—все это пробуждаетъ въ поэтѣ самыя элементарныя желанія, съ которыми онъ просто не въ силахъ бороться: они овладѣли имъ помимо его воли; переговоры съ дѣвушкой раздражаютъ сильнѣе. Еще минута, желаніе достигаетъ крайней ступени напряженія, и наступаетъ развязка... Порывъ миновалъ. Поэтъ съ прежней наивностью разсказываетъ о томъ, какъ страсть въ немъ улеглась, онъ успокаивается, садится на своего коня и скоро исчезаетъ вдали. Грубость и жесткость финала въ этой формѣ смягчена въ нѣкоторыхъ пьесахъ предпосланной ему коротенькой сценкой прощанія.

Впрочемъ, подобныя приключенія обходятся рыцарю не всегда такъ дешево и не всегда сходятъ ему съ рукъ. По счастью для пастушки неподалеку отъ мѣста встрѣчи ея съ поэтомъ находятся пастухи или ея родственники, которыхъ она зоветъ на помощь; рыцарю приходится предаться позорному бѣгству,

[(III 52, v. 61) Lors n'oi je talent de rire
quant irie vi le pastor,
n'eusse mestier de mire
s'il m'eust ataint le jor.
li vilains par grant vigor
son arson toise et entire,
d'un kairel me cuide occire,
et je montai, si m'en tor:
mais tant vos puis je bien dire
k'ains mais n'oi si grant paor.]

а пастушка посылаетъ герою вслѣдъ ироническій призывъ:

(III 52, v. 72) revenes arier, biaus sire;
je vos otroi mon amor.
mais por tot l'or de l'empire, сознается чистосердечно поэтъ,
ne fuisse tornes vers lor.

На этотъ разъ все обошлось благополучно и рыцарь отдѣлался испугомъ. Но иногда онъ оказывается вынужденнымъ помѣриться силой съ пришедшими, на выручку пастушки, ви-

ланами, и счастье нерѣдко улыбается при этомъ презрѣнному пастуху.

[(II 4, v. 55) et Robins li fils Fouchier
i ait fait grant asemblee,
ki d'un baston de pomier
m'ait la chine mesuree...

(III 41, v. 71) apres moi s'en vint courant,
d'un grant cailleu en ruant
me fist voler ens ou brai.
sacies c'adont n'oi talant
de chanter du virelai...

Въ II 4 слушатель предупрежденъ о возможности подобной развязки въ самомъ началѣ пьесы, гдѣ авторъ вводитъ на сцену Robin: пастушка

v. 9 ...tant douce voix desploie,
quant elle ot on gaut Robin.

Robin находится поодаль отъ дѣвушки. Онъ не видитъ подошедшаго къ ней рыцаря. Иногда онъ подлѣ своей подруги. Чтобы привести въ исполненіе свой планъ рыцарю необходимо прибѣгнуть къ хитрости, сочинить исторію о похищенномъ волкомъ баранѣ или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Въ II 8, напр., пастушка поетъ подъ тѣнью дерева, soz une espinete. Robin вторитъ ей на своей musete. Поэту внезапно приходитъ въ голову блестящая мысль:

v. 34 Lors m'escriai a haut ton
sens poent d'arestance
„li lous enporte un mouton!“
et Robins s'avance.
s'ait deguerpie la dance,
la blonde laissait...

Пастухъ вскакиваетъ и поспѣшно убѣгаетъ, не подозрѣвая обмана, а рыцарь приступаетъ къ дѣлу. Это излюбленный пріемъ старо-французской пастурели.]

Но характеризованными пьесами далеко еще не исчерпывается содержаніе жанра. Рядомъ съ пѣснями этого типа, которыя являются несомнѣнно доминирующей пасторальной формой, стоятъ другія, болѣе объективныя по своему содержанію, въ которыхъ рыцарь-поэтъ играетъ второстепенную роль зрителя,

свидѣтеля, разсказывающаго потомъ о томъ, что ему пришлось видѣть и слышать.

[Промежуточную ступень занимаютъ пастурели-débats рыцаря съ пастухомъ.

Во II 57 поэтъ выслушиваетъ жалобу пастуха; въ II 55 онъ самъ жалуется пастуху на любовь: онъ завидуетъ ему, который никогда не служилъ любви и, тѣмъ не менѣе, счастливъ безконечно. Пастухъ возражаетъ поэту:

v. 8 He, sire, queil vilonie ne por coi
m'aveis dit par pelonie? car je croi
k'ainz ne seustes de moi ne ecu ne coi,
coment j'aie amours servie.
non por cant ne m'an vant mie,
mais en chantant m'esbanoi...

Такъ въ III 33 поэту приходится выслушать урокъ Robin'a.

Въ III 2, какъ въ провансальской пьесѣ Cadenet, пастухъ жалуется рыцарю на „les mesdisans felons“, которые мѣшаютъ его дѣлу, нарушаютъ его тайну, всюду разсказывая о томъ, кого онъ любитъ. Страданія, переживаемыя имъ не ослабляютъ и никогда не будутъ въ состояніи ослабить въ немъ его любовь къ Marion (III 2). Аналогичные вопросы подняты въ II 115—коротенькомъ résumé такого пасторальнаго дебата и въ II. 66, изображающей намъ діалогъ рыцаря съ Jehanne и Alaine; но пѣсня эта въ сущности не пастурель и должна быть отнесена скорѣе къ отдѣлу sons или chansons à personnages.]

Онъ рисуетъ намъ небольшія сценки изъ пастушеской жизни, перенося насъ въ предѣлы самой простонародной среды, конечно пріукрашенной и пріодѣтой въ такой мѣрѣ, чтобы вилланъ могъ войти въ покои рыцарскаго замка, не шокируя присутствующихъ и не оставляя послѣ себя слѣдовъ грязи. Моменты любви или праздничнаго гулянья лучше всего поддавались обработкѣ такого рода. Группа этихъ пастурелей стоитъ особо; на югѣ, у провансальцевъ, мы ихъ не встрѣчаемъ: онѣ были слишкомъ мало салонны, слишкомъ некуртуазны; на югѣ поэты не шли дальше діалоговъ вродѣ приведенной выше пастурели Cadenet'a, пастораливованнаго сирвентеса Marcabrun'a (M. Ged. II, p. 211). Пьесы-сценки—созданіе сѣверно-французскихъ пѣвцовъ; они характерны именно для развитія французскаго лиризма.

Цѣлый рядъ ихъ построенъ на мотивѣ ревности или со-

перничанья. Обычное вступленіе: trovai, chevalchai вводитъ насъ прямо in medias res:

(П 27, v. 1) En une praelle
trovai l'autrier
une pastourelle
les son bergier.

Пастухъ, ея мужъ, какъ видно изъ ст. 12. Онъ хочетъ поцѣловать пастушку, но она не дается; она не можетъ скрыть, что любитъ другого:

v. 18 sire bergier... (ст. v. 52, 65)
an pur sa gonelle
eusse plus chier
celui ki frestelle
an cel vergier...
ke de vos la signorie
d'Augou ne de Normandie.
honis soit maris ki dure plus d'un mois.

Отсюда ссора, завершающаяся побоями со стороны мужа.

v. 73 il la vait ferir
si k'il la fist cheir

Жена упрекаетъ его, доказывая ему, что онъ не имѣетъ никакого права бить ее, такъ какъ

v. 78 vos ne m'aves pas norrie.

„Да", отвѣчаетъ ей оскорбленный мужъ, „но ты нарушила свое обѣщаніе по отношенію ко мнѣ". Вѣроятно, ссора затянулась бы надолго, если бы изъ кустовъ не показался Garnier:

v. 85 si vint au bergier...
de son frestel les l'oie
li a done tel rongnie
k'il le fist verser...
par main la bele a prise,
ceste chanson va notant... [9])

Jehan Erars (Ш 16) рисуетъ намъ иную сцену. Передъ

---

[9]) Аналогичное положеніе, но съ перемѣщеніемъ ролей намѣчено въ короткой П 114.

нами не мужъ и жена, а пастухъ и его подруга; Mariete, которую онъ такъ любилъ, больше не вѣрна ему:

v. 12 or me fausse et ment
malement
que si estable cuidoie.

Въ его присутствіи она цѣловала другого. Горькія слова друга, однако, не произвели, повидимому, ожидаемаго дѣйствія. Mariete упорно молчитъ и пастуху не остается ничего другого, какъ уйти отъ нея, послѣ чего, прибавляетъ поэтъ,

v. 32 n'i ot de mesdit
plus, que bien l'oi
ses amis
qui l'atent en sa logete.

Тотъ же мотивъ ревности, прикрытый упрекомъ въ непостоянствѣ, сквозитъ отчасти въ заключительныхъ стихахъ III 37, II 47. Въ III 46 онъ опредѣляетъ драматическое содержаніе всей сценки, разыгрывающейся передъ нами. Robin, тоскующій о своей милой Marot, слишкомъ легкомысленно раскрываетъ свои объятія первой же дѣвушкѣ, которая явилась къ нему въ роли утѣшительницы. Появленіе Marot отрезвляетъ Robin'a. Онъ готовъ молить о прощеніи, но напрасно: Marot отвергаетъ своего поклонника; онъ бросается къ той, которая сама пошла ему навстрѣчу, но въ отвѣтъ получаетъ только отповѣдь негодованія. Между двухъ огней попадаетъ и Perrin въ II 53: его любятъ Marot и Jaiquete; но здѣсь не Perrin виновникъ своего положенія: онъ лицо пассивное. Поэту приходится рѣшать вопросъ, кому изъ двухъ дѣвушекъ долженъ принадлежать пастухъ. Въ III 24 Marion сама выбираетъ между Guios и Robins.

Особенно интересны пьесы, рисующія игры и забавы пастуховъ; это настоящія французскія идилліи, полныя жизни и движенія, порой, можетъ быть, нѣсколько грубоватыя, но не лишенныя своеобразной прелести жанровыхъ картинъ старыхъ фламандцевъ. Авторъ III 44 выводитъ на сцену Robinet и Marguerou; молодые, красивые, они любятъ другъ друга. Постоянный припѣвъ пѣсни, рисующій возбужденное состояніе Robin'a, заранѣе подготовляетъ финалъ:

v. 15 Robinet chante et frestele
et trepe et crie et sautele,
Margot en chantant apele.

v. 26 petit avoient d'aigniaus,
et grande ere la praele.

Безпокоиться не о чемъ, и у нихъ начинается веселье, заставляющее забыться обоихъ.

v. 52 Tant menerent lor degras...
qu'il chairent bras a bras
entre ens deus seur la feuchiere...
cil est bien enamoras, заключаетъ поэтъ,
qui d'amors a joie entiere,
cil a amors droituriere.

Во всѣхъ остальныхъ пьесахъ этого типа дѣйствующихъ лицъ значительно больше, отчего картина пріобрѣтаетъ еще болѣе живой, подвижной характеръ. Группа пастуховъ и пастушекъ собралась подлѣ ключа; съ ними и Guis, обычный участникъ пастушескихъ забавъ, музыкантъ, безъ котораго не обходится ни одна изъ ихъ затѣй (ср. III 30, III 22, II 77, III 21). Foukes, Drieus и Perronele мечтаютъ о томъ, какъ они устроятъ вскорѣ праздникъ, „ains que past li sains Remis". Отъ будущаго къ настоящему. Перспектива веселья настраиваетъ ихъ по праздничному заранѣе; раздаются приглашенія къ пляскѣ и

v. 34 sur l'erbe fresce et nouvele
a caroler se sont pris. (III 27)

Въ II 30 группа пастуховъ собралась „sous une espinette": все готово къ веселью; нужно только начать, и вотъ одинъ изъ пастуховъ, вооружившись muze au grant challemel, выступаетъ впередъ:

v. 8 por comencier le rivel
contrefist la guete.

Примѣръ вызываетъ соревнованіе. Трое остальныхъ его товарищей поочередно отвѣчаютъ ему пѣсней, продѣлываютъ ronbardel и соединяются, наконецъ, всѣ вмѣстѣ со своими подругами въ общемъ vireli.—Не всегда веселье кончается такъ мирно. Поэтъ вноситъ иногда въ свои идиллическія сценки мотивъ любви, и тогда ревность опредѣляетъ часто характеръ развязки. Perrin негодуетъ на Rogier, который приволокнулся за его подругой, и предупреждаетъ его, что онъ

ему этого не забудетъ. Разсерженный Rogier бросается на товарища: dou poing lez l'oie le fiert. Остальные пастухи вступаются, кто за Rogier, кто за Perrin, и начинается общая потасовка:

v. 49 chascuns por son ami aidier
guerpirent tuit le doranlot.

Тѣ же главныя дѣйствующія лица и тѣ же мотивы въ III 21, но отношенія соперниковъ освѣщены болѣе ярко. Во время обсужденія предстоящаго праздника Rogiers говоритъ о своемъ желаніи подарить Sarre'ѣ кожаный поясокъ. Perrin измѣняется въ лицѣ:

v. 32 Rogier, bien l'i poes laissier,
Sarre est bien assenee.
je croi k'iert espousee
entre chi et le quarremel.

Когда поэтъ, слышавшій случайно этотъ разговоръ, возвращается обратно, онъ застаетъ пастуховъ въ самомъ разгарѣ веселья. Въ моментъ, когда Perrin, забывъ о своемъ разговорѣ съ Rogier, носится въ вихрѣ танца, Rogier, раздосадованный успѣхомъ товарища, бросается на него съ мечомъ. Картина мгновенно мѣняется:

v. 61 Quant je vi Perrin manier, заканчиваетъ свой разсказъ поэтъ,
un petit me sui trais arrier,
s'esgardai la mellee.
mainte coife tiree
i ot et done maint chembel.

Въ общей свалкѣ пострадала и ни въ чемъ неповинная волынка Guis:

v. 71 ... de cop de cotel
fu sa muse perchie.

Въ другой пастурели поэтъ разсказываетъ намъ о своей встрѣчѣ съ Robin'омъ, жалующимся ему на Marot, которая наговорила о немъ, будто онъ поцѣловалъ ее въ лѣсу. Его ждетъ месть товарищей. Рыцарь обѣщаетъ пастуху свое содѣйствіе: la pais ferai et d'eus et de toi, и уѣзжаетъ. По до-

рогѣ онъ встрѣчаетъ Guis, произносящаго угрозы по адресу Robin'a:

v. 49 s'ai choisi Guion
et son parente,
k'estoient arme
de lor wanbizons:
haches et bastons
portoient tuit troi.

Неизвѣстно, чѣмъ кончилась исторія, такъ какъ на этомъ разсказъ обрывается (III 36).

Рыцарь далеко не всегда ограничивается ролью пассивнаго наблюдателя. Общее веселье заражаетъ и его; и онъ подходитъ къ пляшущимъ и подхватываетъ незамѣтно какую-нибудь изъ красавицъ (II 58).

[v. 40 delez une blondete
me tieng, o la musete
m'en vois tot notant avec ciaus...]

Пастухи по обыкновенію кончаютъ плясъ ссорой; наступаетъ общее замѣшательство, которымъ пользуется рыцарь, чтобы увести свою блондинку въ ближайшій лѣсъ.

[(ibd., v. 69) vers moi ne se fist brete,
notant sans la musete,
et fist mes bons et toz mes biens.]

Иногда, впрочемъ, подобныя приключенія обходятся рыцарю не такъ дешево, и ему приходится испытать на своей спинѣ силу ударовъ расходившихся пастуховъ. Хорошо еще, если онъ успѣваетъ ускользнуть заблаговременно; ничтожное промедленіе влечетъ за собой иногда самыя непріятныя послѣдствія.

[(II 22, v. 66) Lors me sui mis a la voie,
et chascuns d'els me convoie
de baston ou de chaillel.
lor chiens Tancre et Mansel
m'ont hue senz dorenlot.]

Въ чертѣ „объективной“ пастурели мы встрѣчаемъ и пьесы, изображающія традиціонныя, очевидно, празднества

французскаго крестьянства. Въ III 29 Guillaume le Viniers разсказываетъ намъ о томъ, какъ онъ однажды, le premier jor de mai, встрѣтилъ двухъ дѣвушекъ, которыя несли множество цвѣтовъ и зеленыхъ вѣтвей.

[v. 6 flors et glai
et mai portent a foison
et chantent un novel son
d'un dous lai...]

Съ противуположной стороны къ нимъ подходила цѣлая толпа молодежи:

v. 28 flahutant
de foille et de mai chargie.

Передъ нами, очевидно, картина майскаго праздника, какъ его справляли „entre Arras et Douai". Въ другой пастурели тотъ же поэтъ переноситъ насъ въ обстановку осени (III 30):

v. 1 Quant les moissons sont faillies

На большомъ лугу, подъ широкими навѣсами, сооруженными нарочно для этой цѣли и украшенными зеленью, собираются крестьяне изъ окрестныхъ деревень, чтобы отпраздновать окончаніе жнитва. Пререканія между пастухами изъ-за своихъ подругъ переносятъ насъ въ кругъ знакомыхъ намъ уже обычныхъ ссоръ и препирательствъ. Но въ эту самую минуту догадливый Guion берется за свою волынку:

v. 58 quant Guios ot les folies,
lors conmenca melodies,
notes et espringueries,
si que lor melanconies
tost lor rapaia.

Не менѣе любопытны пастурели, рисующія традиціонныя забавы или игры, вродѣ игры въ короля, или различныя формы пляски, сопровождавшейся, по всей вѣроятности, мимирующимъ дѣйствомъ:

(II 41) Gautier fait le muel
et Jaket le pelerin,
et Gui le roubardel
et Baudouin fait l'anfle.

[Сюда же мы отнесли бы и указаніе II 22:

v. 29 Guioz lez Maroie
refaisoit lo lecherel,
et font croller le cercel
si qu'il en pecoie

и, можетъ быть, III 41, гдѣ въ началѣ приводятся разговоры пастуховъ о предстоящемъ майскомъ праздникѣ; каждому при этомъ хочется превзойти въ остроуміи своихъ товарищей:

v. 11 Herbers dist k'envoiseure
fera ki pas n'iert vilaine,
cote, mantel a parture
de burghie a tiretaine;
pour miex sanler preu sergant
portera un grant perchant
en ses deus mains u un rai,
ke cil ne voisent grouchant
ki orront le virelai.

Wales придумываетъ еще болѣе комическій выходъ:

v. 27 g'irai en un sach tumant,
on m'ira plus resgardant.]

Съ фигурой короля мы встрѣчаемся не разъ.

(II 41, v. 3) s'assamblerent par un matin
pastorelles et pastorel:
roi ont fait dou plus bel.

Его нарядъ описанъ и въ цитуемомъ пасссажѣ и въ пьесѣ III 15, представляющей собой отрывокъ пастурели:

(II 4, v. 6) mantel ot de kamelin
et cote de burel.

(III 15, v. 5) lor rois estoit acesmes
d'une cotele coee,
blans gans ot, verge pelee,
sot visage avoit asses,
bien sembloit li mains senes.

Участники праздника садятся сами прямо на землю, тогда какъ король торжественно помѣщается на подушкѣ. Угроза, которую онъ произноситъ ниже въ ст. 25 и слѣд.:

Li rois an jura saint Martin
et l'arme son pere Robert,
qui commenceroit le hustin,
on le geteroit ou ruissel...

дала поводъ видѣть въ этомъ королѣ просто симпосіарха, руководящаго ходомъ пирушки или попойки; но своеобразный костюмъ его (если не присутствіе такихъ фигуръ, какъ muel, pelerin и др., исполнявшихъ, вѣроятно, характерныя для нихъ сценки и танцы; rombardel обозначаетъ и щеголя, и особую пляску), скорѣе указываетъ на болѣе спеціальную его компетенцію, какъ бытовой маски, что не мѣшало ему предсѣдательствовать на пирушкѣ a la follie a Donmartin. Къ сожалѣнію, недосказанность въ пастурели П 41, только отмѣчающей основные моменты, какъ нѣчто всѣмъ хорошо знакомое, и потому, не входящей въ подробности, не даетъ намъ возможности построить какія-нибудь болѣе опредѣленныя заключенія.

В. Шишмаревъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТДѢЛЪ II.

Заговоры.

1. Заговоръ отъ пуль свинцовыхъ.

Мать Божія, Пресвятая Богородица, раба своего Якова отъ скорби и недуговъ нетлѣнною своею пеленою, Пятница Прасковея, Варвара мученица, Катерина мученица, Настасея мученица, нетлѣнною своею ризою защити и закрой раба своего Якова отъ пищалей и отъ свинцу, желѣза, отъ земли и свинецъ. Мать Божія, Пресвятая Богородица, какъ вѣтеръ кругомъ ходитъ кругъ дерева, и такъ бы ходила свинц(ов)ая пуля кругъ моей шапки.

2. Заговоръ отъ стрѣлъ и всякаго оружія.

Молитва Господа нашего Іисуса Христа отъ стрѣлъ и отъ всякаго оружія, отъ невѣрныхъ людей и отъ нашихъ супостатовъ, отъ пушекъ и отъ пищалей, и отъ пушечныхъ ядеръ, и отъ пищальныхъ пулекъ, и отъ каменныхъ ядеръ, и отъ топора, и отъ ножа, и отъ сабли, и отъ бердыша, и отъ копья, и отъ рогатины, и отъ кол(ь)я, и отъ всякаго древа, и отъ всякаго оружія, и отъ невѣрныхъ людей, и отъ нашихъ супостатовъ.

Господи, благослови меня, раба Божія (имя рекъ). Иду я, рабъ Божій (имя рекъ), противъ своихъ недруговъ и супостатовъ моленіемъ великаго чудотворца Николая и моленіемъ Петра и Алексѣя, и Іоны, и Филиппа московскихъ и всея Россіи московскихъ (sic) чудотворцевъ, и моленіемъ святыхъ отецъ триста осминадесять, и моленіемъ всѣхъ святыхъ, которые сотворили волю Божію отъ начала свѣта сего. Стрѣла, стой, не ходи ко мнѣ моленіемъ, благословеніемъ Господа нашего Іисуса Христа и Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, моленіемъ четырнадцать мучениковъ и всѣхъ святыхъ молитвами. Соблюди, Господи, и помилуй, закрой и заступи, и защити отъ стрѣлы летящія и отъ всякаго древа, и отъ всякаго желѣза окованнаго, и булату, и укладу [1]), и стали колѣснаго (sic), и отъ проволоки толстаго, и отъ мѣди красной, и отъ мѣди зеленой, и отъ проволоки, и отъ земляного бою, и отъ каменнаго, и отъ всякаго звѣря, и отъ кости, и отъ

[1]) Сырая сталь, изъ которой дѣлаются лезвія инструментовъ.

жиламости [1]), и отъ всякаго звѣря заморскаго, перья птицы, какова птица на семъ свѣтѣ отъ востоку до западу, отъ всякихъ четырехъ сторонъ, отъ всякаго погубленія и отъ татаръ, и отъ черемисъ, и отъ чуваши, и отъ мурзы, и отъ басурмановъ, и отъ мордвы, и отъ нѣмецъ, и отъ турокъ, и отъ полякъ, и отъ всякаго врага и супостата. А стрѣла, стой, не ходи ко мнѣ черезъ живаго Бога, и который сотворилъ небо и землю, и черезъ святыя, которые сотворили небо и землю, и черезъ святыя, которые сотворили волею Божію отъ начала всего свѣта. А стрѣла, стой, не йди ко мнѣ (имя рекъ) поименемъ Господа нашего Іисуса Христа, черезъ терной вѣнецъ, который бысть надъ главою Господнею. А стрѣла, стой, не ходи ко мнѣ черезъ раны Господа нашего Іисуса Христа и черезъ звѣзды небесныя, и черезъ погребеніе Господа нашего Іисуса Христа. Стрѣла, стой, не ходи ко мнѣ черезъ гвоздія. Сохрани, Господи, и помилуй, закрой, защити и заступи раба своего (имя рекъ) во единосовершенія и утверженія святыми отецъ. Аминь.

Аще кто сія молитвы на себѣ носитъ и держитъ у живота, и у Господа милости проситъ, подай же ему, Господи, тѣлесное здравіе и душевное спасеніе, покори ему, Господи, подъ ножію всякаго врага и супостата. Одержана бысть стрѣла не йтить отъ крѣпкихъ луковъ къ рабу Божію (имя рекъ) святыми небесными силами, ангелы и арханґелы; не будетъ стрѣлъ кажныя итти письма сего. Аще кто сію молитву возьметъ въ чистотѣ съ вѣрою, не будетъ ему погубленія всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. [2])

3. Заговоръ отъ пищалей и стрѣлъ.

Молитва Господу нашему Іисусу Христу.

Господи, благослови Отче. Есть море-окіанъ и есть желѣзное море, на желѣзномъ морѣ есть желѣзный столбъ, на желѣзномъ столбу есть желѣзный царь, стоитъ отъ востока до запада, подперся своимъ посохомъ желѣзнымъ и замолвяя, и заповѣдая своимъ дѣтямъ: желѣзу и красному булату, и синему булату, и стали, и красному желѣзу, простому и каленому желѣзу: выйди, желѣзо, въ свою мать землю отъ меня, раба Божія (имя рекъ), осмнадцать зракъ (sic), а, древо, пойди въ лѣсъ, а ты, перья, пойди въ свою мать птицу, птица въ небо, а ты, клей, пойди въ свою мать рыбу, а, рыба, въ море. Святый Михайла архангелъ, защити меня, раба Божія (имя рекъ), своимъ златымъ щитомъ отъ меча и отъ топорка, и отъ секеръ, и отъ копья, и отъ земляного бою, и отъ сабли, и отъ ножа, и отъ пищали, и отъ стерь (sic)[3]), и отъ всякаго неистоваго удара, и отъ всякихъ нечистыхъ ударовъ. Святый Ти-

---

[1]) Вѣроятно жимолость (Lonicera. L.); иначе —жиломусть, жиломость; изъ тонкихъ и прямыхъ, но очень твердыхъ стволовъ жимолости дѣлались древка стрѣлъ. *Н. В.*

[2]) Сравни съ заговоромъ 109 б, въ книгѣ 5-й, вып. 2-й, стр. 221-я. Труды Этнографическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ Императорскомъ университетѣ, 1877 г.

[3]) М. б.—*стыръ*—колъ; срвн. Срезневскій. Матеріалы... Ш, стлб. 583. *Н. В.*

хонъ, утиши государя плеченомирное (sic), святый, меня помилуй мя, Господи. Святый Лука евангелистъ, за луки хватайся. Святый Микита мученикъ, Господь, избави своимъ скипетромъ отъ копья и отъ топорка, и отъ стрѣлы, и всякое плеченіе мирное. Святая Пречистая Богородица, защити меня, раба Божія (имя рекъ), своими святыми молитвами, желѣзными затворы отъ востоку до западу. Буди же мое тѣло крѣпча... бѣлаго каменья и синева булату; буди же мое платье на мнѣ ко... крѣпчае панцыря и кальчуги... булатныя... Святые четыре евангелиста: Лука, Маркъ, Матфей и Іоаннъ Богословъ, сойдите съ небеси, снимите замокъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, отъ востока до запада [1]).

4. Заговоръ отъ порчи пищали.

Ключъ, какъ пособить пищали отъ порчи.

Возьми соли да свинцу въ правую руку, а въ лѣвую ручницу [2]), да, пришедъ къ рѣкѣ, назови именемъ, да почерпи воды внись, да выреки (sic) къ сухому пню, да мол(ви) такъ: какъ сухому (п)ню отъ роду [3]) не будетъ, такъ бы не было моей ручицы помину отъ пятисотъ порче за тридевять насоженыхъ порчей, да тридевять на сто насильныхъ порчей, да т(р)идевять на сто нагон(н)ыхъ порчей. Не я отхожу, не я отсылаю, не я отговариваю, отговаривая, и отхаживаетъ, и отговариваетъ отъ меня и отъ моей ручицы святая Соломея повелѣніемъ Пресвятые Богородицы.

5. Заговоръ отъ порчи пищали.

...а желѣзномъ дни крестомъ ограждаюся ...ли и до неба отъ вѣдуна, отъ вѣдуницы, отъ колдуна, отъ колдуницы, а та молитва отъ пищальныя порчи.

Господи, Боже, Іисусъ Христосъ. Самъ Христосъ своимъ крестомъ раба Божія (имя рекъ) вели мнѣ гулять зорями и путемъ, зорями вечерними, и меня, раба Божія (имя рекъ), ни портежницы, не ученицы, ни пороткеницы (sic), и меня, раба Божія (имя рекъ), не портежь, ни пищаль морина, какъ со всякъ у меня портежницы на ученцы тридевять темницъ посоженыхъ, тридевя(т)ь замину тридеве замками и дамъ ключи черному ворону: кинь, кинь ключи въ кіянь-море. И какъ то море выпьетъ море чернца и пороженцы, и какъ море не выпиваетъ и меня, раба Божія (имя рекъ). Есть на морѣ на окіянѣ дубъ Дорофей, подъ тѣмъ дубомъ сидитъ баба Соломонея; такъ же баба Соломонея смуваетъ, изговариваетъ отъ раба Божія (имя рекъ) хотить плоти, горючія крови въ завистехъ

---

[1]) Сравни съ 18-мъ заговоромъ въ „Сказаніяхъ русскаго народа", Сахарова, стр. 47, изданіе 1885 г.; съ 8-мъ заговоромъ въ сообщеніи А. Афонасьева, 4-й томъ, отд. 3-й, стр. 79, „Лѣтописи русской литературы и древности", 1862 г.; съ 331-мъ заговоромъ въ „Сборникѣ великорусскихъ заклинаній Д. Н. Майкова", т. 2-й, стран. 560, „Записки Императорскаго Географическаго Общества", 1869 г.

[2]) Пищаль, винтовка.

[3]) Вѣроятно—„отроду", отъ слова „отродиться", что значитъ—приняться, прорости. *Н. В.*

и отсужать и отговариваетъ и меня, раба Божія (имя рекъ). Ни боса, ни нага, ни простоволоса, рабъ Божій мой, царица водица, красная водица, об(мы)ваеши крутые берега, желтые пески, обмываеши у рѣки отъ стара и отъ мала по сей день и по сей часъ.

6. Заговоръ отъ лихихъ людей, колдуновъ.

Стану, рабъ Божій, благословяся, пойду, перекрестяся, и помолюся темной ночи, темная ночь утренней зорѣ, утренняя зоря красному солнцу, к(р)асное солнце истинному Христу. Истинный Христосъ пошлетъ Петра и Павла. Святый государь Петръ и Павелъ, верховный апостолъ, поставь кругъ меня, раба Божія, тынъ желѣзный отъ неба до земли. И какъ православные крестьяне (sic) поклоняются истинному Христу, такъ бы мнѣ, рабу Божію, поклонялись князи и бояры, и великія власти. Истинный Христосъ, заступи своею ступенью, закрой своею нетлѣнною ризою, постави тынъ желѣзенъ отъ неба до земли отъ лиха человѣка, отъ колдуна и отъ колдуньи, и отъ вѣдуна, и отъ вѣдуньи, и отъ схимника, и отъ схимницы, отъ тревзуба, двоезуба, желтовласа, отъ перевласа и отъ дѣвки, и отъ женки, и отъ схимника, и отъ схимницы, и отъ звѣздъ въ небѣ, отъ вѣщія сороки. Такъ меня, раба Божія, не испорчивать ни вѣдуну, ни вѣдуньи. Истинный Христосъ, заступи своею ступенью. Пречистая Богородица, закрой своею ризою нетлѣнною ото всякаго зла человѣка. И какъ моего приговору и отговору вѣки по вѣку не отгадывать и во вѣки. Аминь.

7. Заговоръ отъ злого человѣка и силъ природы.

Господи, крестъ надо мною, крестъ на мнѣ, крестомъ ся отражаюся, крестомъ бѣса прогоняю. Отъ Пречистыя діаволи бѣгаютъ, но отъ сего раба Божія (имя рекъ) бѣжитъ золъ человѣкъ, а Пречистая на немъ руку держаше.Носитъ сію молитву человѣка истиннаго мученика Никиты рабъ Божій и онъ неубоится ни отъ огня, ни отъ воды, ни отъ грома, ни отъ молніи, ни отъ звѣря, едина наша молитва.

8. Заговоръ на остановленіе руды.

Семенъ Васильевъ сынъ. Истинный Христосъ держитъ въ рукахъ золоты иглы, шелковыя нити, хочетъ сшивать небо и землю; такъ бы на мнѣ, рабѣ Божьей, ты руда никань (sic) зашила бы ни руды, ни раны, ты руда никань ника но некань. Пречистая Богородица, заступи своею ступенью, закрой своею ризою нетлѣнною. Возьми, Пречистая Богородица, замкни на мнѣ тридевятьми замками нѣмецкими—дорогими. Ты, руда, никань ника но никань. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

9. Заговоръ на остановленіе крови.

Зря въ очи. Во дни Агафа царя не бысть на земли и дожжа три лѣта и три годины, и шесть мѣсяцъ; земля же омѣденела, а

небеса он...нища, источницы замкошася, тако же и ты, кровь, стани, ни кани. Аще не станетъ и ты напиши кровью тою: невамъ да нимъ, нинонъ, трофонъ. Аще не станетъ, и ты напиши ему на челѣ кровью тою: да ни да, данимъ, тоновъ, трофенъ. Аще не станетъ, напиши ему: танита.

10. Заговоръ на посѣвъ поля.

Стану, я, рабъ Божій, благословяся, пойду, перехрестяся, пойду въ чистое поле. Благослови же меня, истинный Христосъ, сѣмянъ засѣять. Послалъ ко мнѣ истинный Христосъ Михаила архангела со ангелы и со апостолы. Пошли же мнѣ, Господи, истинный Христосъ, на жадныя души, на родителей, дай, Господи, добрымъ людямъ на похвалу, худымъ на зовидесть. Христовы птицы, хорты[1]), собину[2]) сію свою вамъ, а моей собины не топчите, не толачите, сѣю вамъ въ темные лѣса, на луги зеленые и вы свою собину топчите и толочите, а на меня, раба Божія, лиха не думайте и на мой милой животъ, а я на васъ, птицы христовы, лиха не думаю.

11. Заговоръ на скотину.

Святый Господи, Власей и Офонасей, пошли мнѣ, Господи, милова живота до люби добрымъ людямъ на завидость (sic), а на до люби, на щастливыхъ гостей, на жадныя души, на родителей. Первую скотину моля и малвя тебѣ, государь истинный Христосъ, на воскъ, на темья, на церковное строенье. И какъ моего приговору и отговору вѣки по вѣшкѣ отгадывать всякому злу чавсъ (sic). Истинный Христосъ, заступи своею ступенью, закрой своею ризою нетлѣнною. Какъ пѣнья въ храмѣ неизводится, такъ бы у меня милый животъ неизвелся во вѣки. Аминь.

12. То же.

Срѣзать два пруточка ивавыя, одналѣтки, да взяти моху церковнаго, да поить животъ. А спускать животъ въ Егорьевъ день, опходить съ образомъ и со свячами, а ямати шерсть съ скресца со всякіе животины, да вмѣсто катать: „какъ той шерсти вѣки по вѣку не расхаживаться, такъ моему животу вѣки по вѣкъ не расхаживаться“. А какъ станете зганивать животъ впередъ, и потыкать два прутка, а третьимъ погонять животъ.

13. То же.

Семенъ Васильевъ сынъ, государь Фролъ, Лавръ, истинный Христосъ, пошли мнѣ хоша дать къ добрымъ людямъ на похвалу, худымъ на завидость. И постави тынъ желѣзный, истинный Христосъ, кругъ моего милаго живота отъ лиха человѣка. Пречистая

---

[1]) Борзыя собаки.
[2]) Собственность.

Богородица, заступи своею ступенью, закрой своею ризою нетлѣнною. Какъ моего приговору и отговору неотгадывать и меня, раба Божія, неиспорчивать и моего милаго живота и во вѣки. Аминь.

14. Заговоръ противъ измѣны жены.

Блядуетъ отъ мужа бемидофа аще жена, возьми у нее съ чела волосовъ, сожги на желѣзѣ и тѣмъ попеломъ помажи срамъ свой, и пребуди съ нею на постелѣ, престанетъ блясти.

15. Заговоръ отъ мужского безсилія.

Аще хощеши быти съ женою часто, помажи срамъ свой: курье сердце смѣси съ оленьимъ саломъ и съ деветисиловымъ листьемъ, и нѣстъ сытости.

16. Заговоръ на любовь дѣвицы.

Встану раненько, взойду на высокъ шеломъ, ускричу, взоплю своимъ громкимъ голосомъ: ой вы, сатана со дьяволомъ, со малыми, со великими, вылѣсте съ окіанъ-моря, возьмите огненную тоску мою, пойдите по бѣлу свѣту, не зажигайте вы ни пенья, ни колодья, ни сырыя деревья, ни земли, травы—зажгите у рабы по мнѣ душу. На морѣ-окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ тутъ мыльня, въ той мыльнѣ лежитъ доска, на той доскѣ лежитъ тоска. Пришелъ я, рабъ (имя рекъ), что ты тоска тоскуешъ и горюешъ? Не тоскуй тоска, не горюй тоска, пойди тоска, уступи тоска рабу (имя рекъ); что(бы) она тосковала и горевала по мнѣ, по рабу (имя рекъ), какъ тотъ огонь горитъ въ году и полугоду, днемъ и полудни, и часу, и получасу, и такъ бы та раба по мнѣ, по рабу горѣла. Бѣлое тѣло, ретивое сердце, черная печень, буйная голова съ мозгомъ, ясными очами, черными бровями, сахарными устами. Сколь тошно, сколь горько рыбѣ безъ воды и такъ бы рабу (имя рекъ) тошно, горько по мнѣ, по рабу и дня и полудня, и часа, и получаса, въ году и полугоду, и недѣлѣ, и полнедѣлѣ.

(Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, столбцы Приказнаго стола №№ 653 и 1133; декабрь 7197 года (1688 г.).

Сообщилъ *П. Зенбицкій.*

О говорѣ Сестрорѣцка.

Сестрорѣцкъ большое селеніе, близь Финскаго залива, расположенное по рѣкѣ Сестрѣ, въ 26 верстахъ отъ Петербурга; соединено съ С.-Петербургомъ желѣзною и грунтовою дорогами и со станціей Бѣлоостровъ (Финл. ж. д.) шоссейною. Основано оно въ 1724 г.

По окончаніи постройки Сестрорѣцкаго ружейнаго завода [1]) по приказанію Петра Великаго сюда было переселено съ Петровскихъ Олонецкихъ заводовъ около 570 мастеровъ и рабочихъ вмѣстѣ съ ихъ семьями. Это были первые жители слободы; дальнѣйшее развитіе населенія ея сложилось изъ естественнаго прироста его, пришельцевъ изъ столицы и, отчасти, изъ крестьянъ ближайшихъ финскихъ деревень.

Въ настоящее время въ Сестрорѣцкѣ около 12 тысячъ жителей, и почти всѣ грамотные [2]). Широкое развитіе грамотности можно отчасти объяснить тѣмъ, что неграмотныхъ администрація завода не принимаетъ на работу. Большинство женщинъ тоже грамотны; многія матери сами подготовляютъ своихъ дѣтей во второй классъ школъ.

Главный источникъ доходовъ жителей Сестрорѣцка—работа на мѣстномъ заводѣ и сдача на лѣто своихъ избъ петербургскимъ дачникамъ [3]).

Многіе жители говорятъ по-фински; но въ ихъ русской рѣчи финскаго акцента не замѣчала, хотя въ разговорахъ иногда ими вставляются финскія слова.

Въ лѣто 1906 года я сдѣлала рядъ діалектологическихъ наблюденій надъ народной рѣчью Сестрорѣцка и нашла, что, не смотря на чрезвычайно сильное вліяніе обще-русскаго языка, въ ней еще сохранились нѣкоторыя звуковыя и формальныя особенности, по которымъ можно судить о древнемъ говорѣ описываемой мѣстности.

Фонетическія особенности.

ГЛАСНЫЕ.

Говоръ Сестрорѣцка принадлежитъ къ акающимъ (аканье въ общемъ близко къ Петербургскому).

Произносятся *е* (*ѣ*) *я* въ слогахъ передъ удареніемъ и послѣ него, какъ въ нашемъ говорѣ, какъ *и*: *стина, озира, плисать, вѣилка*.

---

[1]) Постройка завода начата въ 1714 г.

[2]) Въ селеніи двѣ земскихъ школы, одна церковно-приходская, одна частная школа грамотности и техническая при ружейномъ заводѣ.

[3]) Второстепенные источники доходовъ—у мужчинъ—ловля рыбы, выдѣлка шпоръ и топочныхъ дверецъ къ домовымъ печамъ; женщины занимаются шитьемъ лайковыхъ перчатокъ и дамскихъ блузокъ. Все это находитъ себѣ сбытъ въ Петербургѣ.

Въ слогахъ, далекихъ отъ ударенія это *и* звучитъ гораздо рѣзче и отчетливѣе, чѣмъ у насъ: *пиривос*, *висилей*, *чирназёмъ*.

Въ словѣ „обѣдня“ *ѣ* хотя и находится подъ удареніемъ, но произносится какъ *и*—*абидня* (слыхала, главнымъ образомъ отъ старушекъ).

Слово „конечно“ произносится *канишна*; но здѣсь *и* вмѣсто *е* едва ли фонетическое.

Какъ на остатокъ стараго произношенія гласныхъ нужно, повидимому, смотрѣть на *я* въ словѣ „священникъ“—*свяченикъ*, всегда такъ въ этой формѣ слова; рядомъ съ нимъ *свищеникъ*, подъ вліяніемъ нашего говора, съ нашимъ *и* и *щ*.

Окончанія *онька*, *очка* звучитъ какъ *ынька*, *ычка*: *ластычка*, *дѣвычка*, *бирёзынька*, *дѣвынька*.

Часто встрѣчается пропускъ начальныхъ гласныхъ въ именахъ Александръ, Алексѣй, Елизавета; говорятъ *Ликсандра*, *Ликсѣй*, *Лизавета*.

Къ окончанію многихъ словъ прибавляется гласный звукъ: *Ликсандра*, *Пётра*, *таперя*, *типерича*, *здѣся*, *фчирася*.

Стяженіе гласныхъ въ падежныхъ формахъ: *ни хватат харошу барашну мѣсу*, *сдѣльна цѣна*, *лишня вада*; въ глагольныхъ формахъ: *работат*, *впадат*, *таргут* (рядомъ съ нимъ *таргујит*), *гулят* (рѣже *гулајит*); въ мѣстоименіяхъ: *маво рибитёнка*, *маму*, *сваму*; среди слова: *Никалафскій вакзал*, *јирей*.

СОГЛАСНЫЕ.

Начальное придыхательное *в* передъ гласной *о* съ удареніемъ слышала въ очень многихъ словахъ: *вóкарак*, *вóстрай*, *вóткуп*.

Выговаривается *г* подобно латинскому *g*: *граматит*, *гадам*, *глыпка*. Учительница, прослужившая въ мѣстной церковно-приходской школѣ 9 лѣтъ, сообщила мнѣ, что ученики, только что поступившіе въ школу постоянно произносятъ *г*, а не γ даже въ такихъ словахъ, какъ „благодарить, господинъ“—*благыдарить*, *гаспадин*. Подобное произношеніе этихъ словъ мнѣ приходилось наблюдать очень рѣдко.

Твердое, какъ у насъ *к*: *Ванька*, *чайку*. Но говорятъ постоянно: *тольки*, *скольки*, *стольки*.

Группа *чн* говорится постоянно какъ *шн*: *фабришнай*, *сирдешнай*.

Двойное *ж* и *ш* полу-мягки: *шьшьбечит*, *вешьшь*, *дрожьжы*.

Мягкое *ст* часто употребляемо въ словѣ *Питирбурстя*, вмѣсто *Питирбурска*.

Обыченъ пропускъ *в* передъ согласными: *спаминать*, *сдоръ*, *стрѣча*, *Афанасьеска улица*.

Пропускъ *н*: *красинькай*.

Пропускъ *т*: *нивѣска*, *чесин*.

Пропускъ *j*: *дисвитильна*, *дюмаф*.

Часта диссимиляція плавныхъ; такъ говорятъ: *пролуп*, *прамѣха*, *Систрамѣцк*, *канцырялія*.

Морфологическія особенности.

Очень часто слышала въ родит. падежѣ муж. р. окончаніе *у* вмѣсто *а*: *два году иму не была, как атец иво помир; с таво году он и хварать стал, ни сну иму ни стала...*

Въ родит. пад. муж. женск. и средн. рода употребляется окончаніе *аф, оф* когда его грамматически быть не должно: *биспарятки пашли, ну салдатаф и навими, скольки чилавѣкаф задармы напагубили; така куфарка мистоф палучит скольки хош; в јетай дачита комнатаф пят' будит.*

Дательн. вмѣсто творит.: *ана пашла в лѣс за грибам, да далжнот' скора вирнёца; ана таргут слифкам, агурцам.*

Смѣшеніе падежей родит., дательн., и мѣстн. ед. числа женск. рода: *у маей систрѣ, на вады, дай каровы травы.*

Мѣстный падежъ твердаго склоненія по аналогіи съ мягкимъ имѣетъ окончаніе *и* вмѣсто *ѣ*: *в балоти, на рики, па дароги.*

Какъ на остатки мягкаго склоненія можно смотрѣть, вѣроятно, на *и* вмѣсто *ѣ* въ словѣ *сафсим* или *зафсим.*

Обычны причастія на *мшы*, употребляемыя въ смыслѣ сказуемыхъ: *ни ѣмшы, бижамшы.*

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Образцы народнаго говора Сестрорѣцка.

Пожилая женщина; грамотна.

„Я та руска, атец и дѣтка здѣшни были. Муш—та по́мир. Он мастирам на заводи был. Он та нѣмиц. Эта спугался онъ зимой—та той, с таво году и хварать стал, напирежы сну иму ни стала. Тахыда[1]) и нашу привасходну вѣру принил. Мая вдовья дѣла типеря, дачкай жыву. Лѣтась та дачку маю абвакат снимал. На нашый Задни улица фсихыда [1]) тиха. Ра̄зи завоцки свинки падут, ну пѣсню спаютъ“.

Пожилая женщина; грамотна.

(Занимались въ Сестрорѣцкѣ когда-нибудь хлѣбопашествомъ?) „Нѣт. Я та пра̊вѣр (т. е. правда; иные произносятъ прŏвѣр) бальша уш была, как колас рожы увидала, да тавой пары тольки ф школи пра ниво слыхала. Типерича вот у миня малинёк домик. Ну агарот јесь. Такъ нимнога, дли сиби. Картушку сажаим. Каки там пладовы диревья. Рибина, ольха—фсе диревья прастыј“.

Ученица церковно-приходской школы.

(Что ты читала про Іорданъ?) Эта была уш сафсим тёмна, сонца не была, воздух был прахладин, кагда мы пришли Карадану. Па биригам ана пакрыта зарасля̄ми. Эта красива рика. Уска дарошка вила к вады. Абнакнавена багамольцы туда пагружаюца.

А. Пруссакъ.

[1]) Въ этомъ словѣ *ы*—краткое.

Печорскіе стихи и пѣсни.

Стихи и нѣсколько пѣсенъ записаны мною на Низовой Печорѣ, въ двухъ волостяхъ, Устьцылемской и Пустозерской, въ 1902 г. Главной цѣлью моей поѣздки на Печору того года была запись былинъ. Когда сказатели былинъ въ какой-нибудь мѣстности были всѣ использованы, а двигаться впередъ почему-нибудь было нельзя, я записывалъ сказки, а также и стихи. Использовавъ, можно сказать, весь былинный репертуаръ печорскихъ сказателей, я сдѣлалъ то же и въ отношеніи стиховъ, перечень которыхъ и вообще не великъ.

Стихи я обыкновенно записывалъ отъ тѣхъ же лицъ, которыя пѣли мнѣ и былины; обыкновенно на Печорѣ почти всякій сказатель былинъ знаетъ и стихи, особенно самые распространенные, про Егорія и Александру, особенно про „мученія Егорія". Стихи я записывалъ съ голоса, за исключеніемъ „Соловецкихъ чудотворцевъ" и „Чернориэецъ и Господь" (№№ 15 и 16), которые списаны мною изъ тетрадки стиховъ.

Придавая большое значеніе автору, вѣрнѣе, лицу, передающему въ пѣніи или разсказѣ былину, духовный стихъ или сказку, я всегда записывалъ автора всякаго переданнаго мнѣ тѣмъ или инымъ способомъ номера народнаго творчества. И такъ какъ на Печорѣ пѣвцы былинъ, духовныхъ стиховъ, разсказчики сказокъ обыкновенно были у меня одни и тѣ же лица, то интересно прослѣдить одни и тѣ же мотивы, особенно пріемы, употребляемые пѣвцомъ или разсказчикомъ въ былинѣ, въ духовномъ стихѣ, въ сказкѣ, даже въ пѣснѣ; такъ какъ хотя пѣсня и передается обыкновенно всѣми пѣвцами въ данной мѣстности приблизительно одинаково, но выборъ, знаніе тѣхъ или другихъ пѣсенъ также зависитъ отъ вкусовъ и характера каждаго даннаго лица. Подробно я буду говорить объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

Теперь о самихъ стихахъ. Духовныхъ стиховъ на Печорѣ очень немного и, казалось, они должны были бы совсѣмъ потонуть въ большомъ количествѣ и разнообразіи печорскихъ старинъ-былинъ. Этому, казалось бы, должно способствовать и самое содержаніе стиховъ, также съ описаніемъ чудесного, какъ и былины, распѣваемыхъ на Печорѣ былиннымъ „ясакомъ" (размѣромъ), сложенныхъ въ строфы, совсѣмъ былиннаго размѣра. И тѣмъ не менѣе на Печорѣ въ обѣихъ волостяхъ твердо отличаютъ „стихъ" отъ „старины" и не только потому, что содержимое стиха считается былью, передачею дѣйствительно бывшаго; вѣдь и всѣму тому, что разсказывается въ былинахъ, печорцы также вѣрятъ.

Я печатаю здѣсь стихи, содержащіе разсказъ о какомъ-нибудь происшествіи изъ разряда чудесныхъ, обыкновенно случай изъ жизни какого-нибудь святого. Или во всякомъ случаѣ стихи, хотя и безъ

опредѣленнаго фактическаго содержанія, но относящіеся къ прославленію и восхваленію какого-нибудь опредѣленнаго святого: Николая Чудотворца, Божьей Матери, Василія Великаго. Эти стихи, несмотря на довольно длинное иногда содержаніе, заучиваются наизусть и передаются по памяти. Есть на Печорѣ другого рода стихи: или духовно-лирическаго, или поучительнаго, или полемическаго содержанія. Эти стихи обыкновенно переписываются изъ разныхъ сборниковъ въ тетрадки, очень распространенныя среди печорскаго населенія. Ихъ знаютъ и наизусть, но по большей части поютъ съ тетрадокъ. Я совсѣмъ не печатаю здѣсь этого рода стиховъ, хотя собралъ ихъ на Печорѣ и вообще на сѣверѣ, въ Поморьѣ и въ Олонецкой губ., довольно много и въ сборникахъ, относящихся по времени написанія къ началу XVIII вѣка, и въ тетрадкахъ, написанныхъ совсѣмъ вчера.

Совсѣмъ случайно я записывалъ на Печорѣ пѣсни, и то, что я записалъ, конечно, отнюдь не служитъ исчерпывающимъ матеріаломъ пѣсеннаго репертуара этой окраины. Я печатаю здѣсь нѣсколько №№ изъ наиболѣе рѣдкихъ или интересныхъ образцовъ, напр. „Виноградье“, которое подраздѣляется на „общее“, „холостое“, „дѣвичье“, „женатое“, въ зависимости отъ того, кого хотятъ провеличать въ виноградьѣ. Печатаются здѣсь и стихи, съ которыми на Печорѣ „славятъ“ на Рождествѣ. Печатается нѣсколько вообще интересныхъ шуточныхъ пѣсенокъ.

Н. Ончуковъ.

25 марта 1907 г.

1.

Алексѣй человѣкъ-Божій.[1])

Ай да во славномъ во Риньскоемъ царьсви,
При славномъ царѣ при Онофьѣ,
И жилъ Ефимьянъ князь богатой;
И да не было 'его не сына ни доцери.
Охвоць Ефимьянъ въ церьковъ ходити,
Да онъ проситъ у Воспода Бога,
Онъ проситъ сына хошь-бы и доци
Ы со бладыихъ дѣнъ бы на утѣху,
А на стары ти ньни хоть на скормленьё,
Послѣ смерти де тѣлу на погребаньё,
А послѣ души на поминаньё.
Да ходилъ Ефимьянъ князь богатой,
Онъ цясто ходилъ въ божью черьковь,
Онъ часто ходилъ, Богу молился;

---

[1]) Записанъ до стиха 118-го включит. отъ Петра Родіоновича Поздѣева, 65 л., дальше до конца отъ его жены Ксеніи Архиповны Поздѣевой, въ селѣ Устьцыльмѣ. Характеристику Поздѣева и его жены см. въ „Печорск былинахъ“ стр. 77 и 78.

А послѣ Господь ему гласъ гласилъ-же,
Что „княгина-то, у тя стала беременна“.
Да и тутъ Ефимьянъ князь взрадовàлса,
Ай да самъ передъ собою перекрестилса.
„Да и славо-де тебѣ Христе Боже,
Да и славо-де тебѣ, алилуія,
Да и звыше того на небесахъ“.
Ай да ходилъ Ефимьянъ тутъ князь богатой,
Ай да служилъ онъ святы больши молебны,
Да служилъ онъ всю святую литоргею,
Онъ служилъ-де канони полуноцьны,
Да служилъ онъ святую вовсюноцьны.
Да опосле княгина его родила-же,
Родила-де она ему нонь сына,
И сына родила ему дорогого;
Да и тутъ Ефимьянъ князь зрадовалса,
Да и самъ передъ собою перекрестилса,
„Да и славо тебѣ нонь Христе Богу
Да и славо тебѣ, алилуія,
Да и звыше того на небѣсахъ“.
Онъ пошолъ Ефимьянъ князь богатой,
Онъ пошелъ-де по Римьскому цярьству,
Онъ звать-де поповъ-отцовъ духовныхъ,
Да крестить своёго ноньце цяда.
Да идётъ онъ по Римьскому цярьству,
О да народъ ему много всё стрѣтаются,
Да и 'се де они съ нимъ здорбвоютсе.
„Ужъ ты, здраствуй Ефимьянъ князь со сыномъ“.
А богатымъ-то давалъ 'сѣмъ по спасибу,
Да и нужнымъ давалъ онъ златничи.
А да пришли тутъ попы-отцы духовны,
Да крестить у его ноньце сына,
Да и сыну-то имя й нарѣкали,
Да княгины-то молитву давали,
Да и дали ему имя Олексѣёмъ.
Да ростётъ Олексѣй-ётъ цядо мало,
У кого-де ростутъ ноньце два мѣсеця,
Олексѣй-отъ выростётъ стольки 'полмѣсяца,
У кого гдѣ ростутъ ноньце какъ годъ поры,
Олексѣй столько выростётъ 'полгода,
У кого гдѣ ростутъ ноньце два года,
Олексѣй-отъ столько выростётъ нонь годъ же,
У кого гдѣ ростутъ ноньце четыре года,
Олексѣй-отъ столько выростётъ о два года.
Олексѣй-отъ нонь выросъ шести лѣтъ,
Да и сталъ онъ [отецъ] учить его 'хитру грамоту;
У кого ноньце уцятьсе какъ годъ поры,
Олексѣй-отъ столько выучится 'полгода,
У кого гдѣ учились нонь два года,
Олексѣй столько выучился нонь 'годъ-же;

Научился Олексѣй тутъ 'хитру грамоту,
Онъ сталъ де 'се на книги лежати,
Да и книги-ти Божьи сталъ читати;
Онъ востро 'се цитать книги Божіи,
Онъ на улицѣ никуда ноньце не ходитъ,
Да и съ малыми робятами не играётъ,
Да и всё онъ на книгѣ лежитъ—цитаётъ.
Да и сталъ Олексѣй лѣтъ семнаццеть,
Некуды же де онъ ноньце не ходитъ,
И на улицю-де онъ не играетъ,
Да не съ кимъ де ка' онъ не веселитьсе.
Говорятъ-же ему отечъ-мати:
„Уже што-же ты, дитя наше ноньце мило,
Некуды-же ты нонь-ле ты не ходишь,
Да не съ кимъ-ле ты нонь не веселишсе“.
Они ладятъ его нонь споженити,
Говорятъ де ему отечь-мати:
„Ужъ-ты ой еси-ле наше цядо мило,
Мы ужъ ладимъ тебя нонь споженити,
Ужъ ты лучше-ле не станешь-ле веселитсе“.
Олексѣй-отъ имъ на то нонь отвѣчаетъ
— „Ужъ и я-де жониться-де не хоцю-же“.
И оннако они на его не поглидѣли,
Они здумали его нонь споженили,
Да и тутъ они какъ свадьбу отпировали.
Э, да и тутъ повѣли его на подклѣть-же
Со своей его съ обручноей княгиной,
А, да и тутъ его они повалили,
Да народъ тутъ какъ всѣ удалились,
Говоритъ Олексѣй тутъ како слово:
„Ужъ ты ой еси моя обручная княгина,
Ужъ ты какъ ты миня нонь называёшь,
Ужъ ты какъ ты миня нонь поцитаёшь?“
Говоритъ-же ему обручная княгина:
— Называю тебя я Олексѣёмъ,
Поцитаю я тебя 'мѣсто брата.—
Говоритъ Олексѣй тако слово:
„Ой да и брату съ сестрой спать не подобаётъ“.
Онъ ставатъ ноньце тутъ со кроватки,
Отпоясыватъ онъ отъ ся шолковъ поясъ,
Онъ сымаётъ отъ ся обручной перстень,
Говоритъ Олексѣй такое слово:
„Ужъ ты ой еси обручная княгина,
И когда на тя найдётъ мысель худая,
Завежи околъ ся ты мой шолковъ поясъ,
Ты наложъ тогда обручной мой перстень,
Отойдётъ тогда отъ тя мысель худая“.
Онъ наделъ на сябы платьице печальнё
Онъ простился со своей обручноей княгиной,
Онъ и вышолъ тогда и вонъ на уличу,

Онъ пошолъ тогда 'морю ко синему,
Онъ приходитъ де 'морю и синему,
Да стоватъ тогда на малинькой караблнкъ,
Побѣжалъ тогда за синёё море.
Да стоитъ-же тутъ малинькой кораблнкъ,
Онъ зашолъ-то на малинькой караблнкъ.
„Ужъ ты ой есь господа люди карабельщики,
Перекиньте меня за сине морё,
А и дай намъ Богъ тишины пособной“.
Подымали они тонки бѣлы парусы,
Побѣжали ёни за синё морё;
Да и скоро перебѣжали за синё морё,
Становились на пристани карабельни,
Да пошолъ Олексѣй со караблика,
Благодарилъ онъ людей карабельщиковъ.
Да пошолъ онъ въ монастыри причесны,
Да пошолъ во Божью во церковь,
Да и молитсэ онъ сталъ Богу.
Да послѣ того Ефимьянъ князь сфатился,
Да и сталъ Олексѣя искати,
Да и стали по царству ходити,
Да по Божьимъ по церьквамъ,
Да послалъ онъ своихъ слугъ вѣрныхъ,
Да за то-же за синёё морё,
Да на томъ-же они на караблицкѣ,
Побѣжали они за синё морё.
Да пошли они нынь во монастыри причесны,
Да пошли они по божьимъ по церквамъ,
Да и были они въ той церквы,
Да въ которой Олексѣй Богу молитсе,
Олексѣя они не признали,
Да и милостину ему подавали,
Да обросъ Олексѣй волосами,
Не могли-же они его признати;
Да юшли они назадъ изъ Божьей церквы,
Да ушли изъ монастырёвъ причесныхъ,
Да пришли ёни ко синему морю,
Да на то-же присталищо карабельнё,
Да зашли ёни на малинькой караблнкъ,
Побѣжали за синёё морё,
Да во тоже во Риньское царство.
Да выходятъ они со караблика,
Да идутъ къ Ефимьяну князю богату,
Ефимьянъ отъ же ихъ нынѣ стрѣцеетъ,
Ефимьяну они честь воздавали:
„Да и сына твоего невидали“.
Да и тутъ Ефимьянъ звылъ и сплакалъ.
Да и много нынь времицька миновалось,
Да прошло нонь время лѣтъ трицеть,
Да и тутъ Олексѣй остарѣлъ-же,

Да пошолъ Олексѣй изъ Божьей церквы,
До поесъ онъ обросъ волосами,
Да и самъ Олексѣй посѣдатѣлъ,
Да пошолъ ко причасному монастырю,
Да идётъ онъ ко синёму морю,
Да на то же пристáлищо карабельнё,
Да стоитъ же тутъ малинькой караблинъ.
„Охъ вы ой есь, господа люди каробельщики,
Перекиньте меня за синё морё“.
Заходилъ онъ на малинькой караблинъ,
Имъ ужъ далъ же Богъ тишины пособной,
Подымали тонки парусы полоʼтнены,
Побѣжали за синёё морё,
Прибѣжали во Риньское царство,
Да на то же присталищо карабельно,
Да выходитъ Олексѣй со короблика,
Благодарилъ онъ людей карабельщиковъ·
Да пошолъ онъ по Риньскому царству,
Да идётъ къ Ефимьянымъ палатамъ,
Да заходитъ въ Ефимьяновы палаты,
Да молится Господу Богу,
Да и крестъ-отъ кладётъ по писанному,
Да поклонъ-отъ ведётъ по юченому,
Да молитву творитъ полну Сусову,
На вси стороны онъ поклоняетцэ,
Ефимьяну кнезю на ёсобицу,
Становитце на мѣсто на сиротско,
Да и проситъ онъ нынѣ милостыню,
Да ради-де Христа цэря небёсного;
Да велитъ Ефимьянъ князь богатой,
Да велитъ-же онъ нынѣ своимъ слугамъ,
Да подать-же милостыню ради Христа.
„Охъ вы ой есь мои слуги вѣрны,
Сиротину напойте да накормите“.
Да сиротину слуги накормили,
Сиротина напилась и наѣлась,
Да и всимъ же она чесь воздавала,
Сиротина ёна нынѣ юбога
Ночевать ʼ Ефемьяну попросилась.
„Охъ ты ой есь, Ефимьянъ князь богатой,
Да спусти-же меня ночевать-же“.
Говоритъ Ефимьянъ своимъ слугамъ:
— Охъ вы ой есь, мои слуги вѣрны,
Запустите сиротину въ особу комнату,
Постелите ему мякко мѣсто,
У насъ есь же-ле гдѣ-ле сынъ Олексѣй же,
Да и тоже хто его огрѣтъ же,
Да и тоже быватъ хто ночевать спуститъ“.
Повели сиротину во комнату,
Да на мякко его нынь на мѣсто;

Да ложитса сиротина нынѣ спать-же,
Да онно ёму нынѣ не спитсэ,
Да написалъ сиротина рукописаньё:
„Да и былъ Олексѣй да сынъ вашъ-же,
Да и былъ я въ монастырехъ причестыхъ,
Да молилса во церквахъ во соборныхъ“.
Да и тутъ сиротина приставилась,
Да и тутъ ему смерть нынь случилась.
Да на утро на ранно ставаютъ,
Да и ходятъ народъ по Риньскому царству
Да и носитъ фиміяны, всё дýхи;
Да пошли Ефимьяновы слуги,
Да пошли сиротину посмотрѣли,
Сиротина лежитъ нынь приставилась,
Во рукахъ-то держитъ рукописаньё.
Да пошли его нынь вѣрны слуги,
Ефимьяну князю нынь сказали:
„Охъ ты ой есь, Ефимьянъ князь богатой,
Сиротина лежитъ у насъ сприставилась,
Во рукахъ-то дёржитъ рукописаньё“.
Говоритъ Ефимьянъ князь богатой.
— Да потьте, несите рукописаньё.—
Да пошли его слуги нынь вѣрны,
Рукописаньё-то слугамъ не далосе,
Не могли они взеть рукописаньё,
Да пошли ёна нынь къ Ефимьяну.
„Ужъ ты ой есь Ефимьянъ князь богатой,
Рукописаньё-то намъ не далосе,
Не могли-же мы его отжати,
Да изъ правой-же изъ руки-же“.
Да пошолъ Ефимьянъ нонь самъ же,
Да пошолъ онъ во ту же во комнату,
Да въ которой сиротина приставилась,
Да берётъ Ефимьянъ рукописаньё,
Ефимьяну рукописаньё отжалосе,
Посмотрѣлъ Ефимьянъ рукописаньё,
Да и тутъ Ефимьянъ звылъ, сплакалъ,
Да не могъ на ногахъ устоети,
Да и палъ онъ же тутъ на колѣни.
„Охъ ты ой есь, мое возлюбленно цядо,
Да пошто-же ты намъ не сказалось“.
Да пришла-же его княгина,
Да идётъ его матушка родима,
Да и матушку ведутъ слуги подъ руки,
Да и всѣ они звыли шипко сплакали.
„Охъ ты ой есь, возлюбленно чадо,
Да пошто-же ты намъ не сказалось,
Да и этта-ле мы тя повалили,
Завели-бы въ свои тебя полаты,
Да съ собой-бы за столъ посадили,
Да всякими ѣствами накормили“.

2.
Егорій и Олисавья [1]).

На Рохлиньско царство Богъ прогнѣвалса,
Онъ спустилъ змѣю да лютоенницу,
Лютоенницу да едовитую;
Кабы ѣстъ змѣя да лютоенница
А на всякой день, да на всяки суточки
По главы-де ѣсъ да человѣческой,
По другой главы да лошадинноей.
А на ту пору да нынь на то время
Собиралисе да соѣжжалисе
А во то царство во Рахлиное
Кабы три царя да три царевиця;
А метали же да ёни жеребьё,
А кому-же нынь да доставалосе?
Кабы падалъ жеребій да царю итти,
Какъ тому царю да Огафону
Какъ лютому звѣрю на съѣденьичо.
Кабы тутъ Огафоній запечалился,
Повѣся держитъ да буйну голову,
Потопя очи да въ мать сыру землю;
Онъ идётъ по царству по Рохлыньскому,
Онъ идётъ къ своему широку двору,
А стрѣцятъ его да молода жона,
Говоритъ его да молода жона:
„Охъ ты ой еси, нашъ да Агафоней царь!
Ужъ ты што-же идёшь да запечалисе?
Ужъ ты што-же идёшь такъ да закручинилсе?
Повѣся доржишь да буйну голову,
Потопя ёци да въ мать сыру землю?
Жеребью-ле-те да нонь повыпало,
На дѣлу-ле-те да нынь досталосе?„
Говоритъ па то да Агафоней царь:
— Жеребью-ту мнѣ да какъ повыпало,
На дѣлу-ту мнѣ да какъ досталосе.—
Говоритъ его да молода жона:
„Не печалься-ко ты, пашъ Агафоней царь,
У насъ ёсь съ тобой да не любо цядо,
Не любо цядо, да не мило дитя.
Она не вѣруетъ да въ вѣру нашую,
Она вѣруетъ да въ вѣру пятому, (такъ!)
Кабы вѣруетъ Христу распятому.
Ты поди-ко же да въ нову горницу,
Ту буди свою да Олисáвью дочь,
Ты скажи-ко ей таково слово:
„Я просваталъ тя да Олисавья дочь,

[1]) Ксенія Архиповна Поздѣева, 62 л. Устьцыльма.

„Я за тихъ-ле русскихъ за богатырей,
Я за тихъ хрестьянъ да православныихъ“.
Онъ пошелъ какъ нынь да въ нову горницу.
Онъ будить свою сталъ Олиса́вью дочь:
„Ты ставай, Олисавья Агафоновна,
Ты ставай-ко вѣдь да поскорешинько,
Наряжайся-ко да поскорешинько,
Я просваталъ тя да Олиса́вья дочь,
Я за тихъ хресьянъ да провославныихъ,
За руськихъ славныхъ за багатырей“.
Какъ стала Олиса́вья поскоре́шинько,
Умывалася ена бѣле́шинько,
Снарежалася ена скоре́шинько,
Выходила она да вонъ на улицу,
Вонъ на улицу, на круто крыльцё;
Тутъ стоитъ каретка зла-печальняя,
Тутъ сидитъ слуга да зла-невѣрная,
Говоритъ слуга да зла-невѣрная:
„Ты садись, Олиса́вья да Агафоновна,
Я повезу тебя да ко синю морю,
Ко синю морю да на жолты пески,
А лютому змѣю да на съѣденьичо“.
Кабы тутъ Олиса́вья звыла-сплакала,
Говоритъ она да таково слово:
—Жеребью винно мнѣ-ка повыпало,
На дѣлу винно мнѣ-ка досталося.—
А садилась она да во коретоцьку,
А во ту коретку злу-печальнюю,
А повзёъ слуга да зла-невѣрная,
Онъ повёзъ-же ей да ко синю морю,
Ко синю морю да на жолты пески,
На жолты пески да на Макарьевски.
Вотъ прiѣхали да ко синю морю,
Ко синю морю да на жолты пески,
Выходила Олиса́вья изъ коретоцьки,
А садилась она да на жолты пески.
А сидитъ Олисавья на жолтомъ песку
А пришолъ Егорей-светы-храбрыи.
„Охъ ты ой, Олисавья Огафоновна,
Ты примай меня во товарыщи“.
Говоритъ Олисавья Огафоновна:
—Я онна свезёна ко синю морю,
Ко синю морю змѣю на съѣденьичо.—
Говоритъ Егорей таково слово:
„А обѣхъ, быватъ, насъ да Богъ спасётъ“.
Тутъ примала Олисавья его во товарыщи,
Онъ лажился ей нонь на колѣни.
„Ты ищы у меня да въ буйной головы,
Какъ роскольıблитце море Вохлынское,
Выходитъ станетъ змѣя лютоенница,

Ты буди меня отъ крѣпкого сну,
Ты буди меня да добужайся-ко".
Какъ сидитъ Олисавья Огафоновна,
А глядитъ она да на синё морё,
Какъ скоро морё сколыбалосе
А морска волна до расходиласе,
Какъ выходитъ змѣя да лютоенница,
Говоритъ змѣя да таково слово:
„'пѣ ужъ будётъ нонь да какъ наисьтисе
'нѣ ужъ будётъ да какъ нажратисе,
Кабы двѣ головы да человѣчески,
А третья голова да лошадинная".
Былижешенько змѣя подвигается.
Она стала будить его отъ крѣпкого сну,
А не можетъ она да добудитисе,
Онъ и плотно спитъ да не пробудитсе,
Она стала же слезно плакати,
А уканула да горяча слеза,
На его-то же на бѣло личе,
Онъ скорешенько да пробудилса-же,
Говоритъ Егорей таково слово:
„Охъ ты ой еси, Олисавья Огафоновна,
Ты ужъ чимъ меня ужгла, ужáрила?"
—Я не цимъ тебя не ужгла ищэ,
Я не цимъ тебя да не ужáрила,
Не могла тебя да добудитисе,
Я ужъ стала-же да слёзно плакати,
А упала моя да горяця слеза,
На твое какъ да бѣло лицё.—
Говоритъ Егорей таково слово:
„Охъ ты ой еси, Олисавья Огафоновна,
Ты ужъ дай же мнѣ да свой шолковъ поесъ
Я свежу змѣю да на шолковъ поесъ".
Отдавала она ему свой шолковъ поесъ,
Онъ везалъ змѣю да на шелковъ поесъ,
Онъ давалъ Олисавьѣ Огофоновой,
Говоритъ же онъ ей таково слово:
„Охъ ты ой есь, Олисавья Огафоновна,
Поведи змѣю да лютоенницу,
А во то во царсво во Рохлиньское".
Кабы сталъ Егорей тутъ наказывать,
Какъ сталъ Олисавьѣ наговаривать:
„Приведешь во царьсво во Рахлинское,
Приведи къ царю да къ Огофонію.
Говори ты царю да Огафонію:
„Охъ ты ой еси да Огафоній царь,
Ты поставь три церкви, три соборныи,
А перву черковь Егорью Храброму,
А другу черковь Миколы Светителю
А третью черковь Матерь-Богородици;

Окрести-ко міръ, всѣхъ православныихъ;
Не поставишь три церкви, три соборныи,
Не окрестишь ты міръ, да православныихъ,
Я отпущу змѣю во царсво со поеса,
Васъ ужъ всѣхъ пріѣсъ да до единого
Не оставитъ въ царсви ни единого".
А пошла Олисавья Огафоновна,
Повела змѣю да лютоенницу,
А ведетъ змѣю она на поеси,
Какъ коровушку будто доёную.
А идётъ во царсво во Рахлиньское,
А ведётъ-ли да лютоенницу.
Какъ увидѣла Огафонова молода жона,
А изъ той изъ грини кнеженевскоей,
Изъ того окошечка косявчета,
Говоритъ Огафонова молода жона:
„Ужъ ты ой еси, да Огафоней царь,
Не любо цядо, его змѣй не ѣсъ,
Его змѣй не ѣсъ, да какъ не кушаётъ,
Ужъ ты ой еси, Огафоній царь,
Олисавья идётъ, она змѣю ведётъ".
Говоритъ на то Огафоній царь:
— Ёшъ ты глупа баба, неразумная,
У тя волосъ долгъ, умъ коротокъ-же,
А кака нонь есь да Олисавья жива,
Ковды свезёна змѣю на съѣденьицо,
А Печёрскому на прожораньицо,
Кабы много возили, да не ворочались.—
Говоритъ его ищэ молода жона:
„А не вѣришь мнѣ дакъ поди самъ смотри".
Онъ идётъ къ окошоцьку косявчату,
Поглидѣлъ въ околенку хрустальную,
Какъ идётъ его да Олисавья доць,
А ведётъ змѣю да лютоенницу,
Какъ коровушку ведётъ она смиренную,
А смирёную она да подаеную.
А выходятъ они да на круто крыльцо
А встрѣцеютъ скоренько Олисавью доць,
Говоритъ ему да Олисавья доць:
„Охъ ты ой еси, да Агафоней царь,
Ты поставь три церкви, три соборныи
Окрести-ко всѣхъ міръ православныихъ,
А перву церковь Егорью Храброму,
А другу церковь Миколы Святителю,
А третью церковь Матерь Богородици;
Не поставишь три церкви, три соборныи,
Не окрестишь ты міръ да православныихъ,
Я спущу змѣю да нынь со пояса,
Васъ ужъ всѣхъ пріѣсъ да до единого,
Не оставитъ во царсвѣ ни единого".

Какъ на то Агафоней соглашается,
Онъ скорешинько да наряжаитцэ,
Собирать народъ всѣхъ православныихъ,
Кабы ставить церкви нынь соборныи.
И поставили да нынь скорешинько
Какъ три церкви вси, да три соборныи,
А крестили всѣхъ міръ православныихъ.
Спускала змѣю она со пояса
А стегнула змѣю она да поясомъ
А розсыпалась змѣя жолтымъ пескомъ,
А жолтымъ пескомъ да всё Макарьевскимъ.

3.

Егорій и Александра [1]).

А Содомъ-де Гоморъ да сквозь землю просѣлъ,
На Рохлинско царсво Богъ прогнѣвался,
Онъ спустилъ-де змѣю да лютоенницу.
Собиралисе тутъ да сокоплелисе,
Кабы сорокъ царей да сорокъ королей,
А метали они жеребьи таволженыя,
А кому какъ итти да ко синю морю,
Ко синю-де морю да ко лютой змѣи,
Ко лютой-де змѣи да на съѣденьицо,
На съѣденьице итти да на прожороньице.
Доставалося тутъ да самому царю,
Самому-де царю да какъ епископу;
Какъ пошолъ-де епископъ запечалился,
Запечалился пошолъ, да закручинился.
Повѣся онъ доржитъ да буйну голову,
Потупя свои доржитъ да оци глупыя,
Онъ во матушку дёржитъ до во сыру землю.
А завидѣла его да молода жона,
Молодая жона, его люба семья.
„Уже што-же Огафей такъ запечалился
Уже што-же Олексондравичъ закручинился?
Повѣся свою доржишь да буйну голову,
Потопя ты доржишь да оци глупыя,
Ты во мать дёржишь, да во сыру землю?
У насъ есь вѣдь съ тобой кѣмъ замѣнитисе,
У насъ есь вѣдь Олександра Огафьевна,
Не любо она дитя намъ, не мило цядо,
Она не нашу какъ вѣру съ тобой вѣруётъ“.
Кабы тутъ Огафей нынь розвеселой сталъ,
Онъ пошелъ къ Олександры Огафьевной.

---

[1]) Екатерина Өедоровна Торопова, 81 года, с. Устьцыльма. Маленькое сморщеное созданье, ходитъ по домамъ Устьцыльмы и собираетъ милостыню. Взялась спѣть мнѣ „Голубинную книгу“ (см. „Печорск. Былины“ стр. 235). Память еще очень хорошо сохранилась. Пьетъ водку и еще припрашиваетъ. Жизнь ея была очень неудачна: вышла замужъ 16-ти лѣтъ, за 45 лѣтняго; отдали силой; всю жизнь тяготилась мужемъ, но пришлось прожить съ нимъ 53 года! Мужъ ея умеръ 90 слишкомъ лѣтъ.

А жила Олександра въ особой хижинѣ,
Приходилъ Огафей Олександровичъ:
„Ты ставай Олександра по утру ранёшинько,
Умывайся Олександра ты бѣлёшинько,
А срежайся Олександра хорошешинько,
Я за руського просваталъ тебя за крещеного“
Кабы тутъ Олександра взрадовалася,
А вставала по утру она ранёшинько,
Умывалась Олександра-та бѣлёшинько,
А срежалась Олександра хорошешинько,
Она сѣла ко окошечьку косявчату;
Тутъ прiѣждялъ дѣтунушко молоденькой,
Онъ на томъ ли жеребчикѣ учёноёмъ,
На телегѣ прiѣхалъ красно-сѣрчатой,
Заходилъ онъ 'Олександры Огафеевной.
„А поѣдемъ Олександра Огафьевна ко синю морю,
Ко синю морю съ тобой, да ко лютой змѣи,
Ко лютой змѣи поѣдёмъ на съѣденьицо,
На съѣденьицо поѣдёмъ на прожороньицо“.
Тутъ и слёзно Олександра какъ расплакалась,
Помолилась она Спасу Содоржителю,
А затимъ-де Миколы-де Светителю,
А светому Егорью, свѣту-храброму.
Онъ привёзъ Олександру ко синю морю,
Ко синю морю, да ко лютой змѣи,
Ко лютой онъ змѣи да на съѣденьицо,
На съѣденьицо ей, на прожороньицо,
Онъ оставилъ Олександру край синя моря.
Она сидѣла тутъ изъ утра день,
Она изъ утра сидѣла до вечера,
А сидѣла она, слёзно плакала.
А завидѣла Олександра Огафеевна
Кабы ѣдетъ Егорiй светы-храбрыя,
А на томъ на своёмъ да кони бѣлоёмъ.
Онъ прiѣхалъ къ Олександры Огафьевной,
Онъ соскакивалъ Егорей со добра коня,
А садился Егорей да съ ею вѣдь въ рядъ,
А сказалъ Олександры Огафеевной:
„Я вѣдь ѣхалъ суда да ровно триста вёрстъ,
А топере, Олександра, кабы спать хоцю;
Кабы солнчо-то станётъ закататисе,
Кабы синё-то море колыбатисе,
А люта станетъ змѣя приближатисе,
Ты топере, Олександра, разбуди меня“.
Кабы день-отъ прошелъ да до вечера,
Красно солнчо стало закататисе,
Синё морё-ле стало колыбатисе,
А лютая змѣя стала приближатисе,
Кабы будитъ Олександра Егорья Храброго,
А Егорей спитъ, будто порокъ шумитъ,

Она будила Егорья, крѣпко кликала.
Говоритъ-то змѣя да руськимъ языкомъ:
„Я давно какъ змѣя да голодна была,
А топериця змѣя ныньце сыта буду:
Кабы двѣ головы да человѣчески,
Кабы третья глава да лошадинная“.
А всё тутъ Егорей не пробужаитце,
Кабы слёзно Олександра тутъ расплакалась;
Кабы пала ей слева ему да на лицо,
А топере какъ Егорей пробудился тутъ,
Оградилъ онъ люту змѣю светымъ крестомъ,
Онъ ударилъ змѣю, да онъ вострымъ копьёмъ:
„Ужъ ты ой есь, люта змѣя троеглавная,
Ужъ ты быть какъ, змѣя, да кротка-смирная!
Ты возьми Олександра какъ люту змѣю,
А вяжи ты люту змѣю на свой поесъ,
Ты веди ей во царсьво во Рахлинское“.
Олександра повела змѣю во царсво во Рахлинское.
Какъ завидѣли во царсвѣ во Рахлинскоёмъ,
А ведётъ Олександра змѣю лютую,
А светой-отъ Егорей, онъ взади ѣдётъ.
Какъ завидѣли во царсвѣ во Рахлинскоёмъ,
Разбѣжались по сараямъ, всё по дымникамъ,
Осталы бросились во темны лѣса.
Говоритъ тутъ Егорей светы-храбрыя:
„Ужъ вы станите-ли вѣру ныньце вѣровать
Самому-бы Христу, Богу роспятому,
Я люту змѣю поперёкъ копьёмъ сколю;
Вы не станите вѣру царю вѣровать,
Я лютую змѣю да спущу на васъ,
Кабы весь тутъ народъ змѣя зглотатъ, прiѣсъ,
А зажаритъ тутъ жаломъ всѣхъ змѣинныимъ.“
Кабы вси вѣдь тутъ да согласилисе,
Кабы вѣровать въ Царя-Бога роспятаго.
А Егорей свѣты Храбрыя копьемъ скололь,
Онъ копьемъ скололь тогда змѣю да лютоенницу.

4.

Мученія Егорія [1]).

Кабы былъ Егорей тамъ храбрыи,
Онъ спасалъ людей Егорей людей вножество,
Какъ было тамъ царищо Имбалищо,
На Егорья какъ царищо осержаитца,
Онъ заставилъ какъ Егорья во пилы пилить,
Онъ заставилъ какъ Егорья въ топоры рубить,
Не добре Егорья какъ пила берётъ,
О свята Егорья пила сыплетсе,
О свята Егорья топоры тупятся.

---

[1]) Игнатiй Михаиловичъ Дуркинъ, с. Устьцыльма. Характеристику см. въ „Печер. Былин.“ стр. 221.

Онъ заставилъ Егорья на огни жогчи,
Отъ Егорья огонь кабы вѣдь тухнетъ тамъ,
Какъ не цемъ не могутъ повредить его.
Онъ заставилъ Егорья на воду свести,
Привязать его ко камню великому,
Повели Егорья ко быстрой рѣки,
Привязали его какъ къ камню великому,
Какъ спустили Егорья на быстру рѣку,
Какъ на томъ на камни на великоёмъ.
Какъ светый Егорій по воды пловётъ,
На камню пловётъ, онъ стихи поётъ,
Онъ стихи поётъ, какъ по-архангельски
Онъ гласы возноситъ, какъ по-ангельски;
Не могли Егорья они кончити,
Заступилъ Господь за его, Владыко царь.

5.

Мученія Егорія [1]).

...А светый-де Егорей светы-храбрыя,
Онъ светы-де Егорей по воды плывётъ,
По воды-де плывётъ, да на камню стоитъ,
На камню-де стоитъ, противъ воды плывётъ,
Онъ стихи-де поётъ да херувимскія,
А гласы-де выводитъ по-архангельски.
Светы-де Егорья во пилы пилятъ,
Отъ света-де Егорья пилы сыплютця,
А светы-де Егорій, светы храбрыя,
Онъ стоитъ-де Егорій, цуть не трехнетця,
Только стихи онъ поетъ да херувимскія,
А гласы-де выводитъ по-архангельски.
А светого Егорья во котли варятъ,
Онъ въ котли-де кипитъ, а самъ стихи поётъ,
Онъ стихи-де поётъ да Херувимскія,
А гласы-де выводитъ по-Архангельски.
А мучители, гонители дивуются,
Нарѣжаютъ они-де какъ гонителя.
„Ты худо-де варишь, да огнёмъ палишь".
Онъ во тотъ во большой огонь руку сунулъ,
Онъ свою руку сунулъ — рука отпала тутъ.
Кабы взялъ тутъ Егорій светы храбрыя
Приложилъ ему назадъ руку,
Онъ какъ дунулъ Егорій святымъ духомъ,
А опеть его рука стала по-старому,
Онъ топере змолился Егорью храброму.
А не стали больше Егорья мучить мучители,
А не стали больше Егорья гонить гонители.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Екат. Өедор. Торопова.

ОТДѢЛЪ III.

Библіографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей этнографическаго характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старины“ (И. Р. Геогр. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензіи“), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензіи.

Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Т. XXII, вып. 4. Казань. 1906.

Въ отдѣлѣ „этнографическихъ матеріаловъ“ четвертаго выпуска „Извѣстій“ за минувшій годъ помѣщено продолженіе статьи свящ. *I. Васильева*: „Обозрѣніе языческихъ обрядовъ, суевѣрій и вѣрованій вотяковъ казанской и вятской губерній“, о началѣ которой нами былъ данъ отзывъ въ IV выпускѣ „Жив. Старины“ 1906 г. Въ новыхъ четырехъ главахъ (12—15) авторъ даетъ обстоятельныя свѣдѣнія о моленіяхъ посемейныхъ (постоянныхъ, непостоянныхъ и случайныхъ) и брачныхъ. Въ послѣдней главѣ о. Васильевъ, между прочимъ, говоритъ, что „вотяки избѣгаютъ всячески бездѣтства, посему стараются преимущественно брать снохъ изъ беременныхъ дѣвушекъ, что служитъ доказательствомъ способности къ чадородію“ (стр. 267). Этимъ онъ подтверждаетъ сдѣланное и другими изслѣдователями вотяцкаго быта наблюденіе о полной свободѣ добрачныхъ отношеній для вотяцкихъ дѣвушекъ. Напрасно только авторъ смотритъ на этотъ пережитокъ коммунальнаго брака съ точки зрѣнія „отступленія отъ чистоты нравственности христіанской“ и называетъ добрачное поведеніе дѣвушекъ „блудною жизнью“, съ представленіемъ о которой вовсе не вяжется констатированный тѣми же изслѣдователями фактъ, что вотячки, по выходѣ замужъ, отличаются вѣрностью своимъ мужьямъ (см. Энциклоп. Слов. Брокгауза, т. VII, ст. П. Матвѣева: „Вотяки“, стр. 327).

Въ томъ же выпускѣ (стр. 249 — 252) находимъ сдѣланное г. *Н. Н. Пантусовымъ* описаніе древней и притомъ единственной

національной киргизской игры подъ названіемъ „тогузъ кумалакъ“, что, по объясненію *Н. Ѳ. Катанова*, значитъ „9 шариковъ бараньяго или овечьяго кала, употребляемыхъ для игры или гаданія“. Къ описанію приложены два рисунка, изображающіе одно изъ „орудій игры“: четырехъ-угольную доску съ 18 продолговатыми и двумя круглыми лунками („казанами“).

Въ приложеніи продолжается печатаніемъ указатель къ „Извѣстіямъ“ за 1878—1905 гг. (томы I—XXI), составленный, какъ сказано на обложкѣ, дѣйств. членомъ Общества *И. В. Альфонсовымъ*, а на самомъ дѣлѣ представляющій собою сплошную перепечатку обложекъ „Извѣстій“ за указанные годы, съ порядковой нумераціей статей, безъ какой бы то ни было систематизаціи библіографическаго матеріала, что является, по нашему мнѣнію, существеннымъ недостаткомъ этого указателя.

Эд. Пекарскій.

Труды Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Пріамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Т. VII. Вып. 3, 1904. Спб. 1905. Стр. 224.

Почти три пятыхъ третьяго выпуска „Трудовъ“ занимаетъ антрополого-этнологическій очеркъ *Ю. Д. Талько-Грынцевича:* „Къ антропологіи тунгусовъ. Иройскіе хамнеганы“. Труду своему авторъ предпосылаетъ краткія этнографическія свѣдѣнія (гл. I), собранныя имъ среди иройскихъ тунгусовъ, „обыкновенно называемыхъ „хамнеганами“ (чертовыми людьми), живущихъ въ сѣверо-восточной части Монголіи по р. Иро. Въ „антропологическомъ очеркѣ“ (гл. II) авторъ приходитъ къ заключенію, что „до настоящаго времени антропологія не изучила и не знаетъ какихъ бы то ни было общихъ признаковъ, характеризующихъ тунгусское племя... Также остается открытымъ и ожидаетъ окончательнаго разрѣшенія вопросъ о томъ, составляютъ ли тунгусы отдѣльную расу или принадлежатъ къ монгольской“. Полагая, что изученію средняго типа тунгуса и особенностей этого типа можетъ помочь „лишь болѣе подробное антропологическое изслѣдованіе отдѣльныхъ группъ“, авторъ и предпринялъ свои „антропологическія изслѣдованія“ иройскихъ хамнеганъ (гл. III), распадающіяся на двѣ части: описательную (стр. 92—110) и антропометрическое изслѣдованіе (стр. 110—193). Собранныя авторомъ данныя позволяютъ ему не только установить несомнѣнную принадлежность (по происхожденію) иройскихъ хамнеганъ къ общему тунгусскому племени, распространенному отъ Енисея до Восточнаго океана, но и нарисовать общую характеристику изслѣдованныхъ тунгусовъ, отличающую ихъ отъ ближайшихъ сосѣдей (разныхъ группъ тунгусовъ, халхасцевъ, бурятъ, сѣверныхъ китайцевъ и якутовъ). Въ концѣ приложенъ подробный перечень источниковъ, которыми пользовался авторъ при составленіи своего обстоятельнаго очерка.

Отмѣтимъ небольшую, но не лишенную этнографическаго интереса статью г-жи *А. Д. Корнаковой:* „Поѣздка къ хубилгану-бакши (перерожденецъ, святой учитель) Долцунъ-Гыгэну“ (стр. 57—65), въ которой подробно описана церемонія совершеннаго ламайскимъ жрецомъ молебствія. Чтеніе статьи нѣсколько затрудняется встрѣ-

чающимися въ текстѣ монгольскими словами (ходакъ, уртонъ, гыгэнъ, очиръ и пр.), оставленными авторомъ почему-то безъ всякаго объясненія.

Э. П.

Труды Полтавской ученой архивной Комиссіи. Издано подъ редакц. дѣйствительн. членовъ Комиссіи: И. Фр. Павловскаго, А. Ф. Мальцева, Л. В. Падалки и В. А. Пархоменка. В. III. Полтава. 1907. 278 стр.

Раскольничій „патріархъ" въ Полтавѣ. *Еп. Θеодосія.* Рѣчь идетъ о главарѣ Θедосѣевщины С. К. Ковылинѣ; описываются послѣдніе дни его жизни въ Полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, съ 29 янв. 1854 г. по день смерти—13 іюля 1859 г. *Θ. Николайчика.* Ильинская ярмарка въ періодъ ея существованія въ г. Ромнахъ. Обширный статистическій очеркъ съ мелкими этнографическими подробностями. „По поводу двухъ документовъ конца XVIII и начала XIX в. о вознагражденіи духовенства за требоисправленія". *А. Ф. Мальцева.* Два любопытныхъ рукописныхъ условія прихожанъ с. Нехаевки Пирятинск. у. (1782 г. и 1814 г.) относительно платы духовенству за требоисправленіе. Особенно интересенъ первый документъ, какъ указывающій на существовавшее въ то время право выбора священника прихожанами. „Полтавская гимназія съ 1808 по 1831 годъ". *В. Л. Василевскаго.* „Гдѣ похоронены шведскіе воины послѣ битвы 27 іюня 1709 года". *А. Липеровскаго.*

Н. В—въ.

Записки Красноярскаго Подотдѣла Восточно-Сибирскаго Отдѣла Импер. Русскаго Географ. Общества. Томъ I, вып. 2. Томскъ, 1906 г.

Въ этомъ томѣ: „Русскія и инородческія сказки" (и преданія) Енисейской и Томской губерній, собранныя сотрудниками Подотдѣла. Редактированы *Г. Н. Потанинымъ*, снабдившимъ эти образцы народной словесности обстоятельными „примѣчаніями", которыя придаютъ имъ вполнѣ законченную цѣльность.

Это уже второй выпускъ издательства Красноярскаго Подотдѣла. Первый вышелъ въ свѣтъ четыре года тому назадъ (въ 1902 г.) и заключалъ въ себѣ, кромѣ народныхъ пѣсенъ и т. п., до 64 сказокъ русскаго населенія указанныхъ выше губерній.

Во второмъ выпускѣ 1906 года содержится: русскихъ сказокъ 41, инородческихъ 10 (въ рус. переводѣ) и 6 преданій, изъ нихъ 5 записаны самимъ Г. Н. Потанинымъ. Среди сказокъ первой категоріи только 2—3 сходныхъ по сюжетамъ съ сказками перваго выпуска. Сказки инородцевъ выгодно отличаются отъ русскихъ новизной и разнообразіемъ своихъ сюжетовъ, разносторонностью бытовой и обрядовой обстановки и изложены въ эпическомъ стилѣ.

Привѣтствуя эту книгу, какъ новый вкладъ по изученію сибирскаго фольклора, закончимъ свое указаніе пожеланіемъ: 1) чтобы Красноярскій Подотдѣлъ изыскалъ способы удешевить свои изданія и сдѣлать ихъ болѣе доступными для большаго круга читателей и 2) чтобы свои выпуски по этнографіи онъ разнообразилъ обрабо-

танными статьями, или хотя бы сырыми матеріалами также по обычаямъ, обрядамъ, вѣрованіямъ, языку и т. п. какъ русско-сибирскаго коренного населенія, такъ и туземныхъ племенъ. При богатствѣ подобнаго рода совершенно неиспользованныхъ матеріаловъ это весьма легко выполнить.

А. Макаренко.

Віноградъ россійскій или описаніе пострадавшихъ въ Россіи за древлецерковное благочестіе, написанный Сvмеономъ Діонvсіевичемъ (княземъ Мышецкимъ). Безплатное приложеніе къ журналу „Старообрядецъ“ за 1906 г. Москва. 1906 г.

Подъ такимъ длиннымъ заглавіемъ редакціею издающагося въ Нижнемъ-Новгородѣ „Старообрядца“ напечатано знаменитое въ старообрядчествѣ твореніе Семена Денисова „Виноградъ Россійскій“, онъ же по нѣкоторымъ рукописямъ „Вертоградъ Духовный“. Чрезвычайно цѣнимая на русскомъ сѣверѣ, среди безпоповцевъ, и извѣстная во многихъ спискахъ, главнымъ образомъ въ извлеченіяхъ, рукопись до сихъ поръ не была издана; мы знаемъ, что ее подготовлялъ къ печати одинъ очень интересующійся расколомъ ученый, но старообрядцы предупредили. Издатель „Старообрядца“ австріецъ-„окружникъ“, чтобы сдѣлать свой журналъ читаемымъ и въ средѣ безпоповцевъ пустилъ „Виноградъ Россійскій“ къ своему журналу въ видѣ безплатной преміи... Но книга напечатана въ количествѣ гораздо большемъ, чѣмъ издается журналъ и поступитъ въ продажу отдѣльно.

Представляя огромную цѣнность для безпоповцевъ, „Виноградъ Россійскій“ изданія „Старообрядца“, до изданія его вполнѣ научно, будетъ очень полезенъ и для занимающихся расколомъ, и вообще исторіей литературы. Издатели не указываютъ точно — какая рукопись „Винограда“ ими напечатана, не описываютъ ее, но вскользь говорятъ только, что издаваемую рукопись они „сочли нужнымъ свѣрить съ рукописью Хлудовской библіотеки (за № 269)“, а варіанты оговорить въ особыхъ примѣчаніяхъ. Весь текстъ „Винограда“ напечатанъ по церковно-славянски. Тексту предшествуетъ „Предисловіе“ г. *Вл. М—ова* отчасти историческаго, а больше публицистическо-полемическаго содержанія, объясняющее большому читателю, что за произведеніе „Виноградъ“, кто его написалъ и пр. Талантливое изложеніе, яркій языкъ и убѣжденность тона автора предисловія не мѣшаетъ ему дѣлать недосмотры: знаменитый Даниловъ монастырь авторъ помѣстилъ „близъ Повѣнца, на Выгъ-озерѣ“. (Стр. V). Между тѣмъ монастырь этотъ находится на Выгъ-рѣкѣ, что совершенно не одно и то же.

Н. Ончуковъ.

С. Паткановъ. Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири на основаніи данныхъ переписи населенія 1897 г. и другихъ источниковъ (съ приложеніемъ трехъ племенныхъ картъ). Часть II. Прочія тунгусскія племена. Спб. 1906. Стр. 206.

О первой части труда г. *Патканова,* посвященной географическому распространенію, численности, родамъ, религіи, языку и т. д. тунгусовъ собственно, нами былъ данъ отзывъ въ III выпускѣ „Жив.

Стар.“ 1906 г. Вторая часть составлена по тому же плану и даетъ такой же очеркъ прочихъ тунгусскихъ племенъ, родиной коихъ является юго-восточная окраина Сибири; таковы: манчжуры, дауры, солоны, гольды, орочи, ольчи (мангуны), ороки, негидальцы, самагиры, манегры и не обнаруженные ни переписью 1897 г., ни новѣйшими изслѣдованіями В. Сибири бирары и кили, о которыхъ упоминаетъ Шренкъ въ своемъ сочиненіи: „Объ инородцахъ Амурскаго края“ (Спб. 1883).

Къ книгѣ приложены три карты разселенія тунгусовъ по территоріи Сибири, съ подробными объясненіями. Въ объясненіи къ картѣ разселенія по Сибири тунгусскихъ племенъ вообще, авторъ, между прочимъ, говоритъ, что, при проведеніи границъ между якутами и тунгусами по Якутскому округу, ему „оказала большія услуги офиціальная карта улусовъ и наслеговъ, приложенная къ труду г. *Сѣрошевскаго* („Якуты“)“. Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ Якутскимъ округомъ, съ распредѣленіемъ въ округѣ улусовъ и наслеговъ, тотъ, конечно, не затруднится признать эту „офиціальную карту“ ниже всякой критики. Она не можетъ служить не только надежнымъ руководителемъ при проведеніи границъ между якутами и тунгусами, но не даетъ хотя бы приблизительно вѣрныхъ свѣдѣній о границахъ между якутскими улусами и наслегами. Приведу одинъ изъ многихъ примѣровъ. По картѣ, 1-ый Игидейскій наслегъ, Ботурусскаго улуса, граничитъ на сѣверѣ со 2-ымъ Игидейскимъ наслегомъ, Баягантскаго улуса, на западѣ—1-ымъ Игидейскимъ того же улуса и на югѣ—2-ымъ Игидейскимъ Ботурусскаго. Въ дѣйствительности районы 1-го и 2-го Игидейскихъ наслеговъ Ботурусскаго улуса не разграничены; земли того и другого расположены черезполосно и на довольно значительномъ разстояніи другъ отъ друга и ограничены 1-ымъ и 2-ымъ Игидейскими наслегами Баягантайскаго, тремя (1-ымъ, 2-ымъ и 4-ымъ) Жехсогонскими и, наконецъ, Жулейскимъ—Ботурусскаго улуса. Разъ допущенная ошибка вноситъ затѣмъ такую путаницу въ опредѣленіе границъ смежныхъ наслеговъ, которая лишаетъ возможности пользоваться офиціальною картою даже для офиціальныхъ надобностей. Мнѣ достовѣрно извѣстно, что когда въ 1902 году амгинскіе наслеги подняли вопросъ о раздѣленіи Ботурусскаго улуса, къ которому они принадлежатъ, на два, то тогдашній якутскій исправникъ, для нагляднаго представленія Областному Правленію расположенія наслеговъ въ этомъ улусѣ, предпочелъ воспользоваться схематическою картою, составленною ad hoc письмоводителемъ Ботурусской Инородной Управы, отказавшись отъ попытки примирить съ дѣйствительностью приложенную къ книгѣ *Сѣрошевскаго* карту путемъ внесенія поправокъ, безъ которыхъ она не имѣетъ ровно никакой цѣны.

Эд. Пекарскій.

Трощанскій, В. Ф. Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ. Съ 10 фигурами и 4 приложеніями. Посмертное изданіе, редактированное *Э. К. Пекарскимъ*, дополненное примѣчаніями Э. К. Пекарскаго и Н. Ѳ. Катанова и снабженное приложеніями Э. К. Пекарскаго, А. А. Наумова и В. В. Попова. (Отдѣльный оттискъ

изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Казанскаго Университета“).

Въ этомъ сочиненіи покойнаго изслѣдователя якутской жизни В. Ф. Трощанскаго стройно, послѣдовательно и весьма обстоятельно изложена эволюція шаманства у якутовъ. Нѣкоторые изслѣдователи этого рода приступаютъ къ дѣлу съ заранѣе составленной схемой и подбираютъ только тѣ факты, которые подтверждаютъ высказанную теорію, но игнорируютъ все то, что такъ или иначе не соотвѣтствуетъ намѣченной цѣли. Не то мы видимъ въ настоящемъ трудѣ. Хотя авторъ изложилъ свое изслѣдованіе, строго и послѣдовательно придерживаясь заранѣе принятой утилитарной теоріи Эволюціи черной вѣры (шаманства) у якутовъ, но имъ вполнѣ добросовѣстно и съ полнымъ знаніемъ изложены и освѣщены религіозные взгляды и ихъ послѣдовательное развитіе у якутовъ. Читатель можетъ не соглашаться съ тѣми или иными выводами автора, но, изучая богатый и весьма цѣнный въ научномъ отношеніи матеріалъ, имѣетъ возможность придти къ тому или другому заключенію вполнѣ самостоятельно. А что факты собраны обстоятельно и изложены не ошибочно, тому порукой можетъ служить то обстоятельство, что трудъ г. Трощанскаго изданъ подъ редакціей и съ поправками и дополненіями такого глубокаго знатока якутской жизни, какимъ является Э. К. Пекарскій. Сочиненіе написано живо, но, очевидно, не предназначено для широкой публики, такъ какъ помѣщено въ „Ученыхъ Запискахъ Императорскаго Казанскаго Университета“, а незначительное количество оттисковъ, конечно, не могло проникнуть въ широкую публику, о чемъ нельзя не пожалѣть, ибо этотъ трудъ очень интересный и вполнѣ доступный не однимъ только спеціалистамъ, но и вообще образованному человѣку, интересующемуся жизнью разнообразныхъ народовъ нашего обширнаго отечества.

А. Сержпутовскій.

Гнатюкъ, В. Коломийки, т. II (Етногр. збір., т. XVIII). У Львові, 1906 г.

Короткія малорусскія пѣсни давно привлекаютъ вниманіе этнографовъ. Уже въ сборникахъ, вышедшихъ до 60-хъ годовъ, находимъ значительныя собранія ихъ; тѣмъ не менѣе „Коломийки“ В. Гнатюка являются новостью, вполнѣ интересною и, главнымъ образомъ, по обилію матеріаловъ, касающихся интереснѣйшаго изъ видовъ современнаго народнаго малороссійскаго пѣснотворчества. Въ двухъ томахъ разсматриваемаго сборника находятся 5792 коломийки. Впрочемъ не всѣ эти пѣсенки впервые появляются въ печати: многія изъ нихъ заимствованы изъ 1) „P. pal.: ruskie ludu galic. Wacław z Oleska 2) Żegota Pauli—P. ludu rus. w Galicyi, 3) Як. Головацкій. Нар. п. Галицкой и Угорской Руси. Но главная масса ихъ напечатана по рукописямъ, доставленнымъ собирателю 75-ю лицами. Такимъ образомъ матеріалы В. Гнатюка взяты изъ разныхъ источниковъ и касаются многихъ мѣстностей—по крайней мѣрѣ двухсотъ съ лишнимъ селеній, раскинутыхъ по 49 уѣздамъ Галиціи. Буковины и Угорщины. Подъ каждой пѣсенкой собиратель отмѣчаетъ

названіе мѣста, гдѣ она поется, или источникъ, откуда перепечатана.

Для изслѣдователя народной поэзіи весьма цѣнною чертою разсматриваемаго труда В. Гнатюка является то, что при многихъ коломийкахъ указаны варіанты, къ сожалѣнію только не исчерпывающіе всѣхъ, имѣющихся въ печати. Вообще можно сказать, что сборникъ В. Гнатюка интересенъ болѣе для историковъ литературы, чѣмъ для этнографовъ и широкихъ круговъ общества, для которыхъ предназначается самимъ собирателемъ. Нельзя сказать, чтобы и историку литературы всѣ матеріалы сборниковъ В. Гнатюка были понятны: читатель „Коломиекъ" В. Гнатюка видитъ предъ собою только пѣсни, не зная другихъ ея элементовъ.

Если же мы вспомнимъ, какое громадное значеніе для историко-литературныхъ изслѣдованій имѣетъ напѣвъ пѣсенъ, пляска, исполняемая подъ нихъ и т. под., что увидимъ, въ какомъ затрудненіи можетъ оказаться изслѣдователь, пользующійся сборникомъ Гнатюка.

Нельзя не упомянуть интереснаго предисловія (Передне слово) собирателя, пытающагося провести разницу между отдѣльными видами короткихъ малорусскихъ пѣсенъ (краковяками, козачками и пр.) и затрагивающаго вопросъ о происхожденіи коломиекъ и ихъ названій.

А. Зачиняевъ.

И. Свєнціцкий. Опись рукописів Народного Дому. З колєкціи Ант. Петрушевича. Частина I. У Львові 1906, 8⁰, XIV, 242 (Рукописи Львівських збірокъ, вип. I).

Эта книга представляетъ первый выпускъ новой серіи „Українсько-руського архива", издаваемаго „Науковымъ Товариствомъ имени Шевченка" во Львовѣ и посвящена описанію рукописей извѣстнаго галицко-русскаго ученаго и общественнаго дѣятеля А. С. Петрушкевича, пожертвовавшаго ихъ въ библіотеку Народного Дома. Въ настоящей первой части своего „Описанія" г. Свѣнцицкій сообщаетъ свѣдѣнія о древнецерковнославянскихъ рукописяхъ духовнаго и свѣтскаго содержанія. Изъ нихъ 4 относятся къ XV в., 24—къ XVI, одна—къ 1577 г., 7—къ XVII в., одна—къ 1614 г., одна—къ 1618 г., 6—къ XVIII и одна—къ 1725 г. Изъ датированныхъ рукописей всѣ, а не изъ датированныхъ большая часть была написана или переписана въ Галиціи, часть перешла изъ Румыніи. Многія изъ этихъ рукописей содержатъ богатый повѣствовательный матерьялъ; достаточно указать на рукопись № 7, содержащую повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ (XIV—XV в.), и на рукописи № 8 и 9 (XV—XVI и XVII—XVIII в.) съ житіями Кирилла и Меѳодія. Въ описаніи г. Свѣнцицкій очень обстоятеленъ: кромѣ внѣшней палеографической характеристики рукописи, онъ приводитъ обыкновенно точныя заглавія отдѣльныхъ статей съ болѣе или менѣе длинными выписками. Слѣдуетъ, однако, упрекнуть составителя въ томъ, что онъ не всегда умѣетъ различать въ правописаніи рукописи существенныя особенности отъ несущественныхъ. Такъ, говоря объ одной русс. рукописи XIV—XV в. (стр. 28 — 29) г. Свѣнцицкій отмѣчаетъ замѣну юсовъ посредствомъ *у* и *я*, *ѣ* посредствомъ—*є* и т. п. примѣты, но при

этомъ забываетъ, что всѣ онѣ представляютъ обычное явленіе уже въ древнѣйшихъ русскихъ рукописяхъ, и потому для характеристики правописанія описываемой рукописи онѣ ничего не говорятъ.

Г. И.

Hesseling, D. C. Les mots maritimes, empruntés par le grec aux langues romanes. Verhandelingen der koninklijke Akademie van Wetenschappen, Afdeeling Letterkunde, Nieuwe reeks, Deel V, № 2, Amsterdam, 38 стр., 8°. — Изслѣдованію латинскихъ и романскихъ элементовъ въ греческомъ языкѣ 10 слишкомъ лѣтъ тому назадъ было положено основаніе извѣстнымъ лингвистомъ и этнографомъ G. Meyer'омъ, авторомъ образцоваго этимологическаго словаря албанскаго языка. Разумѣется, при отсутствіи предварительныхъ изслѣдованій покойный ученый не могъ исчерпать вопроса о вліяніи романскаго запада на Византію, тѣмъ болѣе, что онъ не обладалъ спеціальными знаніями въ области романскаго языковѣдѣнія. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ появленія двухъ работъ Мейера: Neugriechische Studien III, Die lateinischen Lehnworte des Neugriechischen; Neugriechische Studien IV, Die romanischen Lehnworte des Neugriechischen (Sitzungsberichte Вѣнской Академіи Наукъ, Фил.-ист. отдѣл. 132 томъ), уже лексическій матеріалъ его былъ дополненъ учеными, посвятившими его труду рецензіи въ разныхъ журналахъ[1]); заслуга Мейера такимъ образомъ была двоякая: 1) онъ впервые занялся однимъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ балканской лингвистики и, заинтересовавъ имъ другихъ, значительно подвинулъ впередъ этимологическое изученіе греческаго языка; 2) въ виду отсутствія подробныхъ словарей народно-греческаго языка труды его стали полезными справочными книгами для всѣхъ, кто занимался изученіемъ средне-греческихъ поэтическихъ произведеній.

Мейеръ изучилъ *въ общихъ чертахъ* латинское и романское вліяніе на греческій языкъ, дальнѣйшіе изслѣдователи того же вопроса обратили уже вниманіе и на частности: H. Pernot впервые указалъ слѣды венеціанскаго вліянія въ говорахъ Іоническихъ острововъ. При такомъ положеніи дѣлъ появился въ свѣтъ настоящій трудъ Hesseling'a. Имя автора уже свидѣтельствуетъ о томъ, что мы имѣемъ дѣло съ солиднымъ трудомъ; любопытно, что голландскому ученому послѣ работъ Meyer'a, Dieterich'a, Pernot, Kretschmer'a удалось отыскать около 450 новыхъ словъ романскаго происхожденія въ греческомъ языкѣ—признакъ того, какъ далеки еще отъ полноты эти изслѣдованія. Далѣе любопытно, что большинство этихъ словъ отсутствуетъ въ доступныхъ словаряхъ и собрано авторомъ изъ устъ греческихъ моряковъ. Достоинство настоящаго труда, наконецъ, я вижу и въ томъ, что здѣсь приводятся ближайшія къ греческимъ словамъ, діалектическія формы итальянскаго языка. Къ сожалѣнію, авторъ не знаетъ итальянской діалектологіи (это дало бы ему возможность быть болѣе точнымъ въ указаніи этимологій греческихъ

---

[1]) Перечень ихъ см. въ нашей статьѣ Извѣстія отд. русск. яз. и слов И. Ак. Наукъ XI кн. 2, стр. 401 примѣч.

словъ), зато онъ прекрасно ознакомленъ съ исторіей греческаго языка, а венеціанскія формы онъ приводитъ по извѣстному словарю Boerio. Переходя къ посильной оцѣнкѣ его труда въ настоящемъ журналѣ, спѣшу отмѣтить, что для слависта это изслѣдованіе венеціанскаго вліянія на Византію также имѣетъ немалый интересъ, ибо это вліяніе отразилось даже и на югѣ Россіи о чемъ лучше всего свидѣтельствуютъ современные южно-русскіе говоры [1]; кромѣ того данныя языка (какъ показываютъ работы того же Г. Мейера) служатъ однимъ изъ наиболѣе точныхъ и надежныхъ источниковъ для исторіи культуры; такимъ образомъ этимологическія изслѣдованія постоянно имѣютъ большое значеніе для культурно-историческихъ разысканій.

Цѣлый рядъ венеціанскихъ заимствованій удачно указанъ Гессelingомъ: фонетическія затрудненія, возникавшія при производствѣ греч. σιγόνδος „контролеръ на пароходахъ“ отъ итал. *secondo*, устранены указаніемъ на венец. *segondo* (Hesseling 30); слово τσιρόνι не съ итал. *girone,* а съ венец. *ziron*, (Hesseling. 32); наконецъ формы въ родѣ φεργάδα (Hess., 33), τονελάδα (Hess., 32), и проч. правильно выводятся изъ венец. *tonelada, fregada* и т. п. Вообще я считаю излишнимъ приводить списокъ всего правильнаго при оцѣнкѣ труда, свидѣтельствующаго о прекрасной обще-лингвистической подготовкѣ автора и начитанности его въ области изучаемыхъ имъ языковъ. Тѣмъ большей обязанностью рецензента слѣдуетъ признать указаніе ошибокъ и неточностей, вкравшихся въ разбираемое изслѣдованіе. Къ числу подобнаго рода промаховъ принадлежитъ неоднократно подмѣчаемое въ этой работѣ указаніе венеціанскихъ формъ вмѣсто обще-итальянскихъ, которыя являются ближайшими источниками греческихъ формъ; такъ слово καπονιέρα f. „cage à poules, nom des cerceaux, qui portent la couverture en toile d'une barque“ (Hess. 18) восходитъ не къ венец. *caponera,* а къ ит. *capponiêra;*—καρβοννιέρα, tourmentin (petite voile qu'on met pendant l'orage) не къ вен. *carbonera*, а къ ит. *carboniera.*—τσοῦντα f. „palan“ (Hess. 33) не къ вен. *zonta,* а къ ит. *giunta,*—ταλιαμᾶς т. „taillemer, guibre“ не къ вен. *tagiamar*, а къ ит. *tagliamare,* иначе не объяснимъ звукъ λ греческаго слова (Hess. 31).—κανόνι n. kanone (Hess. 17) не съ вен. *canun,* а съ ит. *cannone.* — Уже Kretschmer, Byzant. Zeitschr. X, 584—586 подмѣтилъ фактъ, что въ греческихъ заимствованіяхъ изъ романскихъ языковъ рядомъ имѣются формы съ-οόνι и -όνι. Странно, что вѣнскій профессоръ не *объяснилъ* этого различія. Намъ кажется несомнѣннымъ, что формы съ-όνι заимствованы съ итальянскаго, а формы съ—οόνι съ венеціанскаго. Фактически обосновать эту догадку мы думаемъ въ статьѣ, предназначенной для Byz. Zeitschr.; теперь же замѣтимъ, что именно поэтому намъ кажется сомнительнымъ цѣлый рядъ сопоставленій Hesseling'a: такъ πιστόνι „piston“ (28) заимствовано не съ вен. *piston*, а съ ит. *pistone;* ποντόνι „ponton“ (28)—не съ вен. *ponton,* а съ ит. *pontone,*—ρατσιόνι „ration“ (29) не съ вен. *rasion*, а съ ит. *rasione,*—

---

[1]) На греческомъ элементѣ въ русскихъ говорахъ Новороссіи нижеподписавшійся въ ближайшемъ будущемъ думаетъ остановиться въ подробности.

τιμόνι (32) не съ вен. *timon,* а съ ит. *timone* и т. д. Во многихъ случаяхъ измѣненія звуковъ романскихъ заимствованій на греческой почвѣ объясняется сближеніемъ романскихъ словъ съ болѣе употребительными или исконно-греческими словами путемъ такъ назв. народной этимологіи. Въ такихъ случаяхъ указаніе автора было бы весьма желательно; между тѣмъ мы его находимъ у Hesseling'a далеко не всегда. Такъ слово: χαμαρίνο n. „gallerie du vaisseau" (Hess. 17) заимствовано съ ит. *camerino* и уже на греческой почвѣ подверглось народно-этимологическому сближенію съ κάμαρα, перешедшимъ также изъ латинскаго языка, куда оно въ свою очередь попало изъ древне-греческаго καμάρα.—Слово ῥοδάντσα f. „cosse" взято не съ венец. *radanchia,* а съ ит. *radassa,* при чемъ подверглось народно-этимологическому „прислоненію" къ ῥόδον. — Слово κούφαρο врядъ ли заимствовано съ франц. *coffre,* скорѣе съ нѣмец. *coffer* (произношеніе: kófa) Hess. 21; а κουφάρι „carcasse du navire" должно быть признано уменьшительнымъ образованіемъ съ суфф.-άρι уже на греческой почвѣ отъ κοῦφα, восходящаго къ древневерхненѣмецк. *chuofa* (см. G. Meyer., Alb. Wb. 203).—При φλέσσι, φλίσι n. flèche (longue vergue), Hess. 33 напрасно приводится ит. *freccia;* вѣдь источникомъ слова безъ сомнѣнія слѣдуетъ считать французское слово.—τουρκετίνα дѣйствительно восходитъ къ ит. *trinchettina,* а τουρκέτο—къ ит. *trinchetto* (Hess., 32), но на образованіе этихъ формъ на греческой почвѣ повліяли слова τοῦρκος, τουρκεύω и пр. Слово σαλοῦπα, f. Hess. 30 заимствовано не съ венец. *sialupa,* что дало бы σιαλούπα, а съ ит. *scialuppa,* напротивъ слово καρτέρι квартира, (Hess. 19) взято не съ ит. *quartiere,* а съ соотвѣтствующей венеціанской формы.

Кромѣ этихъ неточностей въ упрекъ автору можно еще поставить и то, что онъ указываетъ слова, приведенныя уже его предшественниками по разработкѣ даннаго вопроса: такъ ἀβαρία уже раньше было приведено Pernot, Romanische Jahresberichte IV, 353, (Hess. 14);—ἀγιουτάντες (Hess. 14), мы находимъ также у Pernot, Rom. Jahrb. IV, 353; V, 364, — ἀγκουρέττο (Hess., 14) у Pernot ibid IV, 353;—ἀλάρω Hesseling, 14 мы находимъ уже у Pernot, ibid IV, 353; Kretschmer, Byz. Zeitschr VII, 405;—ἀνέλλο Hess. 14 — уже у Pernot c. l. и проч. Разумѣется эти мелкіе недостатки искупаются тѣми достоинствами, которыя мы подчеркнули уже въ началѣ своей рецензіи.—

Правда, настоящая работа далеко еще не исчерпываетъ вопроса о латино-романскомъ вліяніи на греческій языкъ: въ ней, равно какъ и въ другихъ Nachträge къ упомянутымъ выше работамъ G. Meyer'a, отсутствуютъ такія общеупотребительныя слова, какъ μπαστιοῦνι бастіонъ, Кипръ, Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἑταιρίας VI, 418 съ ит. *bastione,* вен. *bastion,* — μίνα взоръ ibid 416 съ ит. *mina* и т. д. Такимъ образомъ интересующіеся этимъ вопросомъ при изслѣдованіи его могутъ найти массу новаго матеріала. О важности подобной работы, въ которой слѣдовало бы обратить одинаковое вниманіе какъ на современные новогреческіе говоры, такъ и на памятники греческой литературы, начиная съ Полибія до нашихъ дней, не слѣдуетъ и распространяться: помимо того, что она замѣчательно важна въ

культурно-историческомъ отношеніи, ибо изслѣдуетъ пункты соприкосновенія двухъ обширныхъ міровъ, она, по своимъ результатамъ, любопытна и для историка латинскаго языка, занимающагося изученіемъ вульгарной латыни, матери романскихъ языковъ. Лишь послѣ собранія этого матеріала можно будетъ приступить къ разработкѣ темы, давно уже намѣченной датской Академіей Наукъ въ Копенгагенѣ [1]), лишь тогда можно будетъ опредѣлить, какія романскія слова вошли въ составъ славянскихъ языковъ чрезъ посредство греческаго и какія непосредственно отъ романскихъ народовъ, лишь тогда, наконецъ, можно будетъ произвести классификацію греческихъ говоровъ на историческихъ основаніяхъ, принимая въ соображеніе не только данныя фонетическія и морфологическія, но и данныя словаря.

М. Фасмеръ.

Библіотеки и Музеи г. Львова.

О книжныхъ и музейныхъ сокровищахъ г. Львова въ Галичинѣ можно составить довольно богатую библіографію. Были о нихъ коекакія извѣстія и въ русскихъ журналахъ 30-ыхъ и 40-ыхъ гг., особенно П. И. Кеппена и Д. И. Зубрицкаго. Наша задача, однако, не библіографическій обзоръ, а извѣстіе о нынѣшнемъ состояніи львовскихъ библіотекъ. При чемъ — должно замѣтить, главное вниманіе обратили мы на отдѣлы старославянскихъ рукописей, церковнославянской старопечатной книги, славяновѣдѣнія, церковной археологіи и этнографіи, что̀ входитъ въ кругъ интересовъ *„Живой Старины"*.

Первое мѣсто по количеству рукописей, старопечатныхъ книгъ и церковныхъ предметовъ принадлежитъ новооснованному львовскимъ митрополитомъ Андреемъ Шептицкимъ *„Церковному Музею"*. Въ немъ находится въ настоящее время болѣе 600 названій старопечатныхъ книгъ, начиная съ краковскихъ первенцевъ, обѣихъ Тріодей, и кончая львовскими изданіями конца XVIII в. Составъ этого отдѣла довольно одноцѣльный: первенцы славянскихъ типографій, первыя изданія книгъ церковнаго обихода, изданія юго-западнорусскихъ типографій, стремленіе къ полному составу изданій галицкихъ печатенъ. Благодаря болѣе чѣмъ щедрому жертволюбію основателя, главное же, его непрерывному сношенію съ русскимъ книжнымъ рынкомъ, этотъ отдѣлъ содержитъ много интересныхъ данныхъ, не только для мѣстныхъ библіотекарей, но и для русскихъ ученыхъ. Печатный каталогъ, впрочемъ, скажетъ въ недалекомъ будущемъ болѣе, чѣмъ случайное извѣстіе. Въ отдѣлѣ рукописей, 280 слишкомъ, обращаютъ наше вниманіе: Пандекты Антіоха Мниха, списанные кіевопечерскимъ мнихомъ Маркомъ 1307 г. на пергаменѣ красивымъ уставомъ, чистымъ южнорусскимъ правописаніемъ [2]); нѣсколько Прологовъ, Синтагма Матоея Властаря, Кормчія, Торжественники, избран-

---

[1]) Положеніе латинскаго языка, какъ языка правленія въ восточно-римской Имперіи съ Константина Великаго до эпохи окончательной замѣны его греческимъ языкомъ и отношеніе этого языка къ литературѣ и школѣ. См. Krumbacher, Geschichte der byzantinischen Literatur² 1136.

[2]) См. Отчетъ А. А. Кочубинскаго въ Зап. Одес. У-та, 1876 г.

ная служебная Минея съ проложными житіями и статьями— всѣ XVI в.; Басни Езоповы вмѣстѣ со Стефанитомъ и Ихнилатомъ сѣверно-русской редакціи 1-ой пол. XVII в; рядъ художественныхъ миньятюръ и орнаментовъ въ Ирмологіонахъ и Евангеліяхъ; наконецъ есть рукописи высокой научной цѣнности для историковъ мѣстной церкви и отношеній XVI—XVII в. Въ данномъ случаѣ — печатный каталогъ (опись рукописей уже готова) прольетъ много свѣта въ довольно неясную область давнопрошедшей галицкорусской культурной жизни. Очень хорошимъ дополненіемъ обоихъ отдѣловъ является собраніе греческихъ литургическихъ изданій и библіографическихъ справочниковъ. Въ отдѣлѣ церковной археологіи самое выдающееся мѣсто отведено иконописи и рѣзьбѣ по дереву. Небольшія царскія врата съ характерными изображеніями причащенія апостоловъ у своего Учителя, хлѣба и вина — отдѣльно, въ три краски—бѣлую, темнокирпичную и темную; два большихъ Деисуса, громадныя Страсти Христовы XVI в., рядъ намѣстныхъ иконъ съ лицевыми житіями и небольшихъ праздничныхъ, также не моложе XVI в., два громадныхъ „Страшныхъ Суда“ XVII в.—со временемъ должны сослужить свою службу въ исторіи галицкорусскаго иконописанія, какого до сихъ поръ у насъ нѣтъ. Не меньше интереснымъ является отдѣлъ крестиковъ и складней XI—XII вв., собранныхъ каноникомъ А. С. Петрушевичемъ и подаренныхъ музею.

Второе мѣсто по богатству собраній принадлежитъ *Библіотекѣ Народнаго Дома*, особенно же ея отдѣлу „Музею А. С. Петрушевича“. О нихъ не станемъ распространяться, такъ какъ рукописныя собранія Народнаго Дома описаны уже докладчикомъ (Изв. Ак. Наукъ 1904, кн. III и Лит. Наук. Сборн. 1904—5 г.); подробное же извѣстіе о Музеѣ А. С. Петрушевича дано нами во введеніи въ „Описи рукописей Музея... I, Львв. 1906 г.“. Приведемъ развѣ данныя отчета Б-ки за 1906 г. (Вѣстникъ Народ. Дома. 1906 г., № 10, Приложеніе ст. 8—11): старопечатныхъ изданій имѣется въ Музеѣ Петрушевича 418 томовъ, всѣхъ же въ Б-кѣ 432; рукописей въ Музеѣ 341; всѣхъ же въ Б-кѣ 702; пергаменныхъ грамотъ всѣхъ 36, бумажныхъ 160.—Въ Археологическомъ Музеѣ Института находимъ рядъ различныхъ древнихъ предметовъ, очень интересныхъ, они однако теряются въ множествѣ неважной и случайной новизны.

Въ этомъ отношеніи собранія *Ставропигійскаго Института* и *„Науковою Товариства ім. Шевченка“* содержатъ настоящіе клады, если можно такъ назвать коллекціи колотыхъ кремневыхъ орудій, полированныхъ цельтовъ, топоровъ, ножей, наконечниковъ, сѣкиръ, издѣлій изъ металловъ, блестокъ, каменныхъ и глиняныхъ горшечковъ, кораллловъ. Собранія *Оссолинеума, Музея Любомирскихъ, Дѣдушицкаго* и *Археологическаго кабинета* въ Университетѣ содержатъ, равнымъ образомъ, очень богатый матеріалъ по исторіи культуры первобытнаго человѣка.

Въ Музеѣ Ставропигійскаго Института самый богатый отдѣлъ грамотъ и актовъ, относящихся до Братства по конецъ XVII в. Этотъ отдѣлъ былъ уже не однажды использованъ: часть грамотъ была издана въ Юбилейномъ изданіи (1586—1886), другая въ Monument'ахъ Мильковича, книги же дѣловодства обработалъ А. С. Крыловскій въ Архивѣ Ю.-З. Россіи

Очень богатымъ былъ составъ рукописей и старопечатныхъ изданій въ періодъ Археологической выставки 1888 г. и слѣдующіе годы; когда, однако, депозиты перешли къ собственникамъ—отдѣлъ старопечатной книги очень съузился, какъ количественно, такъ и качественно. Отдѣлъ рукописей, однако, все еще очень богатъ. Въ немъ такой перлъ, какъ Кристинопольскій апостолъ XII в. на пергаменѣ, изданный проф. Калужняцкимъ; нѣсколько Прологовъ и Торжественниковъ XV—XVI в., Кормчія XVI—XVII в., Учительныя евангелія XVII—XVIII в., хорошіе списки богослужебныхъ книгъ, пѣсенники, Помянники XVI—XVII в.—Очень интересной для исторіи костюма является коллекція портретовъ (съ гробовъ) львовскихъ мѣщанъ XVII—XVIII в., вмѣстѣ съ нѣкоторыми иконами, въ которыхъ отразился костюмъ XVI—XVII в. (Рождество—пастыри, Введеніе во храмъ — Богородица и спутницы въ костюмахъ паняновъ XVII в.).

Этнографическій матеріалъ собранъ преимущественно въ *Музеѣ Дѣдушицкихъ*, особенно гуцульщина; въ Наук. Т-вѣ ім. Шевченка находится также немало хорошихъ предметовъ и коллекцій по этнографіи, только недостатокъ мѣста не позволяетъ Т-ву открыть постоянный Этнографическій Музей. У частныхъ собирателей — проф. Грушевскаго, Шухевича, художника Дембицкаго, митрополита Шептицкаго и др.—можно найти очень хорошія вещи изъ гуцульщины и народной старины; особенно хороша коллекція „писанокъ“ у худ. Дембицкаго.

Намъ осталось упомянуть о рукописныхъ собраніяхъ Святоонуфріевскаго Монастыря, Наукового Т-ва ім. Шевченка (240 №№ слишкомъ), Б-ки Оссолинскихъ (всего 32) и Университетской Б-ки. Главнѣйшія рукописи этихъ собраній были предметомъ „Обзора“ проф. Калужняцкаго въ 3—ьемъ археологическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ (см. Тр. 3-го арх. съѣзда 1874 г., т. II, ст. 213—321), а кромѣ того были частію использованы какъ мѣстными (Калитовскій О.—Апокрифична литература; Франко. Карпаторуське письменство, Апокріфи I—IV), такъ и русскими учеными (проф. Соболевскій, Голубевъ).

Изъ частныхъ собраній обращаютъ наше особенное вниманіе д-ра Франко (30 слишкомъ ц.-слав., около 80 н-ровъ собраній писемъ и пѣсенниковъ) и городского архиваріуса д-ра Чоловскаго.

Польскія библіотеки несравненно богаче русскихъ—но у галицкихъ русиновъ не было до сихъ поръ библіофиловъ-меценатовъ, да и книгу начали у насъ цѣнить и собирать только около 60-ыхъ годовъ, когда во Львовѣ уже были такія польскія библіотеки, какъ Оссолинскаго, Баворовскаго и Павликовскаго. Замѣтимъ кстати, что Ex-libris львовскихъ библіотекъ нашло себѣ въ послѣднее время очень хорошаго обозрѣвателя въ молодомъ историкѣ Фр. Яворскомъ (см. Tydzień, dodatek do „Kurjera Lwowskiego“ 1906 г.).

И. Свѣнцицкій.

Журналы за 1906—1907 г.

Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія. № 1. *Н. Бубновъ.* Абакъ и Боэцій (также въ №№ 2 и 3). *Г. Шмелевъ.* Соборъ-вотчинникъ (также № 2). *Н. Кондаковъ.* В. В. Стасовъ (некрологъ). **№ 2.** *Н. Чечулинъ.* Н. П. Барсуковъ (некрологъ). Рецензіи: *А. Томсона* на „Л. Мороховецъ. Основные звуки человѣческой рѣчи и универсальный алфавитъ“. *Н. Виноградова* на „Шайжинъ, Н. Олонецкій фольклоръ. Былины“. **№ 3.** Рецензіи: *В. Перетца* на „Д. И. Абрамовичъ. Описаніе рукописей С.-Петербургской духовной академіи“ и *Г. К.* на „Eranos. Сборникъ статей по литературѣ и исторіи въ честь проф. Н. П. Дашкевича“.

Národopisný Věstník... (Этнографическій Вѣстникъ Чешскославянскій). **№ 1.** *Л. Нидерле.* Новыя данныя о восточныхъ границахъ Словаковъ въ Венгріи (съ картами). *І. Лътошникъ.* О ритмѣ чешскихъ народныхъ пѣсенъ. Критическій отдѣлъ. Библіографія: сказки, сказанія, легенды и др., Мелочи этнографическія (въ каждой книжкѣ). Изъ этнографическихъ музеевъ и обществъ (въ каждой книжкѣ). **№ 2.** *І. Копачъ.* Шуба въ восточной Чехіи (съ рис.). Критическій отдѣлъ. Воззванія чешскихъ комитетовъ о собираніи народныхъ пѣсенъ въ Чехіи и Моравіи. Библіографія: Сценическія представленія. Пословицы. Загадки.

Русскій Филологическій Вѣстникъ, № 1. *А. Ветуховъ.* Заговоры, заклинанія, обереги и т. п. Заговоры отъ болѣзней рѣже встрѣчающихся (продолженіе). *В. Бобровъ.* Русскія народныя сказки о животныхъ. Герои русскихъ животныхъ сказокъ. *Л. Васильевъ.* Нѣсколько разъясненій по поводу статьи проф. Б. Ляпунова „Лингвистическія замѣтки“. *В. Богородицкій.* Наблюденія посредствомъ мышечнаго чувства надъ произношеніемъ звуковъ русскаго языка. *В. Перетцъ.* Замѣтки о пѣсняхъ XVIII в. I—VIII. *Е. Карскій.* Некрологи (А. Н. Веселовскій, В. В. Стасовъ, В Д. Спасовичъ, А. Дурдикъ, В. Шерцль). Критика и библіографія.

Славянскія Извѣстія. № 1. *П. Заболотскій.* Культурная работа у славянъ. III. Чехи.—Отъ Дуная къ Тихому Океану. **№ 2.** *П. Заболотскій.* IV. Моравія. *Э. Мука.* Полабскіе славяне. Очерки. Ч. II, гл. 1. Село.—Когда средняя Европа была заселена славянами?—М. И. Соколовъ. (Некрологъ). Библіографія. Обзоръ славянскихъ журналовъ. **№ 3.** *Э. Мука.* Полабскіе славяне, гл. 2. Народный типъ и народный характеръ. Пища и одежда. Библіографія. Обзоръ славянскихъ журналовъ.

Сообщенія Имп. Правосл. Палестинскаго О-ва. 1907., т. XVIII, в. 1. *Хитрово, С.* Палестина въ концѣ XVIII вѣка, по описанію англійскаго путешественника Брауна. *Соколовъ, И.* Иванъ Васильевичъ Помяловскій (некрологъ).

Университетскія Извѣстія. № 1. *Г. Максимовичъ.* Ученіе первыхъ славянофиловъ. *Богумилъ, А.* Начальный періодъ народничества въ русской художественной литературѣ. *Сташевскій, Е.* Московскій уѣздъ по писцовымъ книгамъ XVI вѣка. *Перетцъ, В.* Новые труды по источниковѣдѣнію древне-русской литературы.

Этнографическое Обозрѣніе. 1906, № 3 и 4 (двойной). *В. Миллеръ.* Кавказское языкознаніе и вопросы исторической этнографіи. *А. Марковъ.* Изъ исторіи русскаго былевого эпоса. V. Добрыня змѣеборецъ. Происхожденіе былины. *Е. Елеонская.* Сказка о Василисѣ Прекрасной и группа однородныхъ съ нею сказокъ. *В. Харузина.* Къ вопросу о почитаніи огня. Введеніе въ программу для собиранія свѣдѣній о почитаніи огня у русскихъ крестьянъ и инородцевъ, съ приложеніемъ программы. Смѣсь: *Э. Пекарскій.* Къ вопросу о происхожденіи слова „тунгусъ“. *И. Костоловскій.* Изъ повѣрій Ярославской губ. *В. Степановъ.* Свѣдѣнія о родильныхъ и крестинныхъ обрядахъ въ Клинскомъ у. Московск. губ. *Д. Успенскій.* Свадебныя величальныя пѣсни. *А. Можаровскій.* Духовные стихи старообрядцевъ Поволжья. *А. Максимовъ.* Макъ-Леннанъ и Морганъ. Къ 25-лѣтію дня ихъ смерти. Критика и библіографія. Хроника.

Н. В.

Новости этнографической литературы.

Абоба-плиска. Альбомъ къ X т. „Изв. Русск. Археолог. Института въ Константинополѣ". Вѣна.

Альбомъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ отчетахъ Имп. Археолог. Комиссіи за 1882—1898 гг. Спб. 1906. 374 л.

А. С. Б. Холмская Русь и поляки. Три статьи. Спб. 49 стр.

Баронъ, Хр., и *Г. Виссендорфъ.* Латышскія народныя пѣсни. Т. III, в. 2. Спб. 1906. 784 стр.

Баязитовъ, А. Отношеніе Ислама къ наукѣ и къ иновѣрцамъ. Изд. 2. Спб. 1906.

Бенешевичъ, В. Древне-славянская кормчая XIV титуловъ безъ толкованій. Т. I, в. 2. Спб. 1906, стр. 229—464.

Богородицкій, В. Діалектологическія замѣтки. Спб. 1906. 16 стр. (Отт. изъ „Извѣст.").

Бугославскій, I. Древлехранилище Архангельскаго епархіальнаго церковно - археологическаго комитета. 10 стр.

Буркгардтъ, Я. Культура Италіи въ эпоху возрожденія. Перев. С. Бриліанта съ 8 изд., перераб. Л. Гейгеромъ. Т. I и II. Спб.

Бѣляевъ, Д. Byzantina. Очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ. Кн. 3. Съ портр. автора, 2 табл. и 27 рис. Спб. 1906.

Веселовскій, А. Русскіе и Вильтины въ сагѣ о Тидерикѣ Бернскомъ. Спб. 1906. 190 стр. (Отт. изъ „Изв. Отд. р. яз. и сл.").

Византійскій Временникъ, т. XIII, в. 2. Спб. 1906.

Виленскій Календарь на 1907 г. VIII+ +135+124 стр.

Воеводскій, В. Великій князь литовскій Витовтъ и его время. Спб.

Воейковъ, А. И. Распредѣленіе населенія земли въ зависимости отъ природныхъ условій и дѣятельности человѣка. Спб. 1906.

Волкова, С. О древнерусских церковныхъ напѣвахъ и о значеніи ихъ для будущности русскаго музыкальнаго искусства. Спб. 1906.

Гейльборнъ, А., и *Бергъ, Л.* Антропологія и этнографія въ основныхъ чертахъ. Перев. съ нѣм., подъ ред. В. Битнера. Съ рис. Спб.

Даль, В. Толковый словарь живого великорусскаго языка. Вып. XXVI. Пра—при. Спб. Стлб. 993—1184.

Даниловъ, Владиміръ. Одна глава объ украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ. Кіевъ. 1906. (Отт. „Кіевск. Стар.").

Джаваховъ, А. Къ антропологіи Грузіи. М. 1906. 46 стр., съ 11 рис. и 4 діагр. (Изъ „Русск. Антроп. Журн.", кн. 23—24).

Евсѣевъ, И. Описаніе рукописей, хранящихся въ Орловскихъ древлехранилищахъ. Вып. II. Орелъ. 1906. Стр. 125—262.

Eranos. Сборникъ статей по литературѣ и исторіи въ честь проф. Н. Н. Дашкевича. Кіевъ. 1906. V+436 стр.

Записки Нумизматическаго Отдѣленія И. Р. А. О-ва. Томъ I, в. 1. Спб. 1906.

Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи И. Р. А. О-ва. Т. VIII, в. 1. Спб. 1906.

Землевѣдѣніе, в. III—IV (двойной). 1906.

Здроевскій, А. Бѣлоруссы Дисненскаго уѣзда Виленской губ. М. 1906. 25 стр. съ 4 рис. (Изъ „Русск. Антроп. Журн.", кн. 23—24).

Ивановскій А. Расы Европы (по Deniker'у). М. 1906. 10 стр. (Изъ „Русск. Антроп. Журн.").

Его же. Сургутскіе остяки. (По матеріаламъ С. М. Чугунова). М. 1906. 31 стр. (Изъ „Русск. Антроп. Журн.").

Извѣковъ, Н., прот. Московскія кремлевскія дворцовыя церкви и служившія при нихъ лица въ XVII вѣкѣ. Церковно - историко-археологическое изслѣдованіе (Труды комиссіи по осмотру и изученію памятн. церковн. старины г. Москвы и Московск. еп., т. II). М. 1906. II + 268 стр.

Извѣстія Имп. Археологической Комиссіи, вв. 18—21, съ прибавленіемъ. Спб. 1906.

Извѣстія Кавказскаго Музея. Т. II, в. 2—4. Тифлисъ. 1906.

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Т. X. Софія. 1906.

Исаія, іером. Краткая китайская грамматика. Съ приложеніемъ о мѣрахъ, вѣсахъ и деньгахъ (по Матусовскому). Изд. 3-е. Пекинъ. 1906.

Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ Центральномъ Архивѣ въ Вильнѣ и изданные подъ редакціей *Дм. Ив. Довгялло*. Вып. 32-й. Витебскъ. 1906. 4°. Стр. XXXIV + 167 + 289 + + 292 + 4.

Каталогъ собранія древностей гр. А. С. Уварова. Отд. IV—VI. Москва. 202 стр. + 10 табл.

Кологривовъ, С. Записныя взносныя книги Большому Государеву наряду. Спб. 1906.

Колокольникова, В. Очерки Афганистана, Белуджистана и Персіи. М. 1906.

Краткій обзоръ Красноярскаго Городского Музея... Красноярскъ. 1906. 52 стр.

Крымскій, К. Изложеніе сущности конфуціанскаго ученія. Пекинъ. 1906.

Кузеля, Зенон (обробив). Дитина в звичаях і віруванчях українського народа. Матеріяли з полудневної Київщини, зібрав *Мр. Г.* Львів. 1906. VIII + VI + 221 стр. („Мат. до укр.-русь. етнол., т. VIII").

Кузнецовъ, С. Погребальныя маски, ихъ употребленіе и значеніе. Каз. 1906. 44 стр.

Курдовъ, К. Горскіе евреи Дагестана. М. 1906. 31 стр. съ 7 рис. и 63 діагр. (Изъ „Русск. Антроп. Журн.").

Кутшеба, С. Очеркъ исторіи государственнаго и общественнаго строя Польши. Перев. Я. Пашкевичъ. Спб. 1906.

Латышевъ, В. Житія св. епископовъ херсонскихъ. Изслѣдованіе и тексты. Спб. 1906. 81 стр.

Левицкій, Ор. Сговоръ малолѣтнихъ. Страница изъ исторіи брачнаго права малолѣтнихъ на Украйнѣ. Кіевъ. 1906. (Отд. отт. „Кіевск. Стар.").

Маининъ, К. Къ антропологіи кабардинцевъ. М. 1906. 18 стр. (Изъ „Русск. Антроп. Журн.").

Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Имп. Археолог. Комиссіею. № 30. Спб. 1906.

Мезіеръ, А. Турція. Очеркъ. Изд. О. Поповой. Спб. 90 стр.

Мороховецъ, Левъ. Основные звуки человѣческой рѣчи и универсальный алфавитъ. Съ 60 рис. въ текстѣ. М. 1906.

Населеніе десяти губерній Царства Польскаго въ 1906 г. Ростъ населенія за 90 лѣтъ, 1806—1906. Варш. 1906. XVII + 89 стр.

Обзоръ Дагестанской области за 1905 г. Темиръ-Ханъ-Шура. 1907.

Обзоръ Семипалатинской области за 1905 г. Семипалатинскъ. 1906.

Обзоръ Семирѣченской области за 1905 г. Вѣрный. 1906.

Обзоръ Сыръ-Дарьинской области за 1904 г. Ташкентъ. 1906.

Обзоръ Якутской области за 1905 г. Якутскъ. S. a.

Описаніе рукописнаго отдѣленія Виленской Публичной Библіотеки. Вып. V. Вильна. 1906. XXII+35+137 стр.

Отчетъ Виленской Публичной Библіотеки и Музея за 1906 г. XXXIX. Вильна. 1907. 90 стр.

Отчетъ Имп. Археолог. Комиссіи за 1903 г. Съ 7 табл. и 406 рис. въ текстѣ. Спб. 1906. 245 стр.

Отчетъ Музея Бессарабскаго земства за 1903—1906 г. Кишиневъ. 1906.

Очерки по исторіи русскаго искусства. Древне-русская живопись (XV—XVIII в.). 72 снимка со статьей А. И. Успенскаго. М. 1906.

Павловъ, Е. На Дальнемъ Востокѣ въ 1905 г. Изъ наблюденій во время войны съ Японіей. Съ автотип. въ текстѣ. Спб.

Памятная книжка Астраханской губ. на 1907 г. Астрахань.

Памятная книжка и адресъ-календарь Калужской губ. на 1907 г. Калуга.

Памятная книжка Ковенской губ. на 1907 г. Ковна. 1906.

Памятная книжка Минской губ. на 1907 г. Минскъ. 1906.

Памятная книжка Тобольской губ. на 1907 г. г. Тобольскъ.

Памятники Эфіопской письменности. IV. Повѣствованіе о Дабара-Либаносскомъ монастырѣ. Перев. и замѣч. Б. Тураева. Спб.

V. Нѣкоторыя житія абиссинскихъ святыхъ по рукописямъ бывшей коллекціи D'abbadie. Перев. и изслѣдованіе Б. Тураева. Спб.

VI. Сказаніе Іисуса. Апокрифъ о послѣднихъ временахъ міра. Перев. И. Вайнберга. Спб.

Пименова, Э. Страна великихъ озеръ (Канада). Съ рисунками. Спб.

Піонтковскій, А. Бѣлоруссы Гомельскаго уѣзда, Могилевской губ. М. 1906. 8 стр. съ 4 рис. (Изъ „Русск. Антроп. Журн.").

Поздньевъ, Д. Японія. Географическо-статистическій очеркъ. Токіо. 1906.

Покрышкинъ, П. Отчетъ о капитальномъ ремонтѣ Спасо-Нередицкой церкви въ 1903 и 1904 г.г. Съ 27 табл. и 13 рис. въ текстѣ. Спб. 1906. 36 стр.

Поповъ, Г. Медицинская этнографія, какъ элементъ университетскаго образованія. Спб. 1906.

Поповъ, Н. Рукописи Московской Синодальной библіотеки. Вып. I. Новоспасское собраніе. М. S. a. VII+189 стр. съ 3 снимк.

Рашковъ, С. Чтенія по средне-вѣковой исторіи. Четыре представителя духовной жизни XII в. М. 1906.

Реклю, Э. Человѣкъ и земля. В. XXI. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб.

Розенбергъ, А. Исторія искусства съ древнихъ временъ до нашихъ дней. Перев. О. Павловской, подъ ред. и съ краткимъ очеркомъ исторіи русскаго искусства проф. А. А. Павловскаго. В. 1. Спб. 1906.

Россовъ. Національное самосознаніе корейцевъ.

Сергѣевъ, Н. А. Указатель русскихъ старинныхъ и новыхъ рѣдкихъ монетъ... Съ 1700 по 190) г. Спб.

Симони, П. К. Къ XL-лѣтію учено-литературной дѣятельности проф. и акад. А. Н. Веселовскаго. 1859—1902. Съ приложеніемъ Библіографическаго списка его учено-литературныхъ трудовъ... Спб. 1906. Стр. 20 + 55.

Сонни, А. Горе и доля въ народной сказкѣ. Кіевъ. 1906.

Срезневскій, И. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Т. Ш. в. 2. Сте—тър. Спб. 1906. Стлб. 514—1056.

Статьи по славяновѣдѣнію. Подъ ред. *В. И. Ламанскаго.* В. II. Спб. 1906. 391 стр.

Сташевскій, Е. Опыты изученія писцовыхъ книгъ Московского государства XVI в. В. 1. Московскій уѣздъ. Кіевъ.

Сумцовъ, Н. Исторія и этнографія Малороссіи, какъ предметы преподаванія въ Харьковскомъ университетѣ. Кіевъ. 1906. (Отд. отт. „Кіевск. Стар.").

Титовъ, А. А. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія дѣйств. чл. И. Р. Археолог. О-ва И. А. Вахромѣеву. В. 6-й. М. 1906.

Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи. Вып. XVI. (1906 г.) и XVII (1907 г.). Оренбургъ.

Фасмеръ, М. Греко-славянскіе этюды. Спб. 1906. 28 стр. (Отт. изъ „Изв. Отд. р. яз. и сл.").

Франко, І. До історії українського вертепа XVIII в. Львів. 1906. 152 стр.

Францевъ, В. Польское славяновѣдѣніе конца XVIII и первой четверти XIX ст. Прага. 1906. IX+491+CLXXI стр.

Хахановъ, А. Очерки по исторіи грузинской словесности. В. IV. Литература XIX в. М.

Цьновъ, Ганчо. Праотечеството и праезикътъ на Българитѣ. Историко-филологически издирвания възъ основа на първоизточници. София. 1907. II+212 стр.

Чичерина, С. О приволжскихъ инородцахъ и современномъ значеніи системы Н. И. Ильминскаго. Спб. 1906.

Ш. В. Памяти А. Н. Весcловскаго. (Спб. 1907). 5 стр. (Отт. изъ „Изв. Отд. р. яз. и сл.").

Шишмаревъ, В. Историко-литературныя и этимологическія замѣтки. I. Аваллонъ. (Отт. изъ „Ж. М. Н. П.", 1906. № 11, стр. 1—19).

Шурат, В. Грунвальдська пісня. Памятка западно-руськоі літератури XIV в. Жовква. 1906. 52 стр.

Эллинская культура въ изложеніи Фр. Баумгартена, Фр. Поланда, Рих. Вагнера. Перв. М. Бергъ, подъ ред. проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго. Вып. V. Спб.

Энциклопедическій Словарь. 3-й дополнительный полутомъ. Кошбухъ-Прасинъ. Спб. 1906.

Эриксонъ, Э. Къ антропологіи грузинъ. М. 1906. 10 стр. (Изъ „Русск. Антроп. Журн.".

Ярилоѳъ, А. На память о создателѣ Минусинскаго Музея Н. М. Мартьяновѣ. Юрьевъ. 1906. 31 стр.

Н. В.

Прозвища въ Кокшеньгѣ, Тотемскаго у. [1])

Исправникъ, Баринъ, Горбачёнки (дѣти Горбача), Санапаў [2]), Калуга, Руль, Бухня, Баўря (м.), Боранъ, Кривая пуля, Шамёнокъ (отъ шамъ, т. е. самъ), Кишкотрясъ, Полёванця, Оленёнокъ, 'Етманъ, (т. е. гетманъ), Лапа, Кошка, Трохма, Вонеть (отъ вонять), Лапоть, Ворона Костылёвка (женск.), Прыга (женск.), Кадетъ, Тоўстая вачина, Турецкой, Турка, Есёха, Захлёбка. Посредникъ, Шломъ, Карсакъ, Патала, Воробей, Брюханъ, Жила, Пика (пищать), Плакса, Козырь, Горбачь, Ухла, Праздничка (женск.), Рубець (женск.), Дрязга, Хрупачъ, Арава (мужск.), Ерёпа, Ерепёнокъ, Косой, Москаль, Грошъ, Попъ, Заець, Мордва, Мордвинёнки, Шарей, Сало, Кетъ (т. е. китъ), Медвидь, Сѣруха (муж.), Калымъ, Частуша (муж.), Чистогорской, Пень, Хлынокъ, Кукша, (женск.), Кишка, Калага. Циярь, Сабура, Христосъ, Христосёнокъ, Доживало, Кубышка, Мазиўка, Обмолотокъ, Опрѣлышъ, Копоть, Торица, Ж..а, М...д, Кокушка, Сабурёнокъ, Стрѣлокъ, Колобёнокъ, Рожа, Хомякъ, Клопёнокъ, Кижмора, Кутья, Глазокъ, Варлашонокъ, Малышъ, Самошонокъ, Балаганъ, Кука, Орѣхъ, Ягабова (женск.), Стонота (женск.), Солыча, Воўкъ, Бречало, Побивка, Узоў, Огашёнокъ, Коровёнокъ, Митрошёнокъ, Тороканъ, Тороканёнокъ, Ладка, Ворона, Носъ, Хвос(т)ъ, Кишка, Намятышъ, Богатей, Чура, Боба, Ярушникъ, Сука, Муха, Подсуслонникъ, Лоба, Клёмъ, Сосунъ, Постегольниця, Теплякъ, Заяка (Заика), Плитка, Канага (женск.), Кудряшъ, Кудря, Морозъ, Кочъ. Каржёвка (женск.), Каржёнокъ, Зобёнька (мужск.), Кувай, Пагужёкъ, Уховертка, Жоўна, Горохъ, Губниця, Шубниця, Лѣшей, Нагиба, Шуля [3]), Мурашъ, Ѳома [4]), Гарей, Яганёнокъ, Сѣрушонокъ, Астраханёнокъ, Боровъ, Губа, Клыпа, Лодыжёнокъ, Бодрилёнокъ, Лога, Мѣшаўка, Бутыўка, Сивачёнокъ, Бахила, Копылёнокъ, Костречёнокъ, Сапогъ, Дресва, Голубёнокъ, Калинёнокъ, Шипиця, Щёўкунъ, Билёнокъ, Тетёря, Налимъ, Шадрунъ, Ваў (валъ, женск.), Хватъ, Быкъ, Нѣмъ, Косоротикъ, Обабокъ (женск.), Кокуёнокъ, Лисёнокъ, Басовъ, Нехай, Галашиха (женск.), Заруба, Климъ [2]), Баўда, Боўша, Курёнокъ, Хоботъ, Негуга, Шко, Онучя, Копытцё (женск.), Конёкъ, Мамая, Мотроха, Вошшина, Маслёнокъ, Пёха, Щетина, Сивакъ, Воўденьця, Окунь, Машкичь, Лисой, Доўгой, Коротышъ, Скаўка, Копоть, Фура, Гаўка, Лазурка.

Записалъ *М. Е.*

---

[1]) Записанныя отъ крестьянина дер. Рыкаловской, Спасской вол., въ томъ порядкѣ, въ какомъ сообщены. Женскія прозвища отмѣчены.

[2]) Букву ў съ значкомъ — *у* неслоговое.

[3]) Лѣвая рука.

[4]) Имя, отчество и фамилія не имѣютъ ничего общаго съ прозвищемъ.

Хроника.

Юбилей И. А. Шляпкина. 23 апрѣля состоится чествованіе профессора Ильи Александровича Шляпкина по поводу исполняющагося 25-лѣтія его ученой дѣятельности. Маститый юбиляръ извѣстенъ своими многочисленными и цѣнными работами въ области древней русской литературы, народной словестности, этнографіи и археологіи.

† **Гуртъ, Я. И.** 31 декабря минувшаго года наша наука понесла крупную утрату въ лицѣ скончавшагося на 68 году жизни заслуженнаго пастора, доктора философіи Я. И. Гурта. Покойный, эстонецъ по происхожденію, всю жизнь работалъ надъ изученіемъ и собираніемъ матеріаловъ по этнографіи и фольклору своего народа. Имъ собраны свыше 200.000 нумеровъ сказокъ, преданій, загадокъ, повѣрій, записанныхъ и распредѣленныхъ по категоріямъ, крайне облегчающимъ возможность пользованія этими матеріалами. Свои ученые труды покойный пасторъ Гуртъ издавалъ на языкахъ нѣмецкомъ, русскомъ и эстонскомъ. Въ 1905 г. Императорское Русское географическое общество присудило ему высшую награду—Константиновскую медаль — за его научныя работы и въ частности за его основательный трудъ по изученію сетукезовъ (псковскихъ эстовъ). Докторъ Гуртъ былъ ученымъ по призванію; почти никогда не имѣлъ онъ никакихъ поддержекъ въ своей научной дѣятельности и никогда не былъ оффиціальнымъ ученымъ. Всегда съ поразительной скромностью и съ чисто юношескимъ пыломъ онъ брался за научныя работы и выполнялъ ихъ быстро и въ высшей степени тщательно. Это былъ рѣдко симпатичный и всѣми знавшими его уважаемый человѣкъ и выдающійся ученый. (Некрологъ его: „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1907 г., № 1).

† **Мостовскій, М. С.** 14 января скончался тайный совѣтникъ Михаилъ Степановичъ Мостовскій, долгое время завѣдывавшій иностраннымъ отдѣленіемъ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора. Покойный, по окончаніи университетскаго курса въ 1862 году, посвятилъ около 20 лѣтъ педагогической дѣятельности въ московской 3-й гимназіи, Межевомъ, Николаевскомъ и Екатерининскомъ институтахъ. Въ этотъ періодъ М. С. Мостовскій издалъ въ свѣтъ: 1) этнографическіе очерки Россіи (характеристика 49 народовъ), 2) географію Россіи, пережившую 8 изданій, и 3) приготовительный курсъ всеобщей и русской географіи.

† **Н. А. Шабунинъ**. 27 февраля умеръ небезызвѣстный художникъ Шабунинъ. Уроженецъ, кажется, Архангельской губерніи, Шабунинъ лѣтъ 10 — 8 тому назадъ кончилъ академію художествъ. Онъ любилъ свою далекую угрюмую родину и въ его сѣверныхъ мотивахъ, въ занесенныхъ сугробами кладбищахъ—какая-то суровая, щемящая поэзія. Покойный во время недавней своей поѣздки на сѣверъ для изученія быта самоѣдовъ заболѣлъ тифомъ. Во время этой поѣздки имъ была собрана большая и интересная коллекція различныхъ предметовъ самоѣдскаго быта для Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Имп. Александра III. По возвращеніи въ Петербургъ болѣзнь осложнилась и привела къ роковому исходу.

† **Н. О. Хизановъ**. Въ Тифлисѣ убитъ слѣдователь тифлисскаго мироваго съѣзда Н. О. Хизановъ, извѣстный грузинскій писатель, авторъ цѣнныхъ этнографическо-юридическихъ трудовъ, касающихся Грузіи, знатокъ грузинскаго языка. Нѣкоторыя изслѣдованія Хизанова по этнографіи Грузіи переведены на русской языкъ.

† **В. И. Модестовъ**. Русская наука лишилась виднаго представителя въ области исторіи, филологіи и серьезной публицистики: въ Римѣ скончался профессоръ Василій Ивановичъ Модестовъ, лучшій знатокъ древне-римской исторіи, авторъ „Введенія въ римскую исторію“, „Исторіи римской литературы“, переводчикъ Тацита, авторъ многихъ статей и книгъ о школьномъ вопросѣ, о русской наукѣ, о политикѣ и пр. и пр. Въ области изученія древняго Рима покойный пользовался всемірною извѣстностью. Скончался В. И. на 68-мъ году жизни.

† **В. С. Передольскій**. Въ лицѣ скончавшагося въ Новгородѣ *Василія Степановича Передольскаго* русская археологическая наука понесла крупную потерю. Юристъ по образованію, Передольскій не былъ присяжнымъ изслѣдователемъ страны, но едва ли кто изъ современныхъ ученыхъ людей поспоритъ съ нимъ въ знаніи новгородскихъ древностей. Лѣтъ около пятнадцати назадъ покойному удалось на глубинѣ двухъ и болѣе саженъ открыть на берегу Волхова несомнѣнные слѣды поселенія ледниковаго періода и собрать замѣчательную коллекцію череповъ, въ нѣсколько сотъ штукъ,— коллекцію, которой восхищался даже спеціалистъ въ кранологіи знаменитый Вирховъ. Черепа принадлежатъ древнимъ обитателямъ Новгородскаго края. Одинъ изъ нихъ имѣетъ 214 милиметровъ. Это уникъ въ своемъ родѣ, и имъ особенно интересовался нѣмецкій ученый. Свои изслѣдованія Передольскій издалъ въ 1893 году, въ С.-Петербургѣ, отдѣльною книгой „Бытовые остатки посельниковъ Ильменско-волховского побережья и земель Велико-новгородскаго державства каменнаго вѣка“. Многіе петербуржцы помнятъ, вѣроятно, выставку Передольскаго, помѣщавшуюся въ Николаевскомъ дворцѣ. Не менѣе замѣчательна принадлежавшая покойному коллекція бытовыхъ, церковныхъ—между прочимъ кресло Никона—и доисторическихъ древностей, найденныхъ почти исключительно въ предѣлахъ древней новгородской земли. Среди костей допотопныхъ

животныхъ есть экземпляры, не встрѣчающіеся ни въ одномъ изъ европейскихъ музеевъ. Коллекцію свою Передольскій собиралъ десятки лѣтъ. Въ 1898 году вышелъ его замѣчательный, къ сожалѣнію не оконченный трудъ: „Новгородскія древности". Изданіе остановилось на первомъ выпускѣ, хотя были собраны матеріалы для окончанія этого замѣчательнаго труда.

† **Лыткинъ**, Г. С. 22 марта скончался въ С.-Петербургѣ заслуженный преподаватель исторіи и географіи въ 6-й гимназіи *Георгій Степановичъ Лыткинъ*. Покойный родился въ 1835 году въ семьѣ зырянскаго происхожденія и воспитывался на восточномъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета, курсъ котораго окончилъ въ 1858 году. Почти вся плодотворная литературная дѣятельность Лыткина была посвящена просвѣщенію—въ частности, религіозному—родного края и изслѣдованіямъ языка Зырянъ. Имъ написанъ цѣлый рядъ цѣнныхъ трудовъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательнымъ слѣдуетъ считать книги: „Зырянскій край при епископахъ пермскихъ и зырянскій языкъ". Эта работа вышла въ С.-Петербургѣ и предназначалась авторомъ въ качествѣ пособія при изученіи Зырянами русскаго языка. Поэтому Лыткинъ напечаталъ здѣсь букварь: зырянскій, вотяцкій, русскій и церковно-славянскій вмѣстѣ съ богатыми матеріалами по зырянскому фольклору. Тутъ вы найдете и сказки, и пословицы, и пѣсни, и загадки Зырянъ. Послѣдняя часть полностью переведена была на финскій, какъ богатый матеріалъ для изученія финско-угорскаго быта и этнографіи. Въ области лексикографіи Лыткинъ былъ неутомимымъ работникомъ и напечаталъ словари зырянско-вотяцко-русскій, вотско-зырянско рускій, и русско-вотско-зырянскій. Для религіознаго просвѣщенія своихъ земляковъ покойный издалъ литургію св. Іоанна Златоустаго, Дѣянія св. апостоловъ, Псалтырь и Евангеліе. Не мало рукописей Лыткина осталось, къ сожалѣнію, не напечатанными.

Дѣятельность Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О-ва.

Въ текущемъ полугодіи (до 1 апр.) были заслушаны слѣдующія сообщенія: 1) 20-го февраля сообщеніе *А. И. Зачиняева*: Къ вопросу объ изученіи народнаго художественнаго творчества. (По матер., собр. въ с. Мартыновичахъ, Радомысльскаго у., Кіевской губ.). Программа: Цѣль и пріемы собиранія. Распредѣленіе матеріаловъ въ сборникахъ. Характеристика настоящаго момента въ народно-художественномъ творчествѣ.

Во время доклада были демонстрированы фонографическія записи, туманныя картины (цвѣтныя)—орнаментъ, костюмы, архитектурныя произведенія Полѣсья (по рис. Ю. Ю. Павловича).

2) Въ соединенномъ засѣданіи Отд. Этнографіи и Статистики 16 марта д. чл. *В. А. Дубянскій* сдѣлалъ сообщеніе: „Кочевники Устюрта". Програма: I. Населеніе Устюрта. Кочевыя киргизскія племена Адай и Табынъ. Направленіе и амплитуда ихъ кочевокъ (отъ Хивы и Мангышлака до рр. Сагызъ и Цилъ Уральск. обл.). Столкновеніе интересовъ этихъ типичныхъ кочевниковъ съ интересами полуосѣдлыхъ киргизъ Уральск. обл. Возникающій отсюда „Адаевскій вопросъ".

II. Нѣкоторые матеріалы по „Адаевскому вопросу“: 1) Природныя условія Устюрта. 2) Образъ жизни и хозяйственный строй кочевниковъ Устюрта. a. Весенняя кочевка чрезъ Устюртъ; переходъ черезъ Эмбу. Лѣтовка на полынныхъ пустыняхъ между рр. Эмба, Сагызъ и Цилъ; столкновеніе съ осѣвшими по рѣкамъ Уральскими киргизами. Цильская ярмарка. Обратная кочевка. Зимовка въ Хивѣ, Красноводскомъ у. и Мангышлакѣ. Огромная убыль скота зимою. b. Неустойчивость кочевого хозяйства. „Богатство“ кочевыхъ Адаевъ и ихъ крайне бѣдный образъ жизни. Начинающееся осѣданіе Адаевъ на Мангышлакѣ и Устюртѣ. Осѣдлые „бѣдняки“ и ихъ болѣе прочное и доходное хозяйство.

III. Заключеніе. Неизбѣжность перехода кочевыхъ Адаевъ къ полуосѣдлому скотоводству и возможныя мѣры къ его облегченію. Были показаны діапозитивы.

3) Въ засѣданіи 23 марта врачъ Россійско-Императорской Миссіи въ Абиссиніи *Б. В. Владыкинъ* сдѣлалъ сообщеніе: „Къ характеристикѣ современнаго быта Абиссинцевъ и ихъ Императора Менелика II“. Программа: Адиссъ-Абеба. Дворецъ и дворъ Менелика. Пріемы при дворѣ. Дворцовые обѣды. Пища Менелика и другихъ Абиссинцевъ. Одежда и вооруженіе Абиссинцевъ. Одежда Абиссинскихъ женщинъ. Положеніе женщинъ и дѣтей въ Абиссиніи. Школы и образованіе. Дворцовая школа. Государственный строй въ Абиссиніи. Расы и другіе крупные феодалы. Судъ въ Абиссиніи. Третейскій судъ, судъ феодала, судъ Афа-Негуса и судъ Императора. Поручители. Адвокаты. Наказанія. Судебное слѣдствіе. Леваши. Знахари и народная медицина въ Абиссиніи. Болѣзни населенія. Грязь училищъ и одежды Абиссинцевъ. Внутренность Абиссинскаго дома. Грязная одежда, какъ трауръ. Другіе виды выраженія скорби объ умершемъ. Развлеченія Абиссинцевъ: Пѣніе псалмовъ и сказаній подъ звуки музыки. Разсказы. Поговорки. Игры (Чевата и Фантазія). Шахматы. Игра въ мячъ. Стрѣльба въ цѣль. Игра всадниковъ. Посты и большіе праздники. Отданіе Великаго поста во дворцѣ. Праздникъ Москаля и др. Отношеніе Абиссинцевъ къ Европейцамъ. Опасенія Европейцевъ. Отсутствіе закона о престолонаслѣдіи. Вѣроятный наслѣдникъ Абиссинскаго престола. Были показаны діапозитивы и коллекція предметовъ, характеризующихъ бытъ Абиссинцевъ.

Послѣ этого г-нъ *Т. Пархаменко* (бандуристъ изъ Черниговской губ.) передалъ нѣсколько малорусскихъ думъ подъ аккомпаниментъ бандуры

и 4) въ засѣданіи 30 марта было заслушано сообщеніе дѣйствит. члена *В. Н. Васильева:* „Бытъ инородцевъ Туруханскаго края“. Программа: Районы разселенія инородцевъ. Общность быта инородцевъ. Кочеванія. Жилища. Питаніе. Одежда. Охота и промыслы. Болѣзни. Развлеченія. Браки. Административный строй. Ассимиляція. Вѣрованіе и шаманство. Погребальные обычаи. Кладбища. Были показаны діапозитивы.

Кромѣ того здѣсь же можетъ быть отмѣчено сообщеніе *К. Н. Тульчинскаго* „По Русскому Сахалину въ 1906 году“, сдѣланное въ общемъ собраніи И. Р. Г. О-ва 7-го марта.

Награды по Отдѣленію Этнографіи. Въ 1906 г. Медальной Коммиссіей при Отдѣленіи Этнографіи почетныя награды были присуждены слѣдующимъ лицамъ: 1) Малая золотая медаль *М. А. Большакову* за работу „Община у зырянъ“. 2) Малыя серебряныя: *И. С. Абрамову* и *М. Б. Едемскому* за статьи въ „Живой Старинѣ“ и сообщенія въ Отд. Этнографіи; *А. М. Путинцеву* за работу „О народномъ говорѣ въ мѣстности Хворостань“; *И. М. Мартиновичу* и *В. А. Шанину* за сообщенія, сдѣланныя въ Отд. Этнографіи.

Неофилологическое О-во при С.-Петербургскомъ университетѣ въ засѣданіи 28 января чествовало память основателя его *А. Н. Веселовскаго*. Были прочитаны слѣдующія сообщенія:

1. *Ѳ. А. Браунъ*. А. Н. Веселовскій. Біографія и общая характеристика.
2. *Д. К. Петровъ*. А. Н. Веселовскій и его историческая поэтика.
3. *Е. В. Аничковъ*. А. Н. Веселовскій—фольклористъ и соціологъ.
4. *А. К. Бороздинъ*. А. Н. Веселовскій и изученіе русскаго народнаго эпоса.
5. *С. А. Адріановъ*. А. Н. Веселовскій о Жуковскомъ и Пушкинѣ.

Географическій кружокъ основанъ съ начала текущаго года при С.-Петербургскомъ университетѣ. Въ уставѣ кружка предположено открытіе секціи *Этнографіи*.

Съ цѣлью продолженія изданія извѣстнаго указателя Межова— **Сибирская Библіографія**, изданнаго въ 1892 году, въ Москвѣ образовался особый кружокъ, поставившій себѣ задачей сборку и систематизированіе матеріаловъ для составленія указателя отдѣльныхъ статей и книгъ на всѣхъ языкахъ, касающихся Сибири, начиная съ 1891 года. Всѣ свѣдѣнія и матеріалы предположено записывать по особой системѣ на карты, которыя будутъ храниться въ библіотекѣ Московскаго Университета, гдѣ и сосредоточены всѣ занятія членовъ кружка, распредѣлившихъ между собою предметы библіографированія.

Существующая при отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ особая комиссія работаетъ надъ серьезнымъ и обширно задуманнымъ предпріятіемъ по составленію **діалектологической карты** Россіи.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ на преміи имени М. И. Михельсона назначило слѣдующія задачи:

1) Тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія. 2) Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка. 3) Польскіе элементы въ русскомъ литературномъ языкѣ. 4) Уменьшительныя, увеличительныя и т. п. имена въ русскомъ языкѣ. 5) Слова русскаго языка со звукомъ „х“. 6) Финское вліяніе на лексическую сторону русскаго языка. 7) Иноземные матеріалы по терминологіи художествъ и ремеслъ въ Московской Руси по памятникамъ XV, XVI и XVII столѣтій. 8) Скандинавскіе

элементы въ русскомъ языкѣ. 9) Грамматическія и стилистическія ошибки, вкравшіяся въ современный русскій письменный языкъ. 10) Мадьярское вліяніе на лексическую сторону подкарпатскихъ говоровъ русскаго языка. 11) Сборникъ русскихъ синонимовъ. 12) Греческія заимствованныя слова въ русскомъ языкѣ. Преміи имени М. И. Михельсона устанавливаются трехъ разрядовъ: въ 1.000 р., 500 р. и 300 р. На соисканіе премій имени М. И. Михельсона допускаются какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія указаннымъ задачамъ. Подробнѣе см. въ концѣ этой книги.

Общество исторіи и древностей россійскихъ объявило конкурсъ на премію имени А. П. Бахрушина по исторіи и археологіи Москвы и Московской губерніи. Сочиненія на конкурсъ должны быть представлены къ маю 1909 года. За лучшее сочиненіе назначается премія въ 800 рублей.

Премія имени др-а П. Н. Серебренникова. Въ началѣ 1907 года должно состояться первое присужденіе преміи имени *П. Н. Серебренникова,* выдаваемой автору сочиненія или изданія на русскомъ языкѣ, относящагося къ природѣ, исторіи или жизни Пермскаго края, отпечатаннаго за 2 истекшіе года и признаннаго лучшимъ Особымъ Комитетомъ.

Капиталъ въ размѣрѣ 1.200 руб., находится въ распоряженіи Музея, который начисляетъ на него ежегодно проценты въ размѣрѣ 60 руб. Проценты съ капитала черезъ каждые 2 года (120 руб.) должны выдаваться въ видѣ преміи, безъ всякихъ обязательствъ. Первая выдача преміи произведена была въ мартѣ 1905 г.

Сынъ умершаго въ октябрѣ прошлаго года академика Александра Николаевича Веселовскаго, А. А. Веселовскій, пожертвовалъ въ библіотеку **романо-германскаго** отдѣла историко-филологическаго факультета петербургскаго университета ту часть библіотеки своего отца, которая относится къ названной спеціальности. Покойный А. Н. Веселовскій былъ основателемъ неофилологическаго общества при университетѣ, и его библіотека въ ученомъ мірѣ славится по этой отрасли своею полнотою и богатствомъ. А всѣ книги на славянскихъ языкахъ переданы въ библіотеку **славянскаго** семинарія при томъ же факультетѣ.

22 марта въ Восточномъ Отдѣленіи Императорскаго Археологическаго Общества Э. К. Пекарскимъ былъ прочитанъ докладъ этнографическаго характера на тему: „**Миддендорфъ и его якутскіе тексты**; ихъ значеніе въ лингвистическомъ и бытовомъ отношеніяхъ“. Докладъ этотъ имѣетъ быть напечатанъ въ Запискахъ Общества.

Этнографическая экскурсія въ с. Мартыновичи. (Южное Полѣсье). А. *И.* Зачиняевъ въ декабрѣ 1906 года былъ командированъ Академіей Наукъ въ с. Мартыновичи, Кіевской губ., Радомысльскаго уѣзда, для изученія духовнаго творчества жителей дан-

наго села: 1) пѣсенъ, легендъ, 2) музыки, 3) плясокъ и 4) архитектуры и пр. А. Зачиняевымъ собранъ матеріалъ для характеристики языка и быта, до 500 пѣсенъ комическихъ, лирическихъ, обрядовыхъ, духовныхъ стиховъ и пр. Довольно полно описано „веселле" съ различными обрядами, плясками и пѣснями и заключительнымъ свадебнымъ торжествомъ—вѣнчаніемъ старыхъ. Напѣвы пѣсенъ, равно какъ и музыка подъ пляски записывались фонографомъ. Что касается плясокъ, то А. Зачиняеву не удалось осуществить свое желаніе—записать ихъ посредствомъ кинематографа, за неимѣніемъ такового. Придавая большое значеніе пляскамъ даже въ области пѣсеннаго творчества, собиратель описалъ до 26 различныхъ танцевъ, тщательно отмѣчая ритмъ движеній и составныя части фигуръ, а также и моменты совпаденія ритмическихъ движеній съ музыкальнымъ ритмомъ. Для характеристики архитектуры с. Мартыновичъ А. Зачиняевымъ сдѣлано много фотографій съ построекъ; начерчены планы хатъ, клунь, усадьбы и всего села (общій). Въ распоряженіи собирателя есть прекрасные акварельные рисунки старой колокольни (второй половины XVIII в.), многихъ хатъ и другихъ крестьянскихъ построекъ и видовъ мѣстности, исполненные Ю. Ю. Павловичемъ. Собраны также матеріалы, относящіеся къ костюму и орнаменту. Собиратель отмѣчаетъ, что недостатокъ времени (одинъ мѣсяцъ) не далъ ему возможности полнѣе исчерпать матеріалы, касающіеся художественнаго творчества жителей даннаго села.

S.

По порученію **Этнографическаго Отдѣла** Русскаго Музея Александра III А. К. Сержпутовскій въ теченіе зимнихъ и лѣтнихъ мѣсяцевъ 1906 г. обслѣдовалъ малодоступную полѣсскую часть Бѣлоруссіи по лѣвымъ притокамъ р. Припети и въ разбросанныхъ среди огромныхъ лѣсовъ и топкихъ непроходимыхъ болотъ селеньяхъ полѣшуковъ собралъ Этнографическія коллекціи. Въ составъ коллекціи вошли амулеты, одежда, земледѣльческія орудія, принадлежности тканья, музыкальные, плотничьи и бондарные инструменты, предметы табакокуренія и добыванія огня, принадлежности охоты, рыбной ловли и пчеловодства, посуда, образцы вышивокъ, предметы домашняго обихода и т. п. Всего доставлено въ Музей около 1.000 предметовъ, а также сдѣланы фотографическіе снимки, планы крестьянскихъ дворовъ и чертежи.

Какъ извѣстно, доселѣ въ Средней Азіи не было находимо **орудій каменнаго вѣка**. 11 декабря 1906 года, въ одиннадцатую годовщину основанія Туркестанскаго кружка любителей археологіи состоялось засѣданіе кружка, на которомъ были демонстрированы два каменные наконечника стрѣлъ, найденные топографомъ М. А. Кирхгофомъ къ сѣверу отъ города Туркестана, въ горахъ Кара-тау, по оврагу Бешъ-арыкъ. Наконечники сдѣланы изъ яшмы и относятся, несомнѣнно, къ палеолитическому періоду, но техника работы ихъ весьма высокая. По сосѣдству М. А. Кирхгофомъ найдены **рисунки на скалахъ**, изображающіе различныхъ животныхъ (повидимому, на подобіе тѣхъ рисунковъ, какіе были обслѣдованы въ урочищѣ Саймалы-тасъ близь перевала Ку-гартъ въ Ферганскомъ хребтѣ гене-

ралъ-маіоромъ И. Т. Пославскимъ, а на водораздѣлѣ между ручьями Кара-тасты-булакъ и Кызылъ-булакъ въ Борондлевскихъ горахъ— П. А. Комаровымъ). Въ томъ же засѣданіи И. Т. Пославскій сдѣлалъ подробный докладъ о значеніи настоящей находки.

Племенной составъ населенія Россійской Имперіи. На основаніи данныхъ о переписи народонаселенія (28 января 1897 г.) и соотвѣтственно ежегодному приращенію (1 1/2 проц.), общее количество жителей въ Россіи и Финляндіи къ 1 января 1906 года простиралось до 149.500,000 душъ обоего пола; въ томъ числѣ по племенамъ населеніе распредѣлялось такъ: русскіе 102 мил., тюрко-татарскіе народцы 15 милліоновъ, поляки 9 милліоновъ, финны и сибирскіе инородцы 6 милліоновъ, евреи 6 милліоновъ, литовцы 3 милліона, германцы (нѣмцы, шведы и проч.) 2 1/2 милліона, картвельцы (грузины, имеретины, мингрельцы и сванеты) 2 милліона, армяне 1 1/2 милліона и прочіе 2 1/2 милліона. Итакъ, 2/3 всего состава Имперіи нашей принадлежатъ русскому племени, которое сплошь и всецѣло заселяетъ слѣдующія 9 губерній: Владимірскую, Курскую, Калужскую, Костромскую, Ярославскую, Воронежскую, Орловскую, Рязанскую и Тульскую; нѣсколько меньше (97 проц.) русскаго племени находится въ губерніяхъ: Московской, Новгородской, Смоленской, Полтавской, Тамбовской и Харьковской; что же касается первенствующей на Руси по своему многолюдству губерніи Кіевской (4,148,000 жителей обоего пола), то русское племя составляетъ въ ней 85 проц. и по абсолютному количеству даже одного русскаго населенія (3 1/2 милліона человѣкъ) Кіевская губернія превышаетъ общее количество населенія каждой изъ прочихъ 97 губерній и областей въ Россіи; во всей Финляндіи жителей 2,816 тыс. чел., изъ нихъ финны составляютъ 86 1/2 проц., а шведы 13 проц. и русскіе только 1/2 проц. Въ С.-Петербургской губерніи въ общемъ количествѣ жителей (2 1/2 милліона) русскіе составляютъ 83 проц.; меньше всего русскихъ въ губерніяхъ финляндскихъ (кромѣ Выборгской)— отъ 1 проц. до 1/4 проц., и въ областяхъ: Самаркандской 1 1/2 проц., въ Ферганской 1/2 проц. и Дагестанской 2 проц.; совсѣмъ нѣтъ русскихъ въ губерніяхъ: Абосской, Вазасской, Тавастгустской и Улеаборгской.

Свенъ Гединъ въ Тибетѣ. Получено письмо отъ Свена Гедина, отправленное изъ Шигацзе 9-го февраля, въ которомъ онъ сообщаетъ, что мѣстность между Нагариза и Брамапутрой—одна изъ наиболѣе интересныхъ частей Тибета. Простирающееся на югъ плато, дотолѣ бывшее неизслѣдованнымъ—одно изъ наивысшихъ на всемъ земномъ шарѣ. Изъ Станакбо знаменитый путешественникъ отправился на лодкѣ съ пилигриммами, ѣдущими на новогоднее торжество по рѣкѣ, покрытой плывущими льдинами. Въ Чжасилюмбу Таши лама оказалъ Свену Гедину чрезвычайно радушный пріемъ, сдѣлалъ цѣнные подарки, снабдилъ отрядъ припасами, позволилъ Гедину всюду снимать фотографіи и срисовывать мѣстности. Свенъ Гединъ нынѣ прослѣдовалъ дальше въ неизслѣдованныя мѣстности. (Рейтеръ).

Хроника составлена *Н. Виноградовымъ*

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ на основаніи § 9 Правилъ о преміяхъ имени **М. И. Михельсона** доводитъ до общаго свѣдѣнія, что на настоящее конкурсное трехлѣтіе (1907—1909 гг.) назначены слѣдующія задачи:

1. Тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія.

Выясненіе, какія слова тюркскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ.—Опредѣленіе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюркскихъ нарѣчій до татарскаго нашествія, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюркскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка; 2) систематическаго изслѣдованія русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до середины XIII в., со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ нарѣчій. При опредѣленіи тѣхъ или другихъ заимствованій, должно имѣть въ виду точное, по возможности, пріуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыя представляли тюркскіе говоры[1]. Впрочемъ, въ виду сравнительной скудости матеріала для древнѣйшихъ временъ русской письменности, а также трудности хронологическаго пріуроченія нѣкоторыхъ словъ, изслѣдователю разрѣшается переступить за предѣлъ эпохи татарскаго нашествія, ограничиваясь, однако, тѣмъ условіемъ, чтобы разбираемое слово представляло собою достояніе всего русскаго языка, а не одного или немногихъ говоровъ, въ которые оно могло войти впослѣдствіи, и чтобы оно вообще имѣло признаки, позволяющіе допустить возможность его принадлежности къ порѣ до-татарскаго періода.

2. Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка.

Опредѣленіе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть пріурочено заимствованіе этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранив-

[1]) Результаты изслѣдованія (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

шіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ. Выясненіе, какими путями шли заимствованія изъ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Опредѣленіе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ германскихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ до XV вѣка; 2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія.

Примѣчаніе. Ученая работа, посвященная изслѣдованію однихъ только германскихъ или романскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена преміи.

3. Польскіе элементы въ русскомъ литературномъ языкѣ.

Списокъ словъ, синтаксическихъ оборотовъ и фразъ, перешедшихъ изъ польскаго языка въ русскій литературный языкъ, съ указаніемъ московскихъ текстовъ XVII вѣка и произведеній русскихъ авторовъ XVIII и XIX вѣковъ, гдѣ эти польскіе элементы находятся. Выясненіе путей, которыми они проникли въ русскій языкъ.

4. Уменьшительныя, увеличительныя и т. п. имена въ русскомъ языкѣ.

Списокъ суффиксовъ, посредствомъ которыхъ образуются уменьшительныя, увеличительныя, ласкательныя, презрительныя и т. п. имена существительныя (нарицательныя и собственныя) и прилагательныя въ литературномъ русскомъ языкѣ и въ говорахъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ. Возстановленіе древнѣйшихъ (обще-славянскихъ) звуковыхъ формъ этихъ суффиксовъ. Родственные суффиксы однородныхъ именъ въ другихъ славянскихъ языкахъ и въ главныхъ изъ индо-европейскихъ языковъ.

5. Слова русскаго языка со звукомъ «x».

Фонетическія условія происхожденія звука „*x*“ въ общеславянскомъ языкѣ, разсматриваемомъ въ его отношеніяхъ къ балтійскимъ и другимъ родственнымъ языкамъ. Общеславянскія заимствованныя слова со звукомъ „*x*“ или съ его фонетическими измѣненіями. Списокъ случаевъ (основъ и суффиксовъ), въ которыхъ русскій языкъ имѣетъ общеславянское „*x*“, въ сопоставленіи со свидѣтельствами другихъ славянскихъ языковъ и съ указаніемъ для каждаго случая на языки, изъ которыхъ опредѣляется происхожденіе „*x*“ въ общеславянскомъ языкѣ. Другіе случаи звуки „*x*“ въ словахъ русскаго

языка: „*x*" какъ измѣненіе другого звука въ русскомъ языкѣ; „*x*" въ словахъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ; неясныя по происхожденію русскія слова со звукомъ „*x*".

6. Финское вліяніе на лексическую сторону русскаго языка.

Древній слой заимствованій, ведущій свое начало изъ древнѣйшей поры русско-финскихъ сношеній. Новѣйшія областныя заимствованія (главнымъ образомъ въ сѣверно-великорусскомъ), объясняющіяся позднѣйшимъ сосѣдствомъ съ финнами. Желательно разграниченіе заимствованій изъ восточныхъ и западныхъ финскихъ языковъ.

7. Иноземные матеріалы по терминологіи художествъ и ремеслъ въ Московской Руси по памятникамъ XV, XVI и XVIII столѣтій.

Предлагается собрать иноземные слова и термины, относящіеся къ художествамъ и ремесламъ, и заключающіеся въ письменныхъ памятникахъ XV—XVII столѣтій, и сообщить реальное значеніе термина съ объясненіемъ его происхожденія.

8. Скандинавскіе элементы въ русскомъ языкѣ.

Слова скандинавскаго происхожденія: а) въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка; б) въ отдѣльныхъ говорахъ (насколько имѣется матеріалъ по этимъ говорамъ); в) въ литературномъ языкѣ.

Слова скандинавскаго происхожденія: 1) встрѣчающіяся тоже въ языкахъ балтійскихъ: древне-прусскомъ, литовскомъ и латышскомъ, 2) встрѣчаемыя тоже въ другихъ языкахъ славянскихъ, 3) составляющія исключительную принадлежность русскихъ Славянъ (или всѣхъ, или же только великоруссовъ, въ отличіе отъ малоруссовъ).

Собственныя имена и мѣстныя названія, обязанныя своимъ возникновеніемъ скандинавскому вліянію.

Къ систематическому обозрѣнію матеріала должны быть приложены, со ссылками на §§ сочиненія, алфавитные списки (словари) всѣхъ разсмотрѣнныхъ словъ и выраженій: 1) русскихъ; 2) скандинавскихъ.

9. Грамматическія и стилистическія ошибки, вкравшіяся въ современный русскій письменный языкъ.

Собраніе, по возможности, обширнаго количества примѣровъ ошибочнаго употребленія словъ, оборотовъ и грамматическихъ формъ изъ языка писателей, ученыхъ и публицистовъ. Распредѣленіе собраннаго матеріала по категоріямъ или въ алфавитномъ порядкѣ. Указаніе происхожденія отдѣльныхъ ошибокъ (варваризмы, провинціализмы и т. д.).

10. Мадьярское вліяніе на лексическую сторону подкарпатскихъ говоровъ русскаго языка.

Прослѣдить это вліяніе по памятникамъ письменности и даннымъ фольклора, чтобы опредѣлить возрастъ заимствованныхъ изъ мадьярскаго словъ и площадь ихъ распространенія. Въ списокъ такихъ словъ должны быть включены сверхъ нарицательныхъ и обственныя, встрѣчающіяся въ названіяхъ личныхъ и мѣстныхъ.

11. Сборникъ русскихъ синонимовъ.

Собраніе синонимовъ съ примѣрами, по возможности, изъ извѣстныхъ русскихъ писателей. Желательно, чтобы была использована литература по русской синонимикѣ первой половины XIX вѣка.

12. Греческія заимствованныя слова въ русскомъ языкѣ.

Указаніе греческихъ элементовъ въ памятникахъ русской письменности, современныхъ русскихъ говорахъ (великорусскихъ, малорусскихъ, бѣлорусскихъ), а также въ условныхъ (офенскихъ) языкахъ. Указаніе періодовъ заимствованія, путей, которыми они проникали въ русскій языкъ, и опредѣленіе географическаго распространенія каждаго слова въ греческомъ языкѣ. Желательно использованіе всего матеріала для исторической грамматики греческаго и русскаго языковъ.

§§ 4, 5 и 7 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона.

Преміи имени М. И. Михельсона устанавливаются трехъ разрядовъ: въ 1.000 р., 500 р. и 300 р.

Преміи имени М. И. Михельсона присуждаются каждые три года, начиная съ 16 декабря 1900 года. Сочиненія на соисканіе этихъ премій должны быть представляемы не позднѣе 1 марта послѣдняго года конкурснаго трехлѣтія[1]).

На соисканіе премій имени М. И. Михельсона допускаются, какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявляемымъ при началѣ каждаго конкурснаго трехлѣтія особою комиссіею, которая образуется при Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

---

[1]) Сочиненія на объявленныя нынѣ задачи должны быть представлены не позднѣе 1-го марта 1909 года—печатныя въ двухъ, рукописныя въ одномъ экземплярѣ и адресованы на имя непремѣннаго секретаря Императорской Академіи Наукъ.

Николай Виноградовъ.

ЗАГОВОРЫ, ОБЕРЕГИ,

СПАСИТЕЛЬНЫЯ МОЛИТВЫ

И ПРОЧ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Кº), Фонтанка, 117.
1907.

Заговоры, обереги, спасительныя молитвы и проч.

(По стариннымъ рукописямъ и современнымъ записямъ).

При собираніи памятниковъ народной словесности особенно трудно бываетъ добиться возможности записать заговоръ. Это отмѣчено многими собирателями, и мнѣ пришлось испытать ту же участь. Я не говорю уже о времени моего перваго появленія въ той или иной мѣстности, но даже и тогда, когда ко мнѣ привыкали, когда крестьяне сами приходили съ предложеніемъ записать то или другое, предлагали переписать или купить какую нибудь тетрадку,—даже и тогда я считалъ особенно удачнымъ тотъ день, когда мнѣ удавалось записать заговоръ.

Заговоры стали рѣдки. Записать заговоръ нынче трудно. Причины этого явленія разнообразны. Прежде всего, самыхъ заговоровъ стало меньше. Въ очень многихъ мѣстностяхъ (я здѣсь имѣю въ виду преимущественно Костромскую и отчасти смежныя губерніи), съ развитіемъ грамотности и увеличеніемъ числа школъ, совершенно исчезла вѣра въ цѣлебную силу заговора. Понемногу перемерли представители стараго поколѣнія—всѣ эти „колдуны", „вѣдуны", „ворожцы" вмѣстѣ съ „колдуньями", „вѣдуньями" и „ворожеями". Всѣ они сошли со сцены, отягощенные тяжелымъ бременемъ. Не смотря на страшныя предсмертныя муки, они не могли передать своихъ тайнъ—некому было ихъ передать. *Въ это* больше не вѣрили. Вмѣстѣ съ колдунами исчезли и ихъ заговоры, наговоры и приговоры. Собиратель произведеній народнаго творчества лишь изрѣдка кое-гдѣ еще можетъ натолкнуться на случайно запомненный заговоръ (по большей части—обрывокъ) или какъ нибудь уцѣлѣвшую тетрадку. Уцѣлѣвшую, обыкновенно,—потому, что бумага ея, по своей толщинѣ, не годится на „цыгарки".

Кромѣ того, вездѣ приходится считаться съ широко распространившимся убѣжденіемъ, что заговоръ дѣйствуетъ только въ томъ случаѣ, когда его знаетъ только одинъ человѣкъ. Сообщая заговоръ кому бы то ни было, колдунъ тѣмъ самымъ передаетъ и всю его силу. А кто же захочетъ потерять всѣ преимущества своего положенія? И рѣдко, очень рѣдко можно услышать заговоръ изъ устъ самого вѣдуна. Здѣсь мнѣ пришлось столкнуться съ любопытнымъ явленіемъ, своего рода „обходомъ закона". Не желая разстаться съ своею силою, но, въ тоже время, считая не лишнимъ получить „нѣкую мзду" за свои знанія, „знающіе люди" присылали свои тетрадки съ заговорами, или же нарочно писали заговоры, а кто нибудь изъ родныхъ продавалъ ихъ мнѣ. Когда колдунъ не *самъ* сказывалъ заговоръ, когда это дѣлалось безъ него и какъ бы помимо его воли—тогда, по его мнѣнію, сила заговора сохранялась. Такъ все совершалось къ обоюдному удовольствію. И волки были сыты, и овцы цѣлы.

Наконецъ, всѣ эти „колдуны", вѣдуны" и т. под. встрѣчаются сравнительно рѣдко,—всѣ они крайне осторожны и, зачастую, нелюдимы. Въ то время, какъ отъ перваго встрѣчнаго парня или дѣвицы вы можете записать пѣсню, сказку, загадку и т. д.—„знающаго" человѣка нужно разыскать, а разыскавши, „походитъ около него" не мало времени, прежде чѣмъ онъ согласится повѣдать что нибудь.

Поэтому-то такъ и рѣдки большія собранія заговоровъ, да и маленькихъ сборничковъ за послѣднее время почти совсѣмъ не выходитъ.

Съ теченіемъ времени, не смотря на всѣ неудобства собиранія, у меня накопилось порядочное количество заговоровъ, которые въ настоящемъ изданіи я и предлагаю вниманію изслѣдователей. Ближайшею причиною изданія этого, сравнительно небольшого, собранія заговоровъ служитъ то обстоятельство, что въ недалекомъ будущемъ я оканчиваю курсъ университетскихъ занятій и считаю для себя возможнымъ перейти отъ собиранія матеріаловъ къ ихъ изслѣдованію. Одновременно, если только найдется мѣсто въ какихъ либо изданіяхъ, я подведу итоги своей собирательской дѣятельности и въ другихъ областяхъ народной словесности.

Въ заключеніе—нѣсколько словъ о распредѣленіи матеріала Число всѣхъ заговоровъ, которые будутъ помѣщены здѣсь до

стигаетъ 300 и, можетъ быть, болѣе. Первоначально я хотѣлъ разбить ихъ на отдѣльныя категоріи, по родамъ. Но впослѣдствіи отказался отъ этого намѣренія. Причины этого слѣдующія. Во-первыхъ, нѣкоторые заговоры имѣютъ силу разомъ противъ нѣсколькихъ болѣзней или употребляются при различныхъ обстоятельствахъ, — напр.: свадебные обереги, по уничтоженіи спеціальныхъ чертъ, служатъ заговорами противъ порчи вообще и т. д. Во-вторыхъ, вмѣстѣ съ распредѣленіемъ заговоровъ по группамъ, уничтожится и вся цѣлостность представленія, вся прелесть непосредственности, какою вѣетъ, наприм., отъ печатаемой первою тетрадки „діякона Петра". Только помѣщенная цѣликомъ, въ своей полной неприкосновенности, она является документомъ, ярко характеризующимъ, какъ самого этого „раба Божія", такъ и окружающую его среду. Наконецъ, заговоры все еще продолжаютъ поступать, да и самъ я въ теченіе наступающаго лѣта думаю записать кое что—такъ что во всякомъ случаѣ понадобились бы дополненія и система все равно была бы нарушена.

Поэтому заговоры будутъ печататься по тетрадкамъ и сборничкамъ, въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они расположены въ подлинникѣ. Современныя записи будутъ сгруппированы около именъ „вѣдуновъ", сообщившихъ ту или иную группу заговоровъ. Въ концѣ изданія будутъ помѣщены подробные указатели заговоровъ, характеристика колдуна, различные пріемы и способы колдовства и ворожбы и нѣкоторыя другія дополненія.

Всѣ замѣчанія по поводу рукописей и содержащихся въ нихъ отдѣльныхъ заговоровъ, принадлежащія мнѣ, въ текстѣ поставлены въ квадратныя скобки. Многоточія и пропуски въ текстѣ работы указываютъ на дефекты рукописей и неразобранныя мѣста.

Н. Виноградовъ.

I.

[Рукопись въ восьмую долю, на 15 ненумерованныхъ листахъ; филиграни, вслѣдствіе плохого качества бумаги и испорченности рукописи, видны плохо, можно разобрать только одну букву Ф; судя по упоминанію имени „Государя нашего Александра Павловича“, ее нужно отнести къ началу XIX вѣка. Такъ какъ въ текстѣ встрѣчается рядъ поправокъ и зачеркнутыхъ мѣстъ, то можно думать, что рукопись въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, частяхъ переписана съ болѣе ранняго оригинала. Отъ перваго листа осталась незначительная часть съ надписью „сія тетрать раба Божія діякона Петра.... [Во]логоцкой губерни, Тотемскаго у.... церкви се....“ Нѣсколько выше еще надпись: „....на всякое дѣло пригодна.... хорошо списана“... Конецъ рукописи утраченъ. Вся рукопись сильно разбита (была нѣсколько разъ сшита), края и углы оборваны и засалены; масса пятенъ и затертыхъ мѣстъ, сильно затрудняющихъ (иногда до невозможности) чтеніе. Вообще видно, что рукопись была въ постоянномъ употребленіи въ теченіе продолжительнаго періода времени].

№ 1. Заговоръ на любовь у начальства и всѣхъ людей.

.... [Помяни], Господи, Давыда и всю кротость! Какъ бы... ... зла и лиха подумать и вратъ отворить и......хъ выговорить, такъ бы кланялися и покланялися мнѣ, рабу Божію Петру, всѣ князи и вельможи, архиереи и архимандриты, и всѣ пестрыя власти, мужи и жены, и красныя дѣвицы, и весь народъ Божій не могли бы на меня, раба Божія Петра, подумать зла и лиха, и вратъ отворить, слово выговорить; обливалися бы матерьнимъ сердцемъ; обливалися бы духовною кровію. Помяни, Господи, Давыда и кротость его! Какъ идетъ Логинъ сотникъ въ Іустинову полату и... Устинова полата велми потрясеся, и какъ на Логина не могли сотника злыя супостаты—глагольскія уста ихъ оловомъ заливалися, языкъ ихъ оддеревенѣлъ. Пойду я, рабъ Божій Петръ, въ чистое поле, въ подвосточную сто-

рону. Есть въ чистомъ полѣ, въ подвосточной сторонѣ три дуба вмѣстѣ вершинами свились; такъ бы вились около меня, раба Божія Петра, князи и всякіе вельможи, рабы Божіи, архіереи и архимандриты, священники и дьяконы, и дьяконицы, генералы федъмаръшалы, начальники и подданные, и всѣ нестрыя власти, мужи и жены, и красныя дѣвицы, и весь народъ Божій. Какъ бы я, рабъ Божій Петръ, въ день и въ полдень, въ ночь и въ полночь, въ часу и въ полчасу, въ мѣсецъ и въ полумѣсецъ, на молоду и на ветху, на ущербѣ и на исходѣ, и на перекроѣ ко всѣмъ властямъ, какъ всѣ вельможи рабу Божію Петру возрадовалися восхожему красному солнышку и молодому мѣсяцу, и свѣтлому Христову Воскресенію, Великому дню, такъ бы возрадовалися моему прихожеству, рабу Божію Петру, всѣ князи и великіе вельможи, рабы Божіи, архіереи и архимандриты, священники и священницы, дьяконы и дьяконицы, генералы федъмаръшалы, начальники и подначальники, всѣ пестрыя власти, мужіи и жены, и красныя дѣвицы, и весь народъ Божій. Будите мои слова полны и велики, и сильны, и великія, и сильныя, и вострыя—вострѣй вострова меча, вострея копья, булатнова ножа; чтобы мои слова съ бѣлаго полотна и съ меня, раба Божія Петра, вѣтромъ бы не снесло и дождемъ бы не смыло всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь, аминь, аминь!

№ 2. Молитва отъ злого человѣка.

Отъ злыхъ дѣлъ, отъ злыхъ людей, отъ твоихъ Божіихъ премудрыхъ словахъ утвердилъ небо и землю, солнце и мѣсяцъ, луну и звѣзды Господню. И такъ утверди сердце человѣка (имя рекъ) по стопами и по заповѣдями. Небо—ключъ, земля—замокъ; тому ключи наружному. Такъ тынъ, надъ аминями аминь. Аминь.

Говорить на сонъ трижды и плюнути.

№ 3.

Аще ли хощеть, прииди, посмотри прыскъ Пресвятыя Богородицы лицо траву. Аминь.

[Эта маленькая замѣтка, неопредѣленнаго содержанія, очевидно, не закончена, несмотря на заключительное „Аминь“, такъ какъ далѣе около трети страницы не записано. Да и по смыслу выходитъ то же].

№ 4. Молитва въ путь идущимъ.

Господи, Боже нашъ, въ путь шествовавы угоднику своему Иякову и состранствовали рабу Своему Иосифу, спутешествую (имя рекъ) рабу Твоему, Владыка, изми отъ искушенія, разбойства и всякаго навѣта въ мирѣ и пространствѣ; благоустави всякъ творяща и промыслъ по заповедемъ Твоимъ, изполни жити съ нимъ бывшихъ, паки возратися и благоволи, яко Твое есть царство, сила и слава Отца и Сына, и Святаго Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь!

[Эта молитва уже, вѣроятно, собственное произведеніе „раба Божія, діякона Петра", составленное по образцу молитвъ этого типа, находящихся въ „Требникѣ"].

№ 5. На недруги и въ судъ.

Водою мойся, хошъ по вся дни, и ходи ты ко властителю и ко всякому миру; да трижды съ молитвами говорить, разпуща замокъ, сотвори Аминь, говорить трижды, да поди на недруги и на судъ, а замокъ замкни и возми съ собой.

[Этотъ отрывокъ, описывающій ритуалъ заговора „на недруги и на судъ", можно, мнѣ думается, считать замѣткой, занесенной только въ общихъ чертахъ, для памяти, такъ какъ она помѣщена тѣсно между предыдущей молитвой и послѣдующимъ заговоромъ и отчеркнута сверху и снизу. О водѣ см. также № 16].

№ 6. Заговоръ на супостатовъ.

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Господи, благослови, Отче Небесный, бы я покровенъ облаками, сы покрылъ солнце мене одесную, а мѣсяцъ ошую. И я, рабъ Божій, имя рекъ [1])

. . . .

Господи, помози, завяжи, Господи, уста супостатомъ моимъ, тому (имя рекъ) предо мною и по мнѣ съ обѣ стороны, по мнѣ говорить, по рабѣ Божіи (имя рекъ), на него, раба Божія (имя рекъ) всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

№ 7. Заговоръ на уваженіе и страхъ.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Благослови Царь Небесный, раба Божія (имя рекъ). Какъ царю покланяются

---

[1]) Далѣе, очевидно, утраченъ одинъ листъ.

князи и бояра, и всѣ служившіе люди, и всѣ рабы трепетны боятся царя,—каждый бы покланялся и боялся, и творилъ бы Божіи власти (имя рекъ) боярамъ, и тѣ рабы Божіи ко мнѣ, рабу Божію (имя рекъ), трепетны были и боялись бы меня, раба Божія.

№ 8. На которой дворъ идешь, къ воротамъ глаголи:

Какъ притворная верея стоитъ у двора крѣпко, такъ бы стоялъ тотъ власть, рабъ Божій, безъ ярости (имя рекъ) предо мною рабомъ Божіимъ; и какъ воротамъ къ вереи притворяютъ—и такъ бы поклонялися они (имя рекъ) мнѣ, рабу Божію (имя рекъ), и уничтожались бы предо мною, рабомъ Божіимъ: мои очи—волчьи, а ихъ очи овечьи.

А перстъ свой лизни безъимянный да помажь ворота и верею, и притворную тайно, и подворотню страти . . . . . . изреченный, будите ми помошники рабу своему, имя реку, въ печалехъ и во скорбехъ, и въ бѣдахъ, и въ напастехъ сотворите мя честна у царя и у князя, и властей всихъ. Іисусъ Христосъ, Царь небесный. Аминь.

[Далѣе слѣдуетъ изображеніе осьмиконечнаго креста (выс. 2 снт., ш. 1,5 снт.) съ соотвѣтствующими надписями и аттрибутами. Сверху надпись: „Крестъ святый", внизу подпись—„Аминь"].

№ 9. Молитва „на прогнаніе всякаго врага и супостата".

Крестъ Христовъ, ангелъ святый, чудо святого Іисуса Христа, Бога нашего, во адъ сшедшаго и поправшаго вражію силу всю, и давшаго намъ крестъ свой святый на прогнаніе всякаго врага и супостата. О, пречестный и животворящій Кресте Господень! помогай ми со своею Богородицею и со всѣми святыми небесными силами всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

[Эта молитва является сокращеніемъ и искаженіемъ извѣстной молитвы „Да воскреснетъ Богъ"...]

№ 10а. Молитва Михаилу и Гавріилу архангеламъ.

Господи, Боже, великій, безначальный, Царь небесный, пошли архангеловъ Своихъ Михаила и Гавріила на помощь рабу своему (имя реку) и взяти ми отъ враговъ моихъ видимыхъ и

невидимыхъ. Господи, Господи великій, на раба своего (имя рекъ) Господи, Господи, великій архистратизе, демоновъ сокрушницы, запретите всѣмъ врагамъ, борющимся со мною, и сотворите ихъ, яко отъца, и сокрушите, яко прахъ предъ лицемъ вѣтру. Господи, Господи, велики архангелы Михаиле и Гавріиле, шестокрилаты воеводы небесныхъ силъ, херувимы и серафими, и всѣхъ ангеловъ и архангеловъ, страшный и чудесный, и честны, и велики Михаиле и Гавріиле, архистратизе неизреченный, и будите ми помощники, рабу своему (имя реку) въ печалехъ и въ скорбехъ, и въ бѣдахъ; сотворите мя честна у царя и у властей, и у князей, и у вельможъ и у людей; избавите мя, раба своего, и прелестей диявольскихъ. Господи, Господи велики, Михаиле и Гавріиле архистратизи, когда услышите глаголъ раба своего (имя река), призывающаго васъ на помощь себѣ, скорите на помощь мою и побѣдите вся противящіяся мое, отжените отъ меня всякаго врага и супостата и оградите мя силою Святаго Духа и молитвами Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснадѣвы Маріи, святыхъ небесныхъ силъ, ангелъ и архангелъ, и святыхъ апостоловъ, пророковъ и святыхъ святителей, преподобныхъ отецъ, праведниковъ и безсребрениковъ, и святыхъ мучениковъ, и мученицъ, преподобныхъ женъ и всѣхъ святыхъ отецъ молитвами великимъ воеводамъ небесныхъ силъ. Архангелы Михаиле и Гавріиле, помози рабу своему (имя реку) избавите мя отъ труса и отъ всякаго врага, и лести діявольскихъ и злаго человѣка, зло мышлящаго на мя, ненавидящихъ мене; и сохрани мя отъ всякаго недуга и отъ всякія притчи; избавите мя, миро благословенное, раба своего (имя река) и будете ми помощники и защитники въ бѣдахъ и въ скорбяхъ, и въ печаляхъ, въ пустыняхъ и на распутіяхъ, и на рѣкахъ; избавите мя отъ всякаго труса и потопа, огня, огненнаго меча и напрасныя смерти, и отъ всякаго врага льстива, и буря носимый и отъ всякаго лиха человѣка избавите мя, великіе архистратизе Михаиле, Гавріиле, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

[Подобныя только что приведенной молитвы Михаилу или Гавріилу архангеламъ, или обоимъ вмѣстѣ, были широко распространены среди народа: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ поглуше онѣ и въ настоящее время еще въ большомъ ходу. Въ краткой редакціи молитвы эти помѣщались обыкновенно въ видѣ подписей подъ лубочными картинами съ изображеніями

архангеловъ. (Срвн. Д. Ровинскій. Русскія народныя картинки, кн. III, №№ 546—1548).

Для сравненія, а также и для нагляднаго уясненія, въ какую сторону шла переработка и какимъ путемъ молитвы постепенно переходили въ заговоры, я помѣщаю здѣсь же доставленную мнѣ М. Б. Едемскимъ подпись съ картины того же Михаила архангела (у Ровинскаго не отмѣчена) изъ Вологодской губ., Тотемскаго уѣзда. Эта молитва является посредствующимъ звеномъ между краткой редакціей, приведенной у Ровинскаго, и молитвой-заговоромъ „діякона Петра"].

№ 10b. Молитва Михаилу Архангелу Грозному Воеводѣ Небесныхъ силъ.

Господи Боже Великій Царю Безначальный Пошли Господи Архангела своего Михаила на помощь рабу своему (имя рекъ) изъяти мя отъ врагъ моихъ видимыхъ и невидимыхъ. Господенъ Архангеле Михаиле, излей мира благого на раба своего (имя рекъ). О Господенъ Великій Архангеле Михаиле демоновъ сокрушителю запрети всѣхъ враговъ борющимся со мною сотвори ихъ яко овцы и сокруши ихъ яко прахъ предъ лицомъ вѣтра. О Господенъ Великій Михаила Архангела шестикрылатіи первый княже и воевода небесныхъ силъ Херувимъ и всѣхъ святыхъ.

О Чудный Архангеле Михаиле Хранителю Неизреченный, буди ми помощь во всемъ: во обидахъ, въ скорбяхъ, въ печалехъ, въ пустыняхъ, на распутіи и на рѣки и на моря тихое пристанище, избави мя Великій Михаиле Архангеле, отвсякія прелѣсти дьявольскія егда услыши мя грѣшнаго раба своего (имя рекъ) молящагося тебѣ и призывающаго имя Твое Святое ускори на помощь мою и услыши молитву мою. О Великій Архангеле Михаиле побѣди вся противящіяся мне силою чеснаго и животворящаго Креста Господня Молитвами Пресвятыя Богородицы и Святыхъ Ангелъ и Святаго Великаго Николая Чудотворца и Святаго Пророка Ильи и Святыхъ Великомученикъ Никиты и Евстафія и Преподобныхъ отцовъ Святыхъ Святителей и мученикъ и всѣхъ святыхъ небесныхъ силъ. Аминь.

О Великій Архангеле Михаиле помози мнѣ грѣшному рабу своему (имя рекъ) избави мя оттруса и потопа, огня и меча и отъ напрасныя смерти и отвсякаго зла, и врага льстиваго и отъ бури наносныя и отъ лукаваго избави мя Великій

[1]) Печатается съ соблюденіемъ правописанія подлинника.

Михаиле Архангеле Господенъ всегда ныне и присно и вовѣки вѣковъ аминь.

Аще который человѣкъ котораго дни прочитаетъ молитву сію и того дни не прикоснется къ нему дьяволъ незлой человѣкъ нилѣностію блазнится сердце его аще или человѣкъ преставится отъ житія сего, то надъ душой его не приметъ силы.

№ 11. И по сей Ангелу Хранителю.

Ангеле Христовъ, святый хранителю мой и покровителю души и тѣлу моему и вся ми прости, елика ти согрѣшихъ въ день и въ ночь сію словомъ и дѣломъ, и помышленіемъ; отъ всякаго лукавствія противнаго врага и супостата избави мя, да ни въ коемъ же греси прогнѣваю Бога моего; но моли за мя грѣшнаго и недостойнаго раба твоего (имя рекъ), яко достойна мя покажи благости и милости, и святыя Троицы, и матери Господа Бога моего всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

[Эта, здѣсь искаженная, церковная молитва Ангелу Хранителю помѣщалась на лубочныхъ картинкахъ].

№ 12. Заговоръ заградить уста супостату.

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Одѣяйся небомъ, покрывайся облаками, препоясайся поясомъ и силою Пречистыя Богородицы и святыми ангелы ея. Святая Богородица, со ангелами своими святыми, помози мнѣ грѣшному рабу своему (имя реку), и загради моему супостату уста, да не возмогутъ на мя глаголати зла. Ангелы и святые мои со мною, солнце одесную, мѣсяцъ ошую раба Божія (имя река), звѣзды на главѣ моей. Аминь 3-жды.

[Очень любопытный заговоръ, вѣроятно, составленный самимъ владѣльцемъ тетрадки изъ молитвъ и заговора].

№ 13. Заговоръ противъ супостата.

Какъ звѣзды отъ буйнаго вѣтра померкнутъ, такъ бы у моего супостата сердце и уста бы у него померкли; и какъ мертвый онѣмѣлъ, такъ бы тотъ мой супостатъ онѣмѣлъ и не возмогъ бы противъ меня глаголати; и какъ мертвый на свѣтъ не зритъ, такъ бы и тотъ мой супостатъ не возмогъ бы на меня зрить и противъ меня глаголати, раба Божія (имя река). Аминь.

№ 14. Сонъ Пресвятой Богородицы.

Царь небесный, Солнце. Сонъ пресвятей Богородицѣ. Уснула пречистая Богородица въ городѣ въ Виѳлеемѣ и пришелъ къ ней Іисусъ Христосъ, ей любезный сынъ, и рече ей: „Мати моя, слышишь ли или спишь?“ И рече святая Богородица:—уснула боло слатко, а ты меня разбудилъ!—Рече ей Іисусъ Христосъ: „да что во снѣ видѣла?“ И рече святая Богородица: — Видѣла всье дивное: Тебя, Господа Іисуса Христа поимана и приведена предъ градъ, предъ Каіафу и предъ Кану, и предъ Пилата, и преданъ Іудеемъ, и у столба привязана, и поругана, и на крестѣ распята, изъ твоея святыя главы крофъ течетъ и вода . . . . яко кора отъ древа падетъ.—И рече ей Іисусъ: „Воистину сей праведенъ сонъ твой!“ Аминь.

№ 15. Молитва на прогнаніе отъ всякаго зла. [1])

Сія мѣра взята бысть во Царе-Граде пястій 5-ти есть. Мѣра златаго креста Господня, еюже можетъ мѣряти небесную высоту и земную долготу. Который человѣкъ на кой день зритъ на сію грамоту, на тотъ день напрасною смертію не умретъ; сію грамоту на судѣ неправедны, судъ того человѣка не судятъ, предпріиметъ ему смертны; а имѣетъ сію грамоту собѣ, кромѣ ей злы, а твоей душой не приемлетъ. Ангелы Ерогъ, Салеванилъ, Громожанилъ у всѣхъ пріуготованныхъ. Аще кто носитъ на себѣ мѣру сію, не боится зла человѣка, не чадо адовитаго, ни желѣза, ни притчи, ни жены злыя пакости сотворити не возмогутъ. Крестъ спаси и помози ми и помяни. Ангелы: Анутарасій, Восилутаръ, Еспъфедаръ, Накътъ первенецъ, правда, премудрость, крѣпость, поламраръ есть ми Матвѣй, Варфоломей и Вселъсаморъ. Господа Бога нашего Іисуса Христа Отецъ есть Саваофъ и Сынъ, и Святый Духъ, единъ Господь святый; и добро есть человѣку носити святи сіи вся спасенія имена. Апостоле Павелъ принесе въ церковь нараколовъ и отъемлема, дондеже призре Господь насъ грѣшныхъ, не остави насъ кромѣ твоего заступленія и избави Владыко многомилостиве помилуй раба своего (имя рекъ) отъ всякаго зла человѣка, и отъ всякой напасти. Аминь. 3-жды говорить.

[1]) Сбоку заглавія въ квадратѣ написано „Іисусъ“, подъ титломъ.

№ 16. О водѣ.

Преблагословенна въ вѣкъ вода почерпнути въ судно, да отрѣзати крайчикъ хлѣба, да тѣмъ крайчикомъ та вода перекрестить, да въ ту же воду положить, да перекрестить Новогороцкую, да въ ту же воду положить, да тою же водою Новогороцкою перекрестить, да въ ту же воду и положить, и да въ ту же воду говорить молитвы сія 3-жды. Да дуть на ту же воду 3-жды.

№ 17. Заговоръ на любовь раба Божія (имя рекъ).

Господи, благослови, отче! Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Святый Отецъ Господь и пречистая ти Мати, святый Козма и Даміянъ пристали тутъ къ моимъ словамъ и слове самъ святыми; родительское око, матерне бы сердце, како бы и до меня раба Божія (имя река) были добры, какъ отецъ и мать до чадъ своихъ и какъ я рабъ до сестры—и такъ бы тотъ рабъ Божій (имя рекъ) до меня, раба (имя река), и какъ родъ и племя и всего дѣтки свои до своей животъ во вѣки вѣковъ. Аминь. Аминь. Аминь.

Конецъ.

[Послѣ этой молитвы-заговора слѣдуетъ написанное сполна евангеліе, читаемое въ первый день Пасхи, на литургіи (1-е зачало отъ Іоанна, гл. I, ст. 1—16). Текстъ написанъ довольно правильно, съ небольшими сравнительно искаженіями. Вслѣдъ за текстомъ замѣчаніе: „читать съ конца“. Это указываетъ на то, что данный текстъ игралъ роль заговора. Многія церковныя молитвы, прочитанныя съ конца въ извѣстное время и съ извѣстными обрядами, обладаютъ, по мнѣнію „вѣдуновъ“, страшною силою. Еще большую силу имѣютъ различныя части пасхальной обѣдни и заутрени, прочитанныя въ 1-й день Пасхи въ церкви съ конца, при чемъ дѣлающій заклинанія долженъ быть безъ креста [1]).

Далѣе, почти всю страницу занимаетъ изображеніе осьмиконечнаго креста съ подножіемъ (выс. 14 снт., ш. 7,5 снт.). Кромѣ обычныхъ надписей и аттрибутовъ, по бокамъ креста расположены еще слѣдующія: „Распятіе Господа нашего Іисуса Христа“, „Святый Боже...“, „Кресту Твоему...“, „Христосъ воскресе“... православнаго типа; отдѣльныя выраженія изъ „Канона Честному Кресту“, обозначаемыя обыкновенно только иниціалами].

[1]) См. мою работу „Описаніе пчеловодства Шишкинской вол. Костромского уѣзда“. Кострома, 1904, стр. 77—о пчеловодныхъ суевѣріяхъ.

№ 18. Заговоръ отъ уро[ко]въ.

Господи, Боже, благослови, отче! Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Уговариваю я азъ, рабъ Божій (имя рекъ), иглу, булавку, укладъ и желѣзо, тѣло въ рѣпу; кость въ воду. Вода тиха, звѣзда чиста. Ни отъ оборотней—цвѣты, ни отъ камня—плода, ни отъ меня, раба Божія (имя рекъ), не руды, ни крови, ни щепоты, ни болѣзни, ни коея тягости. Всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

№ 19. Заговоръ отъ уроковъ, призоровъ, прикосовъ etc.

Господи, благослови углемъ засвѣтить. Господи, Боже, благослови, отче! Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Во всей земли подъ краснымъ а подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ, въ нощь по всей светаруской земли, турской, литовской, нѣмецкой, крымской, по буръсаманской... Есть на семъ бѣломъ свѣтѣ, во Іерусалимѣ градѣ, гдѣ пострада Господь нашъ Іисусъ Христосъ, насъ ради плотію смерть вкуси; и порожденъ бысть нашъ Іисусъ Христосъ въ Вифлиемѣ градѣ; и крещеніе получа отъ Іоанна Предтечи во Іорданѣ рѣкѣ, которая рѣка изъ раю течетъ; и воспитапъ бысть нашъ Іисусъ Христосъ въ Святой горѣ, въ вертепѣ, надъ святою рѣкою, надъ Ердапомъ; и близь святаго Іордана стоитъ святая Фаворская гора; и на той святой Фаворской горѣ лежитъ бѣлъ Латырь-камень; и на томъ бѣломъ камени сидитъ пречистая Богородица, Христа царя мати, прядетъ шелковъ Хр....ту на пелену, и, отпрявши, смотала и выткала, и мыла во Іорданѣ, рѣкѣ, и въ то время нашли на раба Божія, или на рабу Божію (имя рекъ), притчи и прикосы, уроки и призоры, щепота и ломота, и всякіе уговоры дневные и ношные, и переполохи, и зъмолитца рабъ Божій (имя рекъ): пречистая Богородица, послушлива есть пречистая Богородица и до малыхъ младенцевъ милостива; пріиде пречистая Богородица съ берчатою пеленою къ рабу Божію (имя рекъ) и станетъ вытирати притчи и прикосы, уроки и призоры, щепоту и ломоту, и всякіе уговоры, дневные и ношные переполохи изъ сего мозгу, изъ главы, изъ очей, изо всего бѣлаго тѣла, изъ его семъдесятъ дву суставовъ, изъ его семьдесятъ дву жилъ, ручьныхъ и ножныхъ, и лакотныхъ, и вы, притчи, прикосы, уроки, призоры, щепота и ломота, отъидите отъ раба Божія на пустое мѣсто, а коли будетъ не послушаете пречистыя Богородицы—и пошлетъ Христосъ херувимовъ и серафимовъ, и вся небесныя силы, и вамъ будетъ ити

волею и неволею отъ раба Божія (имя река) сохрани мя, соблюди и закрой, защити своею нетлѣнною ризою въ день при солнцѣ, въ ночь при мѣсяцѣ, подъ частыми звѣздами и по зорями утренними и вечерними, и во всякое время, во вѣки. Аминь. 3-жды говори.

№ 20. Отъ уроковъ и переполоховъ.

Господи, благослови, Христосъ! Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверми, изъ двора воротами, въ чистое поле; изъ чистова поля на Акіянъ-синее море. Акіянъ-синее море—всѣмъ морямъ море. И среди Акіянова моря стоитъ бѣлъ сѣръ горючъ камень. И на томъ горючемъ камнѣ стоитъ Латырь-камень. И на Латырѣ-камнѣ сидитъ царь и царица. У царицы сидитъ дѣвица, она съ шелковымъ веникомъ. Царь вели и царица вели, а дѣвица мети съ раба Божія (имя река) щепоту и ломоту, уроки и призоры и прытошныя слова, и опуховыя, и отековыя, переполошныя и родимческую скорбь и болѣзнь въ синее море. Сметай же съ раба Божія (имя река) отъ матерьняго рожденія и отъ святаго крещенія—вѣкъ по вѣкъ, отнынѣ и до вѣку. Аминь.

Которое слово я забылъ, будь мое слово впереди; будьте мои слова крѣпки и лѣпки. Никто моихъ словъ не можетъ не заговорить, не переговорить. Моимъ словамъ ключъ и замокъ. Мои ключи брошены въ синее море. [Кто] мои ключи изъ синяго моря достанетъ, тотъ мои слова обморочитъ и переговоритъ отнынѣ и до вѣку. Аминь.

Оное говорить 3-жды.

№ 21. Ангелу хранителю молитва.

Ангеле христовъ, святы, преданный мнѣ на соблюденіе души и тѣлу моему грѣшному отъ святаго крещенія. Азъ же своею лѣностію и своимъ злымъ обычаемъ прогнѣвалъ твою пречистую свѣтлость, оттнахъ тя отъ себя всѣми студными дѣлы; лжами, клеветами, завистію, осужденіемъ и презрѣніемъ, непокорствомъ, братоненавидѣніемъ, злопомнѣніемъ, сребролюбіемъ, прелюбодѣяніемъ, яростію, скупостію, объяденіемъ безъ сытости, піянствомъ и многоглаголаніемъ, злыми помыслы, горькимъ обычаемъ и блуднымъ возбѣшеніемъ, имы самохотіемъ на женски полъ и мужески; злое мое произволеніе, его же и скоти

безсловесни не творять. Сіе да како уже возможеши возрѣти на мя, или приступить ко мнѣ, аки ко псу смердятему? Которыми очами, ангеле Христофъ, возриши на мя, отплетшаго вле и возгнуснѣхъ дѣлъ моихъ? Да кого уже возмогутъ просити отпущенія злымъ и горькимъ моимъ дѣяніямъ, въ няже впадаю по вся дни и нощы, и на всякъ часъ. Помолитися и припаду я, хранителю мой святы, умилосердися о мнѣ грѣшномъ и недостойномъ рабѣ твоемъ (имя рекъ); буди ми помощникъ и заступникъ на злаго моего сопротивника святыми твоими молитвами; и царствію Божію изведе, и въ третий день и воскресе, и во славѣ велицѣ на небеса взыде, и паки грядущій судити живымъ и мертвымъ, и воздати комуждо по дѣломъ его въ онъже день вси мы грѣшничаемъ, а тебе кающимся милость получити и вѣрующимъ во имя светое. Ты бо еси, Господи, Самъ пречистыми усты рекъ: въ онъже день аще обратится грѣшникъ и покается, живъ будетъ и не умретъ въ вѣки. Но и азъ, грѣшны рабъ твой (имя рекъ), того ради молютися, Господи, о своемъ согрѣшеніи и своего ради обѣщанія отъради мя, Господи, отпусти грѣхи моя прежде разлученія души отъ тѣла моего; наведи мя, Господи, на путь истины. И нынѣ прошу и молюся, и каюся злыхъ моихъ дѣлъ, Господи, спаси и ущедри, призри и посѣти, и умилосердися, и помилуй мя, грѣшнаго раба твоего (имя рекъ). Избави мя, Господи, отъ враговъ въ дому и на пути, и на водѣ, и на всякомъ мѣстѣ. И побѣди, Господи, вся борющіяся со мною. О, премилостивый Господи, человѣколюбце, услыши мя грѣшнаго, вопіющаго Ти, къ человѣколюбцу Богу, взирающе на образа твои пречисты; надѣюся на силу животворящаго креста своего и на Пречистую Твою Матерь, и на небесныя силы, и на пророка, предтечу и крестителя Твоего Іоанна, и на всѣхъ святыхъ Твоихъ апостоловъ и пророковъ, и мучениковъ, и преподобныхъ отецъ, и всѣхъ святыхъ ради, Господи, пріими мое покаяніе грѣшнаго, избави мя, Господи, отъ вѣчныя муки, создавый мя, Господи, и помилуй мя, грѣшнаго, еже (со)грѣшихъ безъ числа въ мирѣ семъ. На Тя уповаю: спаси мя и даруй ми естественое (sic) ума и памяти, и многолюбиваго Твоего имени на призваніе грѣшныхъ Ти и Тебѣ пѣнія находящихъ въ мирѣ. Безъ мущенія безгрѣшенъ день сей подай же ми и зрѣти, яко ты единъ безгрѣшенъ и многомилостивъ, Человѣколюбче, Господи Боже нашъ, и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и Святому Духу нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ Аминь.

№ 22. Для счастья.

Для жеребью и щастія съ самой весны, еще грому не слыхалъ, а когда услышишъ громъ, то, что у тебя въ рукахъ случитца, что бы ни есть, хоша и желѣзо, то изъ того къ своему жеребью приложи или потри. Что желаешъ, то тебѣ и выпадетъ. Сему вѣрь.

№ 23. Для любви вѣчной.

Для любви вѣчной хорошо, лягушки когда ѣздятъ одна на одной, учинить что слѣдуетъ.

№ 24. Сонъ Пресвятыя Богородицы.

Пресвятыя Владычицы, Мати Христа Бога нашего спала еси во святомъ градѣ въ Вифліемѣ Іудейскомъ, и пріиде къ ней Господь Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, и рече ей:— Мати моя возлюбленная, Пресвятая Богородица, спишь ты во святомъ градѣ, въ Вифліемѣ Іудейскомъ? и что во снѣ видиши?—И рече Ему Мати Его, Пресвятая Богородице: „О, сыне возлюбленной мой, изрядное мое чадо, въ мартѣ мѣсяцѣ, во святомъ градѣ въ Вифліемѣ Іудейскомъ сонъ я видѣла пристрашенъ: како бы Тебя, моего Господа Іисуса Христа, видѣла поимана и связана, и преведена къ Понтинскому Пилату, игемону; на древѣ кипарисѣ распята, руцѣ и нозѣ Твои гвоздіемъ пригвожденнымъ, терновъ вѣнецъ на главѣ Твоей возложена и заушенна, и въ ребра Твои святыя прободенна, и абіе изыде крофъ и вода на изцѣленіе христіяномъ и на спасеніе душамъ нашимъ. А Никодимъ снемъ пречистое тѣло Твое, скрывъ; благообразный Іосифъ плащеницею чистою обвивъ и въ новѣ гробѣ положивъ; въ третій день воскресъ и всему міру дарова животъ вѣчный, и раздра рукописаніе Адамово“. Рече ей Господь нашъ, Іисусъ Христосъ—Воистину неложенъ сонъ твой, Богородице!—

И аще кто его въ пути своемъ съ собою носитъ, тому человѣку во всякомъ пути не прикоснется діяволъ, ни злой человѣкъ, ниже нечистой духъ. И еще который человѣкъ сонъ твой, Богородице, въ дому у себя держитъ, и тому человѣку ни татьбы, ни разбойникамъ; въ томъ домѣ — рабомъ здравіе и скотомъ житіе, господину прибытокъ; по водамъ— тихое пристанище и во бесѣдѣ—честь. Аще которой человѣкъ сонъ твой, Богородице, при смерти проспитъ или кого заста-

вить прочтетъ—и тотъ человѣкъ избавленъ будетъ муки вѣчныя и огня неугасимаго, черви неусыпаемыя и тьмы кромѣчныя, и пріидутъ ангелы божіи и возьмутъ душу его честно, и понесутъ въ царствіе небесное. Всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

№ 25.

Сей листъ бысть у гроба божія списанъ златыми литерами во Іерусалимѣ у назаретскаго царя Іудейскаго.

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Тѣ слова святыя на сей свѣтъ сосланы отъ самаго Господа нашего, Іисуса Христа, вольве пишеве базилевъ техъ отъ свѣтѣйшаго и посланъ къ брату своему королю противъ непріятеля. А такую мочь имѣлъ, кто бы его хотѣлъ читать или писать, или желаніемъ слушать, и тотъ человѣкъ на сорокъ дней отпущеніе грѣховъ имѣетъ. А каждая рѣчь тяшко дети не можетъ. А въ которомъ дому бѣлоголовые беременная будетъ носить, то лехко отроча породитъ и сбережетъ ея Господь отъ всякаго злаго дни и въ нощи, и отъ каждой гадины, и скареднаго діявола. Прошу Тебя, Господи мой, искупи мя честною, святою твоею кровію, которой излилъ за насъ многогрѣшныхъ. Іоаннъ Предтеча, Креститель Христофъ, которой крестилъ Господа Бога и Спаса нашего, Іисуса Христа, во Іорданѣ рѣцѣ, исторжи меня, Господи, грѣшнаго отъ огня и меча, и стрѣлъ, дабы мнѣ чего злаго тяшко дѣти не могло.

№ 26.

А сей листъ найденъ въ землѣ Бранисвой, на горѣ Ливной, предъ образомъ архистратига Михаила. А кто его хотѣлъ читать или переписывать, то самъ ему отворялся. А тотъ листъ написанъ былъ златыми литерами:

Азъ, Іисусъ Христосъ, Сынъ Бога живаго, и присылаю вамъ объявлю мочь Божества своего. Есть день недѣльны чтили и каждыхъ работъ не работали на страсть душамъ нашымъ, и молилися, иже праведливый Сынъ Божій мочи Божества своего написалъ и училъ, что добре и справедливо на дѣла земныя далъ Богъ шесть дней работы, седьмый день—освятивши его на добрыя дѣла, учити на покой хвалы своея.

Если не будетъ по волѣ моей и по закону моему ходить, чинить—то буду васъ гладомъ смотри, повѣтріемъ злымъ и вольного карати, и положу на вся цари на градъ, короля и

на короля, пана—на пана, мѣсто на мѣсто, отецъ на сына, сынъ на отца, братъ на брата, сосѣдъ на сосѣда; и будетъ между вами великое кровопролитіе на земли; всѣхъ васъ оскорблю и пищу у васъ отниму, и буду еще васъ карати громомъ и блистаніемъ, и вы познаете гнѣвъ мой Божій. И справедливо есть для грѣховъ васъ. И еще вамъ напоминаю для пресвятыя Матери моей: которые есть день недѣльны чтили и всякихъ работъ не работали, въ церковь Божію ходили и стали по волѣ моей ходити и по закону моему чинить. Еще пущу на васъ птицу черные, которые, летаючи надъ вами, крычучи, укусятъ; которыя суть злое повѣтріе и проказы. Естьли въ субботу—по вечерни не работали для пресвятыя Матери моей, то она умоляетъ. И естьлибы она не умоляла, уже давно бы горькою смертію померли. И въ недѣлю каждый человѣкъ, старый и молодый, съ женами и дѣтьми своими въ церьковь Божію ходили и размышляли бы о грѣсехъ своихъ, какихъ учинили въ теченіе недѣли. Еще вамъ наупоминаю, дабы не клялися небомъ и землею. И вы, людіе, мои, гнѣва моего не забывайте, не свидѣтельствуете, убогихъ не забывайте, отца и мать чтите. Если въ трудахъ моихъ словесъ упражнятися, то дамъ вамъ царствіе небесное да и вѣчный покой,—которыя вѣрятъ сему листу. А который человѣкъ сему листу не вѣритъ, таковой человѣкъ недостоинъ чистаго покаянія, за грѣхи своя помретъ насильною смертію и тотъ человѣкъ проклятъ. А который человѣкъ тому вѣритъ и тотъ листъ при себѣ носитъ, этотъ, хотя бы имѣлъ грѣховъ, якобы песку въ морѣ и якобы листу на древѣ, и якобы звѣздъ на небѣ, то всѣ ему отпущены будутъ, въ царствіе небесное введенъ будетъ. Емуже слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

№ 27. Молитва въ бѣдахъ, скорбяхъ, печаляхъ etc.

Господи Боже, великій Царю, безначальный, пошли рабу своему (имя реку) архистратига Михаила, хранителя отъ врагъ моихъ видимыхъ и невидимыхъ. Хранителю мой, архистратизи Михаиле, буди мнѣ грѣшному (имя реку) въ бѣдахъ и скорбѣхъ, въ печалѣхъ пустыхъ утѣшителемъ, на рѣкахъ сохранителемъ. Государя нашего Александра Павловича и весь дворъ его. Избави мя отъ прелести діявольскія. О, великій архистратиже, побѣди вся противящія не силою Святаго Духа. Молитвами пресвятыя Владычицы нашея, Богородицы и При-

снодѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ. О великій Михаиле и Гавріило, научите терпѣти, како нашъ Господь, Іисусъ Христосъ, прежде смерти крестныя, страдая, испустилъ 100 кратъ ѳ҃ слезныхъ капель при страстѣ и своихъ и лицъ п҃ѕ тысячномъ с҃н кровавыхъ капель 8 крату ҂р, с҃ке за власы главныя и за браду порванъ бѣ и влачимъ о҃ н҃ кратъ подвнувъ и падъ на землю с҃.

№ 28. О 12 пятницахъ.

Великій Климендъ, папа римскій, поучаетъ насъ, братіе, въ году 12 пятницъ и добрѣ хранити подобаетъ:

1-я пятница—на первой недѣлѣ великаго поста. Кто въ ту пятницу постится, тотъ человѣкъ сохраненъ будетъ отъ напрасныя смерти.

2-я пятница—предъ Благовѣщеніемъ пресвятыя Богородицы. Кто въ ту пятницу постится, тотъ человѣкъ сохраненъ будетъ отъ убійства.

3-я пятница—на Страстной недѣлѣ великаго поста. Кто въ тую пятвицу постится, тотъ человѣкъ сохраненъ будетъ отъ непріятеля.

4-я пятница—предъ Вознесеніемъ Господа Бога, Спаса нашего, Іисуса Христа. Кто въ тую пятницу постится, и тотъ человѣкъ сохраненъ будетъ отъ воды.

5-я пятница—предъ сошествіемъ Святаго Духа. Кто въ тую пятницу постится, тотъ человѣкъ сохраненъ будетъ страха и меча.

6-я пятница—предъ Иліемъ пророкомъ. Кто въ тую пятницу постится, тотъ человѣкъ избавленъ будетъ вѣчныя муки.

7-я пятница—предъ Рождествомъ Іоанна Предтечи. Кто въ тую пятницу постится, тотъ человѣкъ сохраненъ будетъ отъ всякія скудости и недостатка.

8-я пятница— предъ Успеньемъ пресвятыя Богородицы. Кто въ тую пятницу постится, тотъ человѣкъ сохраненъ будетъ отъ всякаго смущенія.

9-я пятница—предъ Кузмою-Даміаномъ. Кто въ тую пятницу постится, тотъ человѣкъ избавится отъ грѣховъ.

10-я пятница—предъ Михайломъ архангеломъ. Кто въ тую пятницу постится, того человѣка сама пресвятая Богородица почнетъ имя его въ руцѣхъ своихъ держати.

Конецъ рукописи утраченъ.

II.

[Рукопись на 12 ненумерованныхъ листахъ. Сшита изъ двухъ тетрадокъ различнаго формата: первые пять листовъ и послѣднiй въ восьмую долю; между послѣднимъ и предпослѣднимъ листами вшита тетрадочка изъ шести листовъ въ шестнадцатую долю. Первая тетрадь изъ очень грубой, какъ бы оберточной, бумаги безъ филиграней; написана крайне небрежнымъ, некрасивымъ и неразборчивымъ почеркомъ первой четверти XIX столѣтiя. Вторая тетрадочка написана на болѣе хорошей бумагѣ, имѣющей водяные знаки—буквы „В Ф" и „Р Ф" въ четыреугольной узорчатой рамкѣ. (У Лихачева похожи знаки, относящiеся къ половинѣ XVIII столѣтiя); почеркъ—красивая и четкая скоропись конца XVIII вѣка. На оборотѣ послѣдняго листа запись очень малограмотнаго человѣка: „сия книга деревне Блядунова крестиенин Якова Андреева". Правый нижнiй край послѣдняго листа оборванъ; начало рукописи (нѣсколько листовъ) утрачено. Рукопись порядкомъ потрепана и засалена.

Рускопись заключаетъ въ себѣ два свадебныхъ оберега и одинъ заговоръ отъ порчи, щепоты, прикосовъ, призоровъ и вообще отъ всякихъ болѣзней. Послѣднiй заговоръ первой тетрадки и первый заговоръ маленькой вшитой тетрадочки совпадаютъ (въ тетрадочкѣ начало заговора утрачено); имѣются лишь незначительные варiанты].

[№ 29. Свадебный оберегъ].

Господи Боже, благослови Отче! Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Христосъ небесный. Есть святое море Акiянъ; на томъ святомъ морѣ Акiянѣ есть бѣлъ камень Латарь; на томъ бѣломъ камени Латарѣ сѣдитъ старъ матеръ человѣкъ, волосомъ сѣдъ, бородою бѣлъ; стоитъ отъ того матера человѣка Гесиманная гора отъ востока и до заката, отъ лѣта и до сѣвера. И ѣздитъ по той по Гесиманной горѣ святой Егорей на своемъ на сивомъ конѣ, со своимъ златымъ копiемъ и встаетъ на стражѣ около князя молодово первобрачнаго (имя рекъ) и

около княгини молодые первобрашные (имя рекъ), и около тысецкого, и около сватьевъ, и около князевыхъ бояръ, и около свершниковъ и запетниковъ, и повозниковъ; и ставитъ святой Егорей желѣзной тынъ отъ востока до заката и отъ лѣта и до сѣвера; отъ камяной горы до небесной высоты, до Господня престола; отъ престола до каменной горы; отъ каменной горы до желѣзной подошвы, до трехъ китовъ; а толшина по три сажени печатныхъ. Ѣздитъ самъ святый Егоргій на своемъ на сивомъ конѣ, со своимъ златымъ копіемъ къ мѣднымъ воротамъ, къ булатнымъ вереямъ; и ставитъ самъ святый Егоргей Михаила архангела съ скипетромъ, а у другой вереи Гавріила архангела съ скипетромъ и пропускаетъ князя первобрашнаго (имя рекъ) съ тысяцкимъ и свахами, и дружками, и князевыми боярами, съ вершники и запятники, и повозники, и со мной рабомъ Божіимъ (имя рекъ);—пропускаетъ сквозь мѣдныя ворота, сквозь булатныя вереи князя молодого первобрашнаго (имя рекъ) и княину молодую первобрашную (имя рекъ) съ тысяцкими и дружками, и свахами и князевыма боярама, съ вершники и запятники, и повозники, и со мною рабомъ Божіимъ (имя рекъ). И святый Боже, Козма и Даміянъ затворяетъ ворота къ булатнымъ вереямъ; святый Боже, Михайло архангелъ, Петръ и Павелъ, верховныи апостолы, замыкаетъ (такъ!) своимъ златымъ замкомъ, оставляетъ ключъ у меня, раба Божія (имя рекъ). Самъ святый Егоргей со своимъ златымъ копіемъ, а Михайло архангелъ съ скипетромъ около князя молодого, первобрашнаго (имя рекъ) и около княины молодые, первобрашные (имя рекъ), и около тысецкого, и около свахъ, и около дружекъ, и около князевыхъ бояръ, и около меня, раба Божія (имя рекъ), колдуна, колдунью, вѣдуна, вѣдунью въ ретивое серцо, въ мякое леко [1]), въ черную печень,—чернаго, черемнаго, русаго и краснаго, однозуба и двоезуба, стараго и малаго, и середолица [2]). И хто лихо подумаетъ на князя молодово, первобрашнаго (имя рекъ) и на княину молодую первобрашную (имя рекъ), и на весь князевъ поѣздъ, и на меня, раба Божія (имя рекъ)—ангели, архангели, поставьте того отреченика въ землю смоливымъ пнемъ, облейте ретивое серце смолою, огнемъ, царе, выжги у его уста и серце со злыми дѣлами въ день поцолцемъ [3]), въ ночь подъ мѣ-

[1]) ... въ мягкое легкое...
[2]) Вмѣсто—*средолѣтка*, человѣка среднихъ лѣтъ.
[3]) ... подъ солнцемъ.

сяцемъ, по утру рано, въ вечерѣ поздо, по всякъ день, по всякъ часъ, по всяко время, на ветху мѣсяцѣ и на молоду, на полнѣ и на перекроѣ. И тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ. Кое слово забылъ, то слово поставьте, святители Христовы, всѣхъ напередъ. Всегда и нынѣ, и присно, и вовѣки вѣковъ. Аминь.

[№ 30. Свадебный оберегъ].

Господи, Боже! Благослови, Отче! Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Царь небесный, святые Козма, Даміянъ, Михайло архангелъ, Гавріилъ архангелъ, Петръ и Павелъ, верховны апостолы, поставьте къ моему дѣлу поспѣшеніе и поможеніе, а я, рабъ Божій (имя рекъ), вамъ, государямъ ангеламъ, отъ поту лица своего молюсь; вамъ, государямъ ангеламъ, свѣчи затеплю. И ты когда, колдунъ и колдунья, вѣдунъ и вѣдунья, отречешися сего свѣту, житія-бытія своего и когда потребиши отца или матерь, лишишися сего свѣту, житія своего; и когда опрокинешь на край небо, опрокинешь на край землю до желѣзной подошвы, до трехъ китовъ; и когда принесешь отъ трехъ китовъ ретивое сердце и съ горячей кровію, и съ мягкимъ легкимъ[1]), и съ черной печенью ко мнѣ, рабу Божію (имя рекъ),—въ тотъ часъ тотъ колдунъ и колдунья, вѣдунъ и вѣдунья князя молодого испортить (имя рекъ) и княгину молодую (имя рекъ), и съ тысяцкимъ, и съ всѣми и друшками, и со всѣмъ поѣздомъ, съ вершники и запятники, и со мной, рабомъ Божіимъ (имя рекъ), килу привяжешь, икоту напустишь, х.й увязишь, пи.ду украдешь, нелюпку напустишь, мокрую грыжу напустишь, дрожь напустишь, къ лавкѣ привяжешь, пердежъ напустишь, у передоѣжжихъ щеки[2]) запрешь въ путѣ, въ дорогѣ, и коней въ воротахъ поставишь, языкъ въ удилахъ запрешь, къ назьму сани приморозишь, въ пути въ дорогѣ дороги украдешь, въ пустой дворъ заведешь, изъ сѣдла вышибешь, потпруги подорвешь, изъ саней вышибешь и внизъ опрокинешь, завертки подорвешь, и гужи подорвешь,—тебѣ того дѣла не здѣлать не которымъ дѣломъ не похитрить и не помудрить, своего отца и матерь не полишить сего свѣту, житія и бытія ихъ и мѣста, и тебѣ, колдуне и колдуньѣ, заповѣди не полишить и не учинить, не поставить на край небо

[1]) Въ оригиналѣ—„мякимъ лекимъ“...

[2]) Надъ этимъ словомъ и предыдущимъ въ оригиналѣ тою же рукою и тѣми же чернилами написано—„дружки“...

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

ЖИВАЯ СТАРИНА,

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

XVI годъ изданія 1907	ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ	XVI годъ изданія 1907

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

подъ редакціею Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи В. И. Ламанскаго секретаря Отдѣленія Ѳ. И. Щербатскаго и чл.-сотр. Н. Н. Виноградова, въ XVI году своего существованія будетъ выходить **четырьмя выпусками** по 10—12 листовъ въ каждомъ (въ февралѣ, маѣ, сентябрѣ и ноябрѣ). При достаточномъ количествѣ подписчиковъ число выпусковъ будетъ доведено до шести.

Программа журнала: Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей расъ, племенъ, народностей Россіи и соплеменныхъ и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодѣйствія въ далекомъ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной поэзіи, быта, — вообще живой народной старины; критическій и библіографическій обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Вступая въ XVI годъ изданія, редакція „Живой Старины“ пригласила къ участію въ журналѣ многихъ ученыхъ спеціалистовъ и молодыхъ работниковъ по этнографіи и народной словесности и рѣшила обратить особенное вниманіе на полноту и свѣжесть отдѣла критики и библіографіи. При одномъ изъ выпусковъ, въ видѣ приложенія—отдѣльною книжкою, будетъ разосланъ „Указатель“ къ журналу за 15 лѣтъ (60 вып.) его существованія.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ—5 р. съ доставкою, для иногородныхъ— 5 р. 50 к. и за границу—6 р., для книжныхъ магазиновъ скидка по соглашенію, соразмѣрно количеству требуемыхъ экземпляровъ для сельскаго духовенства, учителей и учащихся—2 р. 75 к. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старины“ (Спб., у Чернышева моста).

Редакція.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко), Фонтанка, 117.

